

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук

На правах рукописи

Колоколова Ольга Алексеевна

**МОТИВ «БЛУДНОГО СЫНА»
В ФИННОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАРЕЛИИ XX ВЕКА**

10.01.02

Литература народов Российской Федерации (литература народов Карелии)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель Маркова Е.И.,
доктор филологических наук

Петрозаводск

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ В БОГОСЛОВИИ И ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ	20
1.1. Богословский аспект толкования притчи о блудном сыне.....	20
1.2. Евангельская притча о блудном сыне как предмет исследования филологической науки	29
ГЛАВА 2. РЕЦЕПЦИЯ МОТИВА «БЛУДНОГО СЫНА» В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ФИННОВ.....	55
2.1. Мотивы «духовного блуждания» и «блуждания в пространстве» сквозь призму евангельского сюжета о блудном сыне в прозе Х. Тихля	55
2.2. Мотивы блудного сына и покинутой родины в поэзии Я. Виртанена	72
2.3. Рецепция мотива «блудного сына» в творчестве Леа Хело	85
2.4. Контекстные модификации мотива «блудного сына» в творчестве финнов-ингерманландцев	105
ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВА «БЛУДНОГО СЫНА» В ФИННОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-КАРЕЛОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	115
3.1. Трансформация мотива «блудного сына» в повествовании Н. Яккола «Водораздел»	115
3.2. Судьба героя в свете библейского мотива «блудного сына» в романах А. Н. Тимонена «Мы карелы» и «Мирья»	134
3.3. Мотив «блудного сына» в серии романов О. Степанова «Родичи»	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	152
БИБЛИОГРАФИЯ	159
Приложение 1.....	179
Приложение 2.....	180

ВВЕДЕНИЕ

Притча о блудном сыне – один из «вечных» сюжетов Священного Писания, востребованных в мировой художественной культуре и литературе¹. Евангельское повествование является предметом богословского и литературоведческого анализа. В святоотеческой литературе сюжет интерпретируется в контексте общехристианской морали и сотериологического учения. Митрополит Антоний Сурожский указывал на глубокий смысл притчи, отмечал ее универсальный, общечеловеческий характер: «Это вовсе не притча об отдельном грехе. <...> Она лежит в самой сердцевине христианской духовности»². Библейское повествование наталкивает на размышления о жизненном пути человека и о духовной дороге к Богу.

Смысловое ядро притчи образуют мотивы смирения, покаяния, чувства вины. По словам священника П. Дмитриева, «блудный сын сохранил единственную жемчужину – способность к покаянию»³. Путь возвращения блудного сына начинается с истинного раскаяния. Речь идет не только о возвращении к отцу, но и об обретении отчего дома, родной земли. Фаддей, архиерей Карельский, подчеркивает праведность любви к отчужденному дому и обращает особое внимание на связь евангельского героя с образом

¹ Словоупотребление «блудный сын» является цитатным, тем не менее, в исследовательских работах встречаются случаи его употребления как в кавычках, так и без них. Мы будем следовать правилам оформления докторской диссертации Э. А. Радь. Исследовательница, «воспользовавшись правом подобной вариативности», в большинстве случаев отказывается от кавычек, за исключением заголовков и некоторых номинаций во введении к работе. См.: Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2014. С. 5.

² Антоний Сурожский. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия], URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> свободный. (09.04.2013)

³ Дмитриев П., священник. Поучение в неделю о блудном сыне // Олонекские епархиальные ведомости. 1917. № 2. С. 31.

изгнанного из своего Отечества иудейского народа, сохранившего в сердце память о родном Иерусалиме⁴.

В то время как богословские интерпретации притчи связаны в большей степени с ее сакральным смыслом, в литературоведении обозначен как символический, так и бытовой, эмпирический контекст евангельского рассказа. Е. К. Ромодановская указывает на соотношение бытового, «реального» и символического уровней содержания притчи: «Создавая символическую картину соотношения мирского и божественного, показывая, какой сокровенный смысл имеет любое человеческое деяние в приведенном «жизненном» примере, евангельская притча-иносказание (парабола) в первую очередь формирует у христианина представление о высоком, но скрытом смысле каждого поступка и каждого слова»⁵. В. И. Габдуллина считает, что притча является одним из «наиболее часто воспроизводимых в русской литературе эпизодов Священного Писания в силу содержащейся в ней житейской мудрости, отражающей человеческий опыт взаимоотношений «отцов» и «детей» в ситуации нравственного выбора, который получил воплощение в эмпирическом плане сюжетного повествования притчи»⁶. Исследуя бытовой план притчи, Ю. В. Шатин предлагает следующую схему сюжетной линии с учетом некоторых психологических особенностей поведения героев: «требование младшего сына о разделе имущества – раздел – уход сына из дома – распутная жизнь – разорение и голод – работа свинопасом – просьба к отцу принять его наемником – возвращение – радость отца – пир – ропот старшего сына – мораль: «надо было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся»⁷.

⁴ Фаддей, арх. Слово в неделю о блудном сыне // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 3. С. 108-109.

⁵ Ромодановская Е. К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков : цитата, реминисценция, мотив, жанр. Вып. 2. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 87.

⁶ Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева : учебное пособие. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2006. С. 3.

⁷ Шатин Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы : («блудный сын» и другие). Новосибирск : Инст-т филол. СО РАН, 1996 С. 36-37.

Символический подтекст притчи связан с ее духовным и сакральным содержанием. В. И. Габдуллина считает, что бытийное содержание притчи включает в себя повествование «об уходе и возвращении в Дом Отца, то есть обретении Дома духовного через смирение гордыни. На метафизическом уровне в сюжете притчи обнаруживаются следующие смысловые узлы: отпадение человека от Бога (веры) – искушения его плоти и духа – духовная смерть – покаяние – воскресение, возвращение в Дом Отца»⁸.

Исследование рецепции евангельской притчи в произведениях художественной литературы производится в нескольких направлениях. В литературоведческих работах представлены различные интерпретации мотива блудного сына, который может функционировать в произведениях как с прямым воспроизведением сюжета евангельской притчи, так и значительной его трансформацией или отсутствием (мотив обозначен на образно-символическом уровне)⁹. Модификации мотива блудного сына в более современных литературных произведениях, по мнению Э. А. Бальбура, «дают не только его (мотива – О. К.) более подробную линейно-дискретную перефразировку, но и отклонения от архаической схемы», по причине того, что автор «видит свою задачу не в повторении известных схем, а в создании оригинального, непохожего на другие сюжета»¹⁰.

В. И. Габдуллина отмечает, что архетипическая модель может быть репродуцирована в художественном произведении апологетически или полемически, таким образом, «обнаруживаются потенции ее функционирования, инициированные исторической ситуацией переосмысления сложившихся традиционных представлений о нравственной

⁸ Габдуллина В. И. Указ. соч. С. 5.

⁹ Об этом: Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе : модификации архетипического сюжета в движении эпох : дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2014. С. 23; Тюпа В. И., Ромодановская Е. К. Словарь мотивов как научная проблема // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 1: От сюжета к мотиву. Новосибирск : Инст-т филол. СО РАН, 1996 С. 5

¹⁰ Бальбуров Э. А. Мотив и канон. Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 2 : Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск : Инст-т филол СО РАН, 1998. С. 13.

норме»¹¹. Как утверждает исследовательница, писатель, обращаясь к нравственной парадигме новозаветной притчи, становится соавтором и «создает на основе архетипического мотива свой алломотив»¹². Таким образом, связь с притчей может «становиться неявной», «скрытой».

Исследователями предложен ряд моделей реализации мотива блудного сына в литературе, в которых допускается отсутствие важнейших элементов сюжета притчи (раскаяние, прощение и др.) Герой осуществляет уход и возвращение к отцу, родине, к себе, возлюбленной, жизни, Богу¹³. В. И. Габдуллина, анализируя мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, выявляет тип героя, «отпадающего от рода» с последующим поиском своих корней, чувством утраты своего Отечества¹⁴.

А. П. Казаркин рассуждая о судьбах региональных (областных) литератур на примере литературы Сибири, отмечает, что «возвращение Блудного сына - лейтмотив областной эпопеи»¹⁵. В подтверждение своей гипотезы исследователь приводит высказывание М. М. Бахтина: «В областническом романе иногда появляется герой, отрывающийся от локальной целостности, уходящий в город и либо погибающий, либо возвращающийся как блудный сын...»¹⁶. Данную особенность исследователь объясняет тем, что «судьбу родного, кровно близкого им региона писатели осмысливают вширь и вглубь при некотором отдалении и при обязательном сохранении душевной связи с малой родиной»¹⁷.

Замечание А. П. Казаркина о роли названного мотива в областной литературе для нас особенно значимо, поскольку материалом данного

¹¹ Габдуллина В. И. Указ. соч. С. 5.

¹² Габдуллина В. И. Указ. соч. С. 5.

¹³ Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков : цитата, реминисценция, мотив, жанр. Вып. 1. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 153.

¹⁴ Габдуллина В. И. Указ. соч.

¹⁵ Казаркин А. П. Проза Сибири в XX веке // Сибирь в контексте мировой культуры : Опыт самоописания. Томск : Изд-во «Сибирика», 2003. С. 116.

¹⁶ Цит. по: Казаркин А. П. Указ. соч. С. 116.

¹⁷ Там же.

исследования являются произведения региональной литературы, системы одного из «областных культурных гнезд»¹⁸, включающей словесность на русском, финском, карельском и вепсском языках.

Литература народов Карелии фактически сложилась в советскую эпоху. Даже русская словесность, несмотря на традиции, заложенные во время новгородской колонизации, Выговского поморского общежития, отдельные опыты писателей Нового времени и феномен Н. Клюева, как единое целое сформировалась после 1917 года, а всерьез обратила на себя внимание исследователей в послевоенную эпоху. Носители прибалтийско-финских языков – карелы и вепсы – осуществили свое право писать на родных языках с середины 1980-х годов (несмотря на попытки создания письменности на этих языках в 1920-е – 1930-е годы)¹⁹. До этого времени они создавали свои произведения на русском и финском языках. В качестве официального языка в Карелии в военные годы и практически до середины 1980-х годов функционировал финский. На финском языке печатались книги, издавались газеты и журналы.

Корпус финноязычной литературы Карелии делится на три группы: иммигрантскую (писатели – выходцы из Финляндии, Канады и США), ингерманландскую (российские финны) и карельскую (карелы, пишущие на финском языке). Большой вклад в развитие литературы Карелии внесли сочинения финноязычных писателей Л. Хело, Х. Тихля, Я. Ругоева, Я. Виртанена, Н. Яккола, Н. Лайне, Т. Сумманена, А. Тимонена, О. Степанова и других.

¹⁸Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краевед. семинар. М.; Л. : Госиздат, 1928.

¹⁹Письменность карельского языка меняла свою графическую основу, нормы единого карельского языка не закреплены. Единый алфавит на основе латиницы был утвержден Постановлением Правительства Республики Карелия от 16.02.2007, работа над разработкой и усовершенствованием алфавита до сих пор продолжается. См. об этом: Родионова А. Некоторые проблемы сложения карельской письменности // *Karelia Written and Sung : Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts*. Kikumora Publications. Aleksanteri Series. 2010. № 3. С. 59-71; Чикина Н. В. Роль национальной литературы в развитии карельского и вепсского языков // *Social science=Общественные науки*. 2015. № 6. Т. 1. С. 239.

В 1920-е годы в Карелию прибывали иммигранты из Финляндии, где попытка создания социалистического государства не была осуществлена. Следующая волна иммиграции связана с Великой депрессией: в республику переезжали финны из США и Канады. Кроме того, население пополнилось за счет российских финнов, которые во время Великой Отечественной войны подверглись депортации и были выселены в Сибирь. По окончании войны некоторые семьи получили возможность вернуться в Ингерманландию (территорию Ленинградской области), большая часть поселилась в Карелии и Эстонии.

Творчество финнов-иммигрантов и российских финнов имело большое значение в литературном процессе Карелии. Писатели работали над развитием финноязычной периодики, занимались редакторской, издательской деятельностью, участвовали в создании и развитии писательских организаций (КАПП, ЛАПП, Союз советских писателей). Их литературное творчество продолжало традиции финской классической и современной пролетарской литературы. В то же время авторы предпринимали попытки художественного освоения советской действительности. Разрабатывались темы революции, свободы, поэтизации труда, исторического пути народов, крестьянства. В связи со сложностями процесса адаптации в новой среде, отсутствием возможности поддерживать связь с родиной, осознанием своего рода изгнанничества, особое звучание в их творчестве приобрели темы отчего дома, Отечества, скитания и духовного поиска. В произведениях финноязычных писателей Карелии изображаются события общероссийского масштаба на примере трагической судьбы финно-угорских народов.

Соответственно, в диссертационной работе рецепция мотива блудного сына рассматривается на уровне семейного конфликта, а также поведения отдельного героя или социума, покидающего свое Отечество вследствие определенных обстоятельств, испытывающего чувство вины и по истечении времени возвращающегося на родину или стремящегося сделать это. Данный

подход обусловлен рядом внешних и внутренних факторов, в частности, особенностями индивидуального авторского сознания писателей и финноязычной литературы Карелии XX века в целом.

Специалисты, изучающие литературу Карелии, обращались к евангельскому сюжету притчи о блудном сыне, но обстоятельного исследования данного аспекта предпринято не было. Представляется важным проследить, как мотив «блудного сына» развивался в творчестве финноязычных писателей: финнов-иммигрантов, российских финнов, а также карелов, писавших на финском языке.

В диссертационной работе мотив блудного сына исследуется как в христианском (творчество Х. Тихля), так и нехристианском контексте (на материале произведений советских писателей). Х. Тихля и до переезда в Карелию, и будучи советским гражданином, не отрекалась от православной веры, исповедовала в своих произведениях идеи христианского социализма. В текстах писателей атеистического мировоззрения также воспроизведены христианские мотивы, поскольку предметом изображения во многих произведениях является быт и судьба крестьянского народа (финского, ингерманландского, карельского). Кроме того, авторы, будучи выходцами из крестьянской среды, воспитывались в традициях христианской культуры.

Исследователи утверждают, что даже в «атеистическую» эпоху возможна «актуализация христианского сюжета», поскольку «христианское сознание настолько усвоено <...>, что начало активно «работать» на подсознательном уровне»²⁰. Исследование трансформации евангельского мотива в произведениях советского периода позволяет обратиться к понятию архетипа, то есть, рассмотреть образ блудного сына как один из компонентов мировой культуры.

²⁰ Чернов А. В. Указ. соч. С. 152; Маркова Е. И. «Георгиевский комплекс» в поэме Николая Клюева «Погорельщина» и тетралогии Федора Абрамова «Пряслины» // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2000. С. 132.

Архетип – понятие, разработанное и обоснованное в работах швейцарского культуролога, психолога и философа К. Г. Юнга (1875-1961)²¹, обозначающее своеобразные модели, образы в памяти человечества, на основе которых возникают мысли, чувства, переживания людей. Теория архетипов стала основой для развития новых областей исследования психологии искусства и закономерностей творческого процесса создания образов, а также способствовала дальнейшему развитию направления интерпретации литературных произведений с точки зрения психологии.

В филологической науке, по словам Ю. В. Доманского, «архетип понимается как универсальный прасюжет или праобраз, зафиксированный мифом и перешедший из него в литературу»²². К примеру, Е. М. Мелетинский рассмотрел ряд сюжетов и образов русской литературы XIX века с точки зрения их изначальных архетипических значений. Функционирование архетипов в художественном произведении осуществляется также на уровне других категорий поэтики, в частности мотива. «Для того чтобы определить архетипическое значение того или иного мотива, – пишет Ю. В. Доманский, – необходимо было разработать методику реконструкции архетипических значений и выяснить, любой ли мотив и в любых ли условиях имеет архетипическое значение или оно актуализируется в зависимости от ситуации»²³.

Исследование архетипической структуры художественного текста – один из аспектов комплексного подхода к изучению литературных произведений. При аналитической интерпретации учитываются психологический, социально-философский, исторический и этический факторы. В отечественном литературоведении интерес к данной проблеме возник в связи с появлением в печати работ С. С. Аверинцева, посвященных интерпретации

²¹ Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991; Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX веков : трактаты, статьи, эссе. М. : Изд-во Московского университета, 1987. С. 214-231.

²² Доманский Ю. В. Архетипические мотивы в русской прозе 19 века : Опыт построения типологии // Литературный текст : Проблемы исследования : Сб. науч. тр. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. Вып. 4. С. 19.

²³ Там же.

философии К. Г. Юнга в филологической науке²⁴. С. С. Аверинцев считал, что архаические закономерности психического проявляются в искусстве и представляют собой основу художественных структур. Анализ и систематизация этих закономерностей может быть осуществлена в категориях философской феноменологии и структурализма, а также психологического анализа. Исследователь утверждал, что аналитическая психология К. Г. Юнга в большей степени, чем фрейдистская, учитывает сложность человеческой психики. В связи с этим, использование ее подходов, понятий и категорий в литературоведении может быть более продуктивным. Необходимо учитывать, что архетипические образы, сюжеты или мотивы, с одной стороны, подвергаются влиянию авторского сознания, его творческой индивидуальности, а с другой – социальным, культурным, историческим особенностям эпохи в целом. Следовательно, они подлежат постоянному изменению и модификации. Идеи С. С. Аверинцева развивали Л. Я. Гинзбург, И. М. Дьяконов, Ю. М. Лотман, В. Я. Пропп, В. Е. Хализев и др.

Актуальность исследования. Тема «Мотив «блудного сына» в финноязычной литературе Карелии XX века» является актуальной в контексте современных направлений литературоведения. Исследование выполнено в рамках изучения «вечных» сюжетов и образов, а также христианских традиций в литературе. Проблема рецепции новозаветной притчи достаточно полно освещена в критической и научной литературе на материале творчества русских писателей. В последние десятилетия возрастает интерес к разработке этой проблемы в контексте других литератур, в том числе, финно-угорской. Наблюдения о трансформации мотива «блудного сына» в произведениях финно-угорских писателей единичны. Представляется важным исследовать этот вопрос в контексте творчества финноязычных писателей Карелии.

²⁴ Аверинцев С. С. «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 113-143.

Предмет исследования – трансформация мотива «блудного сына» в финноязычной литературе Карелии XX века. Мотивом, по определению Ю. В. Силантьева, является «а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками»²⁵. Исследователь считает, что «именно мотив как носитель устойчивых значений и образов повествовательной традиции и одновременно как повествовательный элемент, участвующий в сложении фабул конкретных произведений, обеспечивает связь «предания» и сферы «личного творчества»²⁶. В соответствии с теорией В. Я. Проппа²⁷, мотив – комплексное целое, состоящее из отдельных единиц. Следовательно, в составе мотива блудного сына можно выделить элементы, полностью или частично воспроизводимые в художественных произведениях: блудный сын / дочь, отец / мать, внешний / внутренний конфликт, выбор судьбы, уход из дома, странствие / блуждание, грехопадение, страдание, тоска отчуждения / родителю / Отечеству, раскаяние, возвращение, прощение. Компоненты мотива трансформируются под влиянием творческой индивидуальности писателя, авторского замысла, а также социокультурного и исторического контекста.

Объектом исследования являются произведения финноязычных писателей Карелии XX века: рассказ Х. Тихля «Бродяжка», поэзия Я. Виртанена, стихотворение и рассказы Л. Хело, стихотворения П. Пелля, К. Корвела, очерк П. Мутанена «Земля обетованная», повествование Н. Яккола «Водораздел», романы А. Тимонена «Мы карелы» и «Мирья», серия романов О. Степанова «Родичи». Таким образом, анализ трансформации и функционирования мотива «блудного сына» осуществлен на материале

²⁵ Силантьев И. В. Поэтика мотива. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 96.

²⁶ Там же. С. 9-10.

²⁷ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2005.

произведений различных жанров (роман, повествование, рассказ, стихотворение).

Цель исследования – анализ вариативности мотива «блудного сына» на материале финноязычной литературы Карелии XX века. В соответствии с целью был выстроен ряд исследовательских **задач**:

- выявить особенности интерпретации притчи о блудном сыне в богословском дискурсе;
- представить историографию проблемы изучения мотива «блудного сына»;
- рассмотреть особенности трансформации мотива «блудного сына» в финноязычной литературе Карелии XX века;
- проанализировать влияние индивидуального авторского начала на модификацию мотива «блудного сына»;
- проследить, каким образом отражены элементы национальной культуры и истории в реализации мотива в произведениях;
- выделить устойчивые компоненты мотива в художественных текстах;
- выстроить систему модификации мотива в финноязычной литературе Карелии XX века.

Степень разработанности темы.

Проблема рецепции новозаветной притчи достаточно полно освещена в критической и научной литературе на материале творчества русских писателей исследователями В. И. Тюпой²⁸, А. В. Черновым²⁹, Ю. В. Шатиным³⁰, П. Дебрецени³¹, И. И. Середенко³², В. И. Габдуллиной³³, Н. В. Ковтун³⁴, С. А. Фисун, И. Н. Островских³⁵, О. С. Батовой³⁶ и др.

²⁸ Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. С.67-81.

²⁹ Чернов А. В. Указ. соч. С. 151-158.

³⁰ Шатин Ю. В. Указ. соч. С. 29-41.

³¹ Дебрецени П. Блудная дочь : Анализ художественной прозы Пушкина. СПб. : Академический проект, 1996.

Особо следует выделить труды Э. А. Радь, исследовательницы, посвятившей вопросу функционирования данного мотива докторскую диссертацию «История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох»³⁷. Ее статьи³⁸ и монография³⁹ посвящены историко-типологическому и историко-генетическому анализу архетипического сюжета о блудном сыне в произведениях XII – XX веков. Исследовательница рассматривает «архетипический сюжет притчи о блудном сыне как «модель системы человеческого полагания и поведения» во взаимосвязи с мотивом «отцы-дети»⁴⁰.

В последние десятилетия обозначился интерес к проблеме функционирования христианских мотивов в литературах народов России, в том числе и в финно-угорской словесности. Данный корпус исследований представлен в основном обзорными трудами. Наблюдения о трансформации мотива «блудного сына» в произведениях финно-угорских писателей крайне редки. И. А. Спиридонова отмечает, что сюжет повести «Люди суземья» вепсского писателя А. В. Петухова «восходит к библейской притче о

³² Середенко И. И. Архетип блудного сына в произведениях русских классиков // Культура и текст. 2005. № 9. С. 16-22.

³³ Габдуллина В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома» : Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008.

³⁴ Ковтун Н. В. Мотив блудного сына в современной традиционалистской прозе // Ковтун Н. В. Притча в русской словесности: от Средневековья к новому времени. Монография. Новосибирск : Омега Принт, 2014. С. 435-447.

³⁵ Фисун С. А., Островских И. Н. Мотив блудного сына в художественном мире В. М. Шукшина // Филология и человек. 2016. № 3. С. 74-86.

³⁶ Батова О. С. Образ «блудного сына» в произведениях Л. Пантелеева о беспризорниках // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (90). С. 131-135.

³⁷ Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе : модификации архетипического сюжета в движении эпох: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2014.

³⁸ Радь Э. А. Архетип блудного сына в произведениях А. С. Пушкина // «Два века с Пушкиным»: материалы всеросс. науч.-практ. конф. 17–18 февраля 1999 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 1999. Ч. 1. С. 72-78; Радь Э. А. Проблема выбора путей и смены поколений в творчестве И. С. Тургенева // Христианство и культура: материалы конференций, посвященных 2000-летию Христианства. Самара : Изд-во СамГПУ, 2000. С. 96-113; Радь Э. А. Трансформация сюжета о блудном сыне в творчестве Л. Андреева // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. XXXI выпуск. М. : Прометей, 2005. С. 233-238.

³⁹ Радь Э.А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: монография. М. : ФЛИНТА, 2014.

⁴⁰ Радь Э. А. Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века (К истории сюжета о блудном сыне) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Самара, 2001. С. 5.

блудном сыне»⁴¹. Т. И. Зайцева, рассматривая произведения удмуртского писателя О. Четкарева «Сиз да голубь», «Петля» и «Расколота луна» как «целостную художественную систему, объединенную общим типом героя», анализирует «библейский образ-мотив блудного сына»⁴². Р. Р. Койвисто указал на присутствие сюжета о блудном сыне в романе Х. Тихля «Люди»⁴³. М. В. Казакова анализирует биографию А. И. Хийри (О. Мишина), поэта-билингва, пишущего на русском и финском языках, сквозь призму притчи о блудном сыне⁴⁴. Осмысление данного мотива в контексте финноязычной литературы Карелии позволит не только заполнить лауну, но и стимулировать интерес специалистов к данной тематике.

Ожидаемые результаты исследования: анализ исторического развития рецепции евангельского мотива в финноязычной литературе Карелии XX века; выявление особенностей рецепции евангельского мотива «блудного сына» в контексте данной языковой и социокультурной традиции.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Теоретическую базу исследования представляют труды М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, В. Я. Проппа, В. И. Тюпы, О. Фрейденберг. Исследование опирается на основы структурного и типологического методов, разработанных Д. С. Лихачевым и Ю. М. Лотманом, теорию Б. О. Кормана об авторе и формах выражения авторского сознания в художественном

⁴¹ Спиридонова И. А. Анатолий Петухов // Справочно-аналитические материалы по литературе Карелии (для «Энциклопедического словаря литератур народов России. XX век»). Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1994. С. 37; Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения : автореф. дис. ...докт. филол. наук. Саранск, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> (дата обращения 08.11.2016).

⁴² Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения : автореф. дис. ...докт. филол. наук. Саранск, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> (дата обращения 08.11.2016).

⁴³ Койвисто Р. Р. Этические критерии и художественная правда новеллистики Хильды Тихля и ее романов «Хилма» («Hilma», 1913) и «Люди» («Ihmisiä», 1916) // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. С. 81-99.

⁴⁴ Казакова М. В. Биография Армаса Иосифовича Хийри сквозь призму библейского сюжета: на материале притчи о блудном сыне // Православие в Карелии: материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25-26 октября 2015 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 372-377.

произведении; теорию К. Г. Юнга об архетипах как «сквозных», «порождающих» моделях словесного творчества; учения о литературных архетипах М. Элиаде, С. С. Аверинцева, Е. М. Мелетинского, работы Е. И. Марковой, посвященные интерпретации архетипических моделей в севернорусской и финно-угорской словесности Европейского Севера России. Необходимо указать на особую значимость работ, посвященных исследованию истории литературы Карелии и Европейского Севера в целом: коллективные труды «Очерки литературы Карело-Финской ССР» (1954), «Очерк истории советской литературы Карелии» (1969), «История литературы Карелии в 3-х томах» (1994, 1997, 2000), сборники статей «Проблемы литературы Карелии и Финляндии» (1988, 1991, 1994, 1996), а также монографии Э. Л. Алто, Ю. И. Дюжева, Э. Г. Карху, М. Ф. Пахомовой, Т. И. Старшовой. Важно отметить интерес карельских исследователей к христианской проблематике. Литературоведы Петрозаводского государственного университета под руководством профессора В. Н. Захарова в числе первых начали работу над осмыслением христианских традиций русской литературы. Сборники «Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, жанр» посвящены изучению христианского контекста севернорусской словесности, в тесной связи с которой развивалась финно-угорская литература Карелии. Проблема «православие и культура финно-угорских народов Карелии» поднимается в сборниках «Православие в Карелии», подготовленных, прежде всего, учеными Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Труды носят междисциплинарный характер (история, этнология, языкознание, фольклористика, педагогика, культурология, богословие). Ряд статей посвящен изучению христианских традиций в литературе.

Методы исследования. Для решения поставленных задач использованы следующие методы: историко-типологический, историко-литературный, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный.

В ходе исследования задействованы культурологический и мифопоэтический методы.

Научная новизна.

Корпус финноязычной литературы Карелии, как правило, рассматривался на идейно-тематическом, проблемном уровнях в обзорных трудах историко-литературного плана или в очерках жизни и творчества писателей. Типологическое исследование евангельского мотива на материале произведения советских писателей и представителей направления христианского социализма в финноязычной литературе Карелии предпринято впервые.

Теоретическая и практическая значимость.

Результаты и материалы исследования могут быть использованы при составлении лекционных курсов по истории литературы Карелии в вузовской практике и подготовке школьных уроков по литературе в рамках изучения региональной литературы или спецкурса, посвященного культуре и литературе края.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Мотив «блудного сына» является структурной единицей и состоит из ряда элементов: блудный сын / дочь, подросток; отец / мать; внешний / внутренний конфликт; выбор судьбы; уход из дома; странствие / блуждание; грехопадение, страдание, раскаяние; возвращение, прощение.
2. Элементы евангельского мотива «блудного сына» трансформируются в творчестве финноязычных писателей Карелии XX века. Модификации сюжета обусловлены особенностями индивидуального сознания писателей, исторических, социальных, этнических и профессиональных факторов социального пространства Карелии, глобальных социальных катаклизмов в России XX века.

3. В ряду модификаций мотива «блудного сына» обозначаются две группы произведений финноязычной литературы Карелии XX века. В первой христианский мотив «блудного сына» реализуется эксплицитно, то есть сюжет и образы притчи воспроизводятся в композиции, сюжете и образах художественных текстов. Во второй группе мотив значительно трансформирован в «нехристианском» контексте произведений советской эпохи и интерпретируется на архетипическом уровне.
4. Трансформация мотива «блудного сына» в рассмотренных текстах сопровождается рядом устойчивых образов и компонентов мотива: проблема выбора, духовная и реальная граница во времени, разделение пространства на «свое» и «чужое», образ леса как пограничного пространства, хранящего тайное знание о судьбах героев, образы дороги, отчего дома.
5. В произведениях финноязычной литературы Карелии XX века прослеживается связь образа блудного сына с темами судьбы народа, потери родного языка, культуры, поиска своих корней.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты работы обсуждались и были представлены на V Всероссийской конференции финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России (Правительство РК, Комитет финно-угроведов РФ, ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводская государственная консерватория им. А. К. Глазунова, 2-28 июня 2014 года); Международной научной конференции «Русская литература XX века и революция 1917 года: К 120-летию со дня рождения Всеволода Иванова» (Москва, ИМЛИ РАН, Институт мировой культуры МГУ, МПГУ, РГГУ, 28-30 сентября 2015); Всероссийской научной конференции с международным участием «Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа (1895-1970)» (Петрозаводский государственный университет, 16-19 сентября 2015 года);

Научно-практической конференции «Этническая культура и XXI век» (Петрозаводская государственная консерватория имени А.К. Глазунова, 27 марта 2015 года); Научной конференции «Бубриховские чтения: Гуманитарные науки на Европейском Севере» (ИЯЛИ КарНЦ РАН, 1-2 октября 2015 года); Региональной научно-практической конференции «Русская классика и современность» (Петрозаводский государственный университет, 3 ноября 2015 года); IV научной конференции «Православие в Карелии», посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (Петрозаводск, 25-26 ноября 2015 года); Межрегиональной научно-практической конференции «Финно-угорские народы Северо-Запада России: традиции и современность» (Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям ленинградской области, Санкт-Петербург, 18 ноября 2015 года).

Кроме того, основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 9 печатных работах и 1 электронной публикации, 4 из которых представлены в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 179 наименований, и приложения.

ГЛАВА 1. ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ В БОГОСЛОВИИ И ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1.1. Богословский аспект толкования притчи о блудном сыне

В новозаветной притче о блудном сыне заявлены важнейшие для христианства идеи раскаяния, спасения, милости и прощения. Философский и сотериологический характер притчи обусловлен множеством скрытых смыслов и подтекстов ее содержания, в связи с чем повествование не раз становилось предметом анализа в святоотеческой и богословской литературе. Различные трактовки сюжета и образов евангельского рассказа позволяют судить об универсальности его содержания, отражающем суть взаимоотношений каждого христианина с Богом, а также истории человечества в целом.

Рассказ Иисуса Христа изложен в Евангелии от Луки (XV: 11 – 32). Младший сын, испросив причитающуюся ему часть наследства, покидает отчий дом и, живя распутно, расточает свое имение. В стране наступает голод, и он, не имея средств к существованию, вынужден скитаться до тех пор, пока не решает вернуться к отцу и попросить прощения. Родитель милосердно принимает юношу и, не держа обиды, одаривает его лучшей одеждой, перстнем и закалывает откормленного тельца, ибо сын «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. XV:24). Старший брат не одобряет такое радушие и всепрощение, поскольку он не был отблагодарен отцом за свою верность и служение.

Преосвященный Никанор, епископ херсонский и одесский, вслед за богословами и Святыми Отцами Церкви, отмечал высокие достоинства формы и языкового оформления притчи, а также ее универсальный, общечеловеческий смысл: «Эта притча о блудном сыне так художественно изящна в своей божественной простоте, так возвышенно утонченна в каждой своей черте... Запомнить ее во всех оттенках нетрудно – так она человечна и

общечеловечна. <...> Она имеет мировое значение, начинаясь и постоянно повторяясь на земле, от начала бытия, продолжаясь и оканчиваясь на небе и имея завершиться там же на небе только с концом сего привременного земного бытия»⁴⁵.

Притчу характеризует богатство и глубина содержания, символический подтекст, отражающий путь человека в его взаимоотношениях с семьей, Отечеством, Богом. Священномученик Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский отмечает психологизм библейского повествования: «Эта притча бессмертна ... <...> Главный смысл притчи – вечная история ухода человека от Бога, ухода от Отца. Посмотрите, с какой психологической тонкостью каждый штрих, каждое слово этого иносказания рассказывает нам эту историю отпада души от Бога, ухода из Отчего дома!»⁴⁶ Святитель Амвросий Медиоланский назвал притчу о блудном сыне «*Evangelium Evangeliorum*» – «Евангелие Евангелий», или «сердцевина Евангелия»⁴⁷. Как отмечает митрополит Антоний Сурожский, притча о блудном сыне чрезвычайно богата содержанием, поскольку в ней человек изображен в кризисный, переломный момент, «когда он отворачивается от Бога и оставляет Его, чтобы следовать собственным путем в «землю чуждую», где надеется найти полноту, преизбыток жизни. Притча также описывает и медленное начало, и победоносное завершение пути обратно в отчий дом, когда он, в сокрушении сердца, избирает послушание»⁴⁸.

⁴⁵ Никанор, епископ. Поучение в неделю блудного сына, в день поминовения усопшего раба Божия, Феодора Достоевского, знаменитого писателя // Поучения Никанора епископа Уфимского и Мензелинского. Уфа : Губернская типография, 1883. С. 47-48.

⁴⁶ Священномученик Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский. Слово в неделю о блудном сыне // Православный собеседник. Вып. 10 (103). 28 февр. (15 февр.) 2016. С. 10. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия], URL: <http://pravme.ru/uploads/files/00/00/01/2016/02/27/576c047fc4.pdf> свободный. (09.05.2016)

⁴⁷ Цит. по: Чистяков Г. П. Над строками Нового Завета. М. : Истина и жизнь, 2015. С. 11.

⁴⁸ Антоний Сурожский, митрополит. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm>. свободный (09.04.2013)

В притче представлены общечеловеческие типы отца и двух сыновей. Младший, заблудший, растративший отцовский дар, раскаялся и обрел прощение. Старший посвятил себя отцу и в своей преданности желал отцовского поощрения. В поступках отца, принимающего с открытым сердцем блудного сына, отмечают проявление всепрощающей любви Господа к своим детям. Поведение братьев зачастую подвергается порицанию за расточительность, предательство младшего и жестокосердие, гордыню старшего. Однако нам более близки рассуждения митрополита Антония Сурожского, который призывает увидеть трагичность и одновременно красоту всех трех образов: преданность, верность и послушание старшего сына, посвятившего свою жизнь служению отцу, «творческое расположение» младшего, способного на искреннее раскаяние, и способность отца простить «всем сердцем, со всей нежностью»⁴⁹.

В притче и в стихирах недели о блудном сыне говорится о покаянии человека, возвращающегося из самовольного изгнания. «Нам рассказывается о блудном (морально заблудившемся) человеке, который ушел в «далекую страну» и там истратил все, что он имел. Далекая страна! Это единственное определение состояния человека, <...> изгнанного от Бога, от настоящей жизни... И тот, кто чувствует себя совершенно «дома» в этом мире, кто никогда не испытал мучительной тоски по другой Правде, никогда не поймет, что такое раскаяние»⁵⁰.

Сотериологический смысл притчи подтверждается также евангельским контекстом, поскольку данному повествованию предшествуют две притчи, раскрывающие идею спасения души и возвращения к Отцу Небесному. Пятнадцатую главу Евангелия от Луки открывают притчи о пропавшей овце и потерянной драхме, в более обобщенной, аллегорической форме повествующие о грешнике, который был потерян, а затем возвращен в «стадо

⁴⁹ Антоний Сурожский, митрополит. Указ. соч.

⁵⁰ Шмеман Александр, протопресвитер. Возвращение в отчий дом. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия]. URL: http://www.zavet.ru/a/post_1046337711.html свободный (05.03.2016)

небесное». Данные тексты, в том числе и повествование о блудном сыне, входят в так называемый цикл притч «об утраченном». Иисус Христос обращается к окружавшим его людям, включая мытарей и грешников, книжников и фарисеев, повествуя о любви Отца Небесного к заблудшим детям, давая надежду на спасение и возвращение. Притча о блудном сыне является следствием, логическим завершением двух предыдущих евангельских рассказов.

Повествование читается во время богослужения накануне святых дней Великого поста и призвано помочь верующим осуществить подготовку к Четыредесятнице. Отметим, что во время богослужения Недели о блудном сыне на утрене вслед за торжественными псалмами полиелея поется полный грусти и тоски псалом 136: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: «пропойте нам из песней Сионских». Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего...» (Пс. 136: 1 – 6). Псалом является песнью изгнанного из Иерусалима иудейского народа. Находясь в Вавилонском плену, иудеи поют псалом, полный тоски о святом городе, своем доме. «Этот псалом поется еще два раза, в последние два воскресения перед Великим постом. Он открывает нам значение Поста как паломничества, покаяния – возвращения в дом Отца», – утверждает протопресвитер Александр Шмеман⁵¹. Таким образом, Церковь связывает символический смысл притчи о блудном сыне с судьбой покинувшего свою землю народа, тоскующего в изгнании о покинутом Отечестве.

⁵¹ Шмеман Александр, протопресвитер. Зачем поют псалом изгнания и каков смысл Недели о блудном сыне [Электронный ресурс] / Александр Шмеман // Православие и мир. Электрон. дан. [Россия], 2016. URL: <http://www.pravmir.ru/velikiy-post-pochemu-segodnya-vecherom-budut-pet-psalom-izgnaniya-i-kakov-smyisl-nedeli-o-bludnom-syine/>. Яз. рус. (05.03.2016)

Существует несколько вариантов интерпретации символического смысла притчи. Основной идеей данного текста с точки зрения богословского дискурса является любовь Отца Небесного к заблудшим детям. Под сыновьями в наиболее прямых толкованиях подразумеваются праведник и грешник. Тем не менее, необходимо учитывать, что в каждой личности сосуществуют человек ветхий и новый, духовный и плотский. Человек духовный не мыслит жизни без Бога и свое предназначение видит в исполнении воли Божьей. Человек младший, заблудший стремится к обретению свободы, проявляя своеволие, жаждет обретения истины, отдалившись от Господа.

Святитель Амвросий Медиоланский и Евфимий Великий считают, что под образом старшего сына подразумевается избранный Богом Израильский народ, а ушедшего в дальнюю страну, расточившего свое имение, раскаявшегося и вернувшегося обратно младшего – множество языческих народов. Святитель Иоанн Златоуст отмечает, что в образе старшего брата воплощены черты книжников и фарисеев, следующих букве закона, осуждающих Господа, идущего навстречу грешникам и блудницам, словно Отец, бегущий в притче к возвратившемуся младшему сыну.

Младший сын, потребовав полагающуюся ему часть наследства, возжелал обрести свободу от исполнения отцовской воли. Отец без единого упрека дает сыну желаемое. Переданное отцом имение трактуется как душевные и телесные дары, которые получает каждый человек: силы души (разум, чувство, воля) и благодать Духа Святого. Святитель Иоанн Златоуст связывает с данным образом дары, которые человек обретает во время таинства крещения.

Спустя некоторое время, сын, получив полагающуюся ему часть имения, покинул отчий дом, отправившись в страну далече. Кратковременное пребывание в отчем доме сравнивают с недолгим пребыванием Адама и Евы в раю. Нарушив волю Господа, первые люди возжелали свободы. Стремясь обрести личную свободу и испытать

удовольствия, блудный сын уходит в чужую землю, которая, в соответствии с толкованием святителя Иоанна Златоуста, соотносится с поприщем страстей человеческих и сопровождается потерей благодати Божьей. Живя распутно, юноша расточает силы своей души.

Отметим, что определение «блудный» в старославянском и русском переводе ассоциируется с существительными «блуд», «блудница», чему есть подтверждение в тексте притчи («этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами»). Тем не менее, в данном случае семантически более верно соотнести прилагательное с глаголом «блуждать», что может быть подкреплено рядом языковых фактов. Во-первых, в греческом тексте Евангелия от Луки используется определение «ἄσφωτος»⁵², которое представляет собой отглагольное прилагательное от глагола «σώζω» (спасать) с α privativum, что буквально переводится «не могущий быть спасенным»⁵³. Глагол «σώζω» связан с важнейшими в христианстве понятиями Σωτήρ (Спаситель), σωτηρία (спасение души человеческой). Таким образом, одно из значений прилагательного «ἄσφωτος» – «невозможность спасения для вечной жизни, нравственная гибель», что гораздо шире подразумеваемого значения существительного «блуд»⁵⁴. Во-вторых, фраза «живя распутно» в русском переводе также указывает на значение «блуд», но в греческом тексте данное сочетание звучит как «ζῶν ἄσφωτος», при этом «ἄσφωτος» – наречие, образованное от прилагательного «ἄσφωτος», разобранный ранее. То есть, фраза «ζῶν ἄσφωτος» означает, что младший сын «сошел с трудного пути спасения и вступил на путь гибели»⁵⁵, потерял себя и

⁵² Греческий текст Нового Завета здесь и далее цит. по: *Novum testamentum Graece / post Eberhard Nestle et Erwin Nestle. Editione vicesima septima revisa; communiter ediderunt Barbara et Kurt Aland. Stuttgart: Deutsche Bibelstiftung, 1993.*

⁵³ Мальчукова Т. Г. Евангельская притча о блудном сыне и ее интерпретация в творчестве А. С. Пушкина // Мальчукова Т. Г. *Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А. С. Пушкина.* Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 350.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 351.

находится в духовных блужданиях. Уточним также, что в латинском тексте данная фраза звучит как «vivende luxuriose» (Лс. 15 : 13) («живя роскошно»)⁵⁶.

Заблудший юноша расточил все силы души своей, живя вдали от отчего дома. Наступил великий голод, который, в первую очередь, ассоциируется с духовной пустотой. Блудный сын теряет источник истинного счастья – связь со своими корнями, Отечеством, в символическом толковании – с Отцом Небесным. «Он жил в распутстве, то есть во мраке страстей, а это и значит быть далеко от лица Твоего», – пишет Блаженный Августин, епископ Иппонийский⁵⁷. Человек, находясь вдали от питающего его Господа, согласно пониманию святого Августина, сам становится носителем духовной пустоты и нищеты: «Я в юности отпал от Тебя, Господи, я скитался вдали от твердыни Твоей и сам стал для себя областью нищеты»⁵⁸.

Блудный сын потерпел наказание за желание свободы и своеволие. Он пытается насытить себя той пищей, которой питаются бессловесные свиньи, но испытывает муки и чувство богооставленности. Юноша приходит в себя, когда вспоминает об отце, наступает переломный момент в истории блудного сына. В сердце юноши разгорелась искра благодати, которую Господь, в соответствии с христианским учением, не отнимает ни у одного грешного. Почувствовав тепло претворенной искры Божьей, герой притчи откликается, раскаивается и принимает решение возвратиться к отцу.

В библейском рассказе обозначена важнейшая категория христианской антропологии – память смертная, то есть способность человека трезво проанализировать свои поступки и признать совершенные грехи. Память является одним из первых шагов к «деятельному» покаянию, которое Святой

⁵⁶ Biblia sacra vulgata juxta vulgatum versionem / Preparavit R. Gryson. Ed. Ll. Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1994.

⁵⁷ Аврелий А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Иппонского // Богословские труды. 1978. Вып. 19. С. 80.

⁵⁸ Там же. С. 86.

Феофан Затворник назвал «последним», «наиболее необходимым шагом» на пути обретения Спасения⁵⁹.

Отец, увидев издалека своего сына, устремляется к нему с поспешностью, обнимает и принимает его. Символический подтекст данной сцены содержит указание на всеобъемлющую любовь Господа к кающимся блудным чадам: «Христос, говоря я, радостно объедет возвращающегося блудного сына»⁶⁰. Отец не укоряет свое чадо и, радуясь его возвращению, не позволяет договорить подготовленные юношей слова о просьбе принять его в наемники. Младший сын получает в дар новые одежды, перстень, а также в честь его возвращения закалывается теленок и готовится пир. Старший сын, услышав об этом, осердился и не захотел разделить радость отца. Он не называет юношу своим братом: «Этот сын твой...» (Лк. XV:30). Антоний Сурожский отмечает, что в сердце старшего сына отсутствует искренняя, «живая» любовь, он лишен умения прощать и искренне радоваться возвращению ближнего к истинному пути: «Он всегда был хорошим работником в доме отца, и жизнь его безупречна. Но он так и не понял, что главное в отношениях отцовства и сыновства – не работа, а сердце, не долг, а любовь. Он во всем был верен; но отец у него был, сам он был сыном – только внешне.... Он мыслит только в категориях приказаний и преступлений; он никогда не уловил за словами – содержания, в голосе – сердечности, теплоты совместной жизни, в которой и у него и у отца своя роль, – для него все это сводилось к приказаниям и обязанностям, которые он никогда не нарушал»⁶¹.

Необходимо обратить внимание на образ закалываемого тельца, который часто упускается при интерпретации притчи. Феофилакт Болгарский трактует заклание как искупительную жертву Господа Иисуса Христа: «Кто есть упитанный «телец», закалаемый и едомый, это не трудно понять. Он

⁵⁹ Феофан Затворник. Мысли на каждый день года [Электронный ресурс] [Россия]. URL: <http://kostino.orthodoxy.ru/feofan1.htm>, свободный (19.04.2013)

⁶⁰ Блаженный Иероним Стридонский. Письмо к папе Дамасу // Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Киев : Типография И. И. Човолова, 1880. Ч. 3. С. 48.

⁶¹ Антоний Сурожский, митрополит. Указ. соч.

есть, без сомнения, истинный Сын Божий. Поскольку Он Человек и принял на Себя плоть, по природе неразумную и скотоподобную, хотя и наполнил ее собственными совершенствами, поэтому назван Тельцом. Телец Сей не испытал ярма закона греховного, но есть Телец «откормленный», поскольку определен на сие Таинство прежде создания мира»⁶². Близкую интерпретацию предложил Григорий Палама: «Этот Телец - Сам Господь, Который выходит из сокровенности Божества и от находящегося превыше всего престола, и как Человек, явившись на земле, как Телец закаляется за нас грешных, и как насыщенный Хлеб предлагается нам в пищу»⁶³.

Таким образом, притча о блудном сыне наполнена духовно-символическим содержанием. В повествовании представлены общечеловеческие типы всепрощающего отца, заблудшего и раскаявшегося младшего сына, преданного отцу, но лишённого чувства сострадания и умения простить старшего брата. В притче представлены важнейшие категории христианской антропологии и сотериологии: память, раскаяние, прощение, милосердие, спасение. Церковь связывает притчу о блудном сыне с историей изгнанного иудейского народа, чья песнь, полная тоски о доме, поется в неделю о блудном сыне.

⁶² Феофилакт Болгарский. Толкование на Лк. 15 [Электронный ресурс] / Блж. Феофилакт Болгарский. [Россия]. URL: <http://feofilakt.ru/>, свободный (09.04.2014)

⁶³ Григорий Палама. Беседы: в 3 т. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1994. Т. 1. С. 39.

1.2. Евангельская притча о блудном сыне как предмет исследования филологической науки

Изучение притчи о блудном сыне в современной филологической науке ведется в нескольких направлениях. Наряду с другими евангельскими притчами, исследуются жанровые характеристики данного текста, а также производится анализ трансформации притчи в произведениях художественной литературы на уровне мотива, сюжета, образа и архетипа.

Наиболее актуальными направлениями исследования жанра притчи являются социо-коммуникативное, лингвокогнитивное и речевое моделирование⁶⁴. Согласно определению, данному Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, притча – «нравственно-дидактический жанр нарратива, типизирующий жизненные ситуации (т.е. выделяющий сходство между ними) и построенный на приеме аллегории»⁶⁵. Исследователи отмечают, что главным свойством аллегории в притче является симилиативность, основанная на схожести образа и идеи. Данная особенность «позволяет осуществить перенос содержания притчи на другие сходные жизненные ситуации»⁶⁶, а также, на наш взгляд, объясняет множественность моделей трансформации притчей, в том числе евангельского рассказа о блудном сыне, в произведениях мировой литературы. По мнению Е. К. Ромодановской, одна из важнейших характеристик жанра притчи заключается в ее многозначности⁶⁷. «Конкретные жизненные ситуации не совпадают точь-в-точь, но все же путем отвлечения-абстрагирования замечается общее,

⁶⁴ Балашова Е. Ю. Дискурсивная специфика жанра евангельской притчи (на материале анализа притчи о блудном сыне) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 2. С.17.

⁶⁵ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М. : «Индрик», 2005. С. 738.

⁶⁶ Там же. С. 739.

⁶⁷ Ромодановская Е. К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков : Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : Сб. науч. тр. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. С.111.

повторяющееся (т.е. типическое) в тех из них, которые по общим чертам между собою сходны», – утверждают Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров⁶⁸.

Продолжая рассуждения исследователей, заметим, что по аналогии с предложенным подходом, основанном на определении нравственно-психологических и социальных характеристик, типическое выделяется в художественных произведениях в зависимости от того, существуют ли в тексте прямые отсылки к евангельской притче или ее сюжет и содержание проявляются на архетипическом уровне. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров выделяют два аспекта притчи – ретроспективный и перспективный, так как, с одной стороны, притча «подытоживает целый ряд ситуаций, имевших между собой общие, повторяющиеся, т.е. типические черты», а с другой, «слушатели способны применить содержание притчи к новой конкретной ситуации», следовательно, притча «панхронически типизирует жизненные ситуации»⁶⁹. Данные рассуждения, на наш взгляд, справедливы также в отношении трансформации притчи в сюжетах художественных произведений.

Е. Ю. Балашова характеризует притчи как «...особый религиозный жанр, занимающий своеобразное положение между первичными и вторичными религиозными жанрами»⁷⁰. Уточним, что к первичным образцам христианского религиозного дискурса, «некой первооснове», исследовательница относит тексты Священного Писания. Так называемые вторичные религиозные жанры включают святоотеческие труды, проповеди, церковную публицистику, молитвы, исповеди. Данные произведения создаются с опорой на композицию, содержание, духовно-ценностные ориентиры, представленные в книгах Священного Писания Ветхого и Нового Заветов.

Западные исследователи рассматривают связь жанра притчи с понятиями «аллегория» и «метафора». Е. Ю. Балашова отмечает, что ученые

⁶⁸ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ. соч. С. 739.

⁶⁹ Там же. С. 741.

⁷⁰ Балашова Е. Ю. Указ. соч. С. 17.

XX века были склонны различать понятия притчи и аллегории⁷¹. Данная позиция объяснялась тем, что притчи строятся на основе одной центральной идеи, в то время как детали рассказа являются лишь способом достичь большей достоверности повествования или влияния на слушателей. Аллегория, в свою очередь, является более сложным по структуре и содержанию текстом, в котором множество деталей имеют символический подтекст и могут быть интерпретированы в соответствии с авторским замыслом и индивидуальной трактовкой рассказа читателем. Тем не менее, современная группа библеистов и исследователей, в том числе, К. Бломберг, отождествляют понятия притчи и аллегории, допуская множественность трактовок одного текста⁷².

В то же время ряд ученых сближают жанр притчи и метафору, вкладывая в последнее понятие новые смыслы. По мнению П. Рикера, метафорой следует считать законченное предложение, созданное на основе слов и словосочетаний, несовместимых или плохо сочетаемых в речи. Данный эффект призван произвести неожиданное, притягивающее внимание, в некоторых случаях шокирующее впечатление на слушателя или читателя. В связи с этим, метафора понимается как «семантическая инновация» и является одним из способов речевой коммуникации, предостерегает, побуждает, воодушевляет или приобщает к чему-либо⁷³. Соответственно, понятия аллегии и метафоры в данном случае являются взаимоисключающими.

Отцы Церкви, богословы, библеисты, интерпретируя притчу о блудном сыне, в большинстве случаев концентрируют внимание на идее любви и милости Господа по отношению к его чадам. В лингвокультурологических и литературоведческих исследованиях в большей мере анализируются психологические аспекты поведения героев повествования, а также бытовая составляющая сюжета притчи. Следовательно, семантическое поле текста

⁷¹ Балашова Е. Ю. Указ. соч. С. 18.

⁷² Бломберг К. Интерпретация притчей. М. : ББИ, 2005. С. 73.

⁷³ Ricoeur P. The Rule of Metaphor. Toronto ; L. 1977. P. 173-215.

расширяется, включает множественные модели героев, покинувших отчий дом, Родину, переживших разлад между поколениями или не покорившихся воле отцов. В интерпретации притчи и ее трансформации в художественных произведениях наблюдается общая тенденция смещения «акцента субъекта Божественной любви на ее объект, то есть на человека»⁷⁴.

Необходимо также отметить, что в некоторых работах, к примеру, исследованиях А. Вежбицкой, предмет анализа (Божественная любовь к человеку) наиболее близок к богословским сочинениям. Тем не менее, рассматривается не сама сущность всеобъемлющей любви Господа, как в святоотеческой литературе, а ее влияние на человека, конкретные воплощения. Сакральная тема приобретает более реалистично-прагматичное, бытовое звучание. Автор делает акцент на «заинтересованности Бога в каждом отдельном индивиду»⁷⁵. А. Вежбицкая сопоставляет притчу о блудном сыне с притчами о заблудшей овце и потерянной драхме, образующими «цикл об утраченном», и выделяет пять частей в его структуре: «Часть А указывает на всеобъемлющую любовь Бога и на тот факт, что возможность «жить с Богом» открыта для всех. Часть В указывает на возможность «отвернуться от Бога» и на то, какая это потеря для данного человека. Часть С описывает непрекращающуюся заинтересованность Бога в отдельном индивиду («тебе»), который отвернулся от Него, и на постоянное желание Бога простить и с радостью принять этого человека назад. Часть D указывает на то, что всегда возможно «обращение» человека и его «возвращение» к Богу, и часть E – на то, что Бог хочет, чтобы этот человек – не просто все люди вообще, но данный конкретный человек («ты») как индивид – «вечно жил с Богом», и на Божью любовь к данному конкретному человеку («тебе»)»⁷⁶.

⁷⁴ Балашова Е. Ю. Указ.соч. С.18.

⁷⁵ Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 239.

⁷⁶ Там же.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, в свою очередь, представляют словесную модель, описывающую раскаяние и возвращение блудного сына с точки зрения психологии⁷⁷. Исследователи выделяют несколько составляющих покаяния: «осознание губительности греховного состояния», «признание, исповедание грехов», «стыд, а также смирение и самоосуждение», «готовность принять заслуженное наказание и понести его» и «наконец, предполагается не одно лишь намерение, а действие, реальное обращение на праведный путь»⁷⁸. В данном случае в рамках лингвистического подхода применяется методика «исчисления рече-поведенческих тактик».

Е. Ю. Балашова на основе анализа лингвокультурологических источников толкования притчи делает вывод о наличии следующих бинарных когнитивных компонентов в ее составе: «разрыв с субъектом вследствие греховности объекта – желание / побуждающее действие субъекта к возврату догреховного состояния», «раскаяние объекта – всепрощающая любовь субъекта»⁷⁹. Применяя метод лингвофилософского анализа притчи о блудном сыне, исследовательница выявляет специфику концепта «любовь» и выделяет в его составе такие когнитивные единицы, как абсолютная полнота; милосердие; необъятность; действенность⁸⁰. Автор представляет данный концепт как трёхуровневую структуру, которая может быть исследована в теологическом (любовь к Богу и Божья любовь), морально-нравственном (любовь к ближнему) и прагматическом (любовь в семье) аспектах⁸¹.

Необходимо отметить, что прощение, дарованное Господом, является полным и всеобъемлющим. Отец, представляющий в притче о блудном сыне образ Отца Небесного, не испытывает сомнений и с готовностью принимает раскаявшегося сына. В связи с концептом «прощение» в данной притче

⁷⁷ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ. соч. С. 746.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Балашова Е. Ю. Указ. соч. С. 19.

⁸⁰ Балашова Е. Ю. Духовный концепт «любовь» в евангельской притче о блудном сыне // Славянская культура: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. С. 54.

⁸¹ Там же.

выделяют следующие когнитивные единицы: абсолютная полнота, милосердие, необъятность, действенность⁸². Прощение, даруемое человеком, не является в той же степени всеобъемлющим. Следовательно, литературоведческие исследования основаны на иных когнитивных моделях, поскольку в тексте художественного произведения притча может быть трансформирована как на сакральном, так и на бытовом уровне.

Современные работы, посвященные изучению мотива блудного сына в произведениях русской литературы, сосредоточены преимущественно на анализе отдельных текстов XIX-XX веков. Мы не можем наиболее значительные из них обойти своим вниманием по причине того, что не имеем необходимых изысканий на материале литератур финно-угорских народов. Кроме того русская литература (в переводах и в оригинале) была известна финноязычным писателям Карелии и оказала влияние на формирование их художественного мышления.

А. В. Чернов анализировал особенности трансформации архетипа блудного сына в русской литературе XIX века. Исследователь утверждает, что христианское мироощущение глубоко освоено русской культурой и воспроизводится, «работает» на подсознательном уровне: «Христианские мотивы, их комбинации, переходят на уровень архетипов, то есть наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психологических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве»⁸³. Автор отмечает универсальность данного архетипа, поскольку он «изначален» и «определяющ», объединяет все человечество в его истории взаимоотношений с Богом и между собой: «Все человечество, весь «многообразный» Адам – это блудный сын, отошедший после грехопадения от отца и возвращающийся

⁸² Балашова Е. Ю. Дискурсивная специфика жанра евангельской притчи... С. 19.

⁸³ Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков : цитата, реминисценция, мотив, жанр. Вып. 1. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 151-158.

к нему через мучения, страдания, заблуждения, окунувшийся в зло мира, попавший под его власть»⁸⁴.

А. В. Чернов пишет, что архетип «блудного сына» является сюжетообразующим в русской литературе XIX века. В зависимости от художественной реализации архетипа, исследователь разделяет литературу на «две части, два онтологически противоположных направления»⁸⁵. К первому направлению автор относит произведения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова. В основе литературных текстов данных писателей – «прохождение героя через испытания с последующим возвращением к истоку (изменившийся герой обретает себя, «возвращается» к себе: к семье, возлюбленной, жизни, Богу)⁸⁶. Исследователь подчеркивает, что возвращение обязательно, но его не следует понимать буквально. У истоков противоположного направления, по мнению А. В. Чернова, фигура Н. В. Гоголя, осознававшего необходимость возрождения / возвращения, но не нашедшего пути его осуществления. К данному направлению, по мысли автора, относятся также «прогрессисты», в понимании которых прогресс всегда связан с движением вперед, однонаправлен.

Особым образом исследователь объясняет присутствие архетипа блудного сына в произведениях И. С. Тургенева. Исследователь основывается на понимании персонажей писателя как «нехристианских» героев. Мотив возвращения блудного сына в прозе И. С. Тургенева А. В. Чернов объясняет философскими воззрениями писателя: «Тургенев-художник глубоко чувствует неумолимый ритм возвращения, организующий человеческое бытие. Отсюда постоянные «кольцевые» композиции его повестей и романов», «цель возврата осознается героем весьма смутно (часто это происходит в форме осознания совершенной ошибки, упущенной

⁸⁴ Чернов А. В. Указ. соч. С. 152.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

возможности и т.п.)...»⁸⁷. Герои возвращаются не в отчий дом, а к самим себе. Таким образом, воспроизведение архетипа блудного сына в произведениях русской литературы сопровождается актуализацией бытового и сакрального смыслов притчи.

В. И. Тюпа посредством методов мотивного анализа рассматривает особенности рецепции притчи о блудном сыне в русской литературе XIX века на материале цикла А. С. Пушкина «Повести Белкина»⁸⁸. Исследователь отмечает, что притча о блудном сыне является «литературно наиболее продуктивной из всех евангельских притч»⁸⁹ и указывает на связь евангельского сюжета с обрядом инициации. Анализируя отдельные повести в составе пушкинского цикла, В. И. Тюпа выделяет ряд мотивов, соответствующих на мифопоэтическом уровне этапам инициативного обряда: отправление в «дальнюю сторону» и пребывание в чужой стране, приравняемое мифологизированным мышлением к прохождению через царство мертвых; повышенный эротизм героя; встреча с чудовищем или тотемным животным (свиньи в библейском тексте поедают рожки, которые могли бы спасти блудного сына от голодной смерти); одевание в новую одежду и пиршество с закланием жертвенного животного⁹⁰. Кроме того, герой, проходящий обряд инициации, по мнению исследователя, не должен избегать искушений, а наоборот, вынужден пройти через искус, переродившись при этом в новом статусе: «он не аскет, а «скиталец» (восходит к индоевропейскому корню «спешить, убежать») – будущий инициативный «плут» романной традиции»⁹¹. В. И. Тюпа, анализируя мифопоэтику цикла «Повести Белкина» на основе притчи о блудном сыне, приходит к мысли о символической связи между «отчим домом, вотчиной и

⁸⁷ Чернов А. В. Указ. соч. С. 156-157.

⁸⁸ Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. С. 67-81; Тюпа В. И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М. : Лабиринт, РГГУ, 2001. С. 166 – 178.

⁸⁹ Тюпа В. И. Аналитика художественного... С.168.

⁹⁰ Там же. С. 168-169.

⁹¹ Там же. С.169.

отчизной, родиной, между отцом и государем»⁹², представляя широкий контекст интерпретации притчи в литературе не только в сакральном, но и бытовом плане.

Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров описывают особенности трансформации сюжета притчи о блудном сыне в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»⁹³. Используя методiku анализа рече-поведенческих тактик, исследователи вводят понятие абстинативной (воздержательной) рече-поведенческой тактики, согласно которой «один из участников жизненной ситуации не совершает нормативных (ему предписываемых и ожидаемых окружающими) культурно- или индивидуально-обусловленных действий»⁹⁴. Установлен ряд причин абстинативных рече-поведенческих тактик, свойственных героине повести А. С. Пушкина Авдотье Самсоновне, определенных на основе сравнения с нормативными рече-поведенческими тактиками блудного сына в новозаветной притче. Исследователи отмечают отсутствие жизненного краха как стимула к покаянию в судьбе героини А. С. Пушкина, что, в свою очередь, указывает на отсутствие феномена деятельной любви к дому, а также неспособности девушки к действию «с позиций сильной этики», то есть этического стимула к покаянию. Кроме того, «запоздалое» покаяние указывает на отсутствие искреннего раскаяния героини, в то время как поведенческой парадигме притчи о блудном сыне соответствует «благовременное покаяние». Авторы исследования соотносят феномен «запоздалого покаяния» с новозаветной этикой повести «Станционный смотритель». Согласно установкам Ветхого Завета, преступивший закон и совершивший грех человек обязан понести наказание, равноценное содеянному преступлению. Следовательно, преступника постигнет кара, а праведнику воздастся за исполнение законов Божиих на земле. Новозаветная этика не отрицает данной закономерности, тем не менее, истинный суд и

⁹² Тюпа В. И. Аналитика художественного С. 168.

⁹³ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ. соч. С. 725-753.

⁹⁴ Там же. С. 745.

воздаяние совершается после окончания земных дней человека. В произведении А. С. Пушкина согрешившая «перед Небом и отцом» героиня процветает, а оставленный отец умирает в нищете и одиночестве: «Пушкин заострил теолого-нравственную насыщенность ПБС (притчи о блудном сыне – О. К.). Своевольно согрешающий вовлекает во зло окружающих людей, в том числе сын или дочь оказываются способны погубить родителя. Следовательно, грешник ответственен за проступок не только потому, что он губит самого себя, но и потому, что он оказывается причиной жизненного краха других людей. Отменив ветхозаветную связь греха / праведности с жизненным благополучием / крахом, Пушкин ввел в притчу о блудной дочери новозаветный теологумен – «твой грех губит другого человека». Таким образом, исследователи предлагают следующую модель трансформации притчи о блудном сыне в повести А. С. Пушкина: «бегство дочери – невозвращение – гибель отца»⁹⁵.

В последние десятилетия стали появляться работы, представляющие собой разной степени обобщающие исследования по проблеме «сюжет / мотив / архетип блудного сына» на материале произведений XIX – XX веков. В «Словаре-указателе сюжетов и мотивов русской литературы», подготовленном Новосибирской научной школой Института филологии Сибирского Отделения РАН под редакцией Е. К. Ромодановской, опубликована статья «Блудный сын»⁹⁶. Авторы отмечают, что изучение мотивной структуры художественного произведения является «одним из наиболее актуальных направлений современной филологической науки»⁹⁷. Издание построено по принципу обозначения мотивно-сюжетных связей. Большое внимание уделяется проблемам теории сюжетообразования, функционального значения мотивов и сюжетов как структурных элементов

⁹⁵ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ. соч. С. 752.

⁹⁶ Блудный сын // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. С. 20-21.

⁹⁷ Ромодановская Е. К. О структуре и принципах построения «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. 2-е изд., стер. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып 1. С. 6.

повествования. Помимо освещения теоретических вопросов, в «Словаре-указателе...» представлены исследования отдельных сюжетов в рамках их исторического развития и функционирования в произведениях русской литературы. Составители подчеркивают, что ряд сюжетов «прослеживается на протяжении многих веков – от древнейшего периода до современности», к данной группе отнесен и «Блудный сын». В статье представлен перечень произведений, в которых воспроизводится данная сюжетная схема. «Поскольку для любого сюжета характерна свертываемость его до мотива (и, напротив, сюжетогенный мотив способен развернуться в самостоятельный сюжет), – отмечают составители, – в перечне памятников упоминаются и произведения, где описываемая схема присутствует на «мотивном» уровне⁹⁸.

В 2006 году опубликована монография Т. И. Радомской «Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. Опыт духовного, семейного, государственного устроения», посвященная изучению феноменов земного Дома и Отечества Небесного в общем контексте национального уклада и духовной традиции, оказавших влияние на поэтику художественных произведений⁹⁹. Особое внимание уделяется проблеме устройства духовного, семейного, государственного пространства Дома, помогающего преодолеть разрушение и смерть. Одним из аспектов анализа является парадигма пути: путь в Отечество, путь-служение, путь, управляемый Промыслом Божьим и путь в Отечество Небесное¹⁰⁰. Исследовательница отмечает, что данные мотивы восходят к евангельской притче о блудном сыне, возвращающемся в свой Дом, свое Отечество. Мотивы пути и возвращения, как утверждает Т. И. Радомская, значимы в произведениях А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Исследуя интертекстуальные связи комедии «Горе от ума» и притчи о

⁹⁸ Ромодановская Е. К. Указ. соч. С.6.

⁹⁹ Радомская Т. И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. Опыт духовного, семейного, государственного устроения. М. : Совпадение, 2006.

¹⁰⁰ Там же. С. 19.

блудном сыне, автор предлагает следующую модель трансформации «вечного» сюжета: анекдот о сумасшедшем сыне и несостоявшемся отце¹⁰¹.

В. И. Габдуллина посвятила ряд исследований изучению особенностей функционирования сюжета о блудном сыне в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева¹⁰². Используя методы историко-типологического, а также мотивного анализа, исследовательница доказывает, что «мотив блудного сына, прочитывающийся в «биографических текстах» Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева и играющий важную роль в организации повествования произведений писателей, различным образом интерпретируется каждым из них в соответствии с их жизненным опытом, религиозными и философскими представлениями»¹⁰³. Подчеркивается, что притча входит в корпус евангельских текстов о постижении Царства Божия и повествует об уходе и возвращении, то есть «обретении Дома духовного через смирение гордыни»¹⁰⁴. В сюжете притчи на метафизическом уровне выделяются «смысловые узлы»: «отпадение человека от Бога (веры) – искушения его плоти и духа – духовная смерть – покаяние – воскресение, возвращение в Дом Отца»¹⁰⁵.

Учитывая модели функционирования сюжета и образов притчи о блудном сыне в произведениях русской литературы, предложенные ранее в литературоведческой науке, исследовательница создает широкий контекст интерпретации сюжета новозаветной притчи в творчестве Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева. Основываясь на результатах анализа художественных, эпистолярных и публицистических текстов Ф. М. Достоевского, автор вводит понятие «притчевой стратегии авторского дискурса». Евангельский код, в частности мотив блудного сына, определены

¹⁰¹ Радомская Т. И. Указ. соч. С. 59.

¹⁰² Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева : учебное пособие. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2006. 132 с.; Габдуллина В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008.

¹⁰³ Габдуллина В. И. Мотив блудного сына... С. 108.

¹⁰⁴ Там же. С. 4.

¹⁰⁵ Там же.

как доминанты в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Следовательно, притчевая стратегия, по мнению автора, «организует художественный текст и метафизический подтекст, а также проявляется в сфере взаимоотношений с читателем как адресатом художественного высказывания»¹⁰⁶. Письма писателя 1840-х годов, адресованные членам семьи, рассматриваются в контексте притчи о блудном сыне как «духовного ориентира писателя»¹⁰⁷.

Обозначенная ранее в литературоведческих трудах проблема «Петербургский текст Ф. М. Достоевского» исследуется с точки зрения притчевой стратегии авторского дискурса. В. И. Габдуллина предлагает новую интерпретацию данной темы, подробно освещает особенности почвеннической теории писателя, историософии Ф. М. Достоевского: «Собственно, почвенничество Достоевского – это публицистический вариант авторского алломотива, где «блудный сын» – русская интеллигенция, покинувшая свой Дом – «почву» и «расточившая имение свое» – духовное наследие нации, хранимое «почвой» – русским народом. <...> Выбирая в качестве духовного ориентира Европу, русское общество (блудный сын) вступает в фазу установления нового партнерства, попав под влияние западных идей и искушений цивилизацией»¹⁰⁸. По мнению исследовательницы, особое значение в творчестве писателя имеет изображение психологического комплекса блудного сына «в духовном облике героев времени»¹⁰⁹.

Архетип блудного сына связывается с «прообразом русского бездомного скитальца», раскрываются черты данного типа на основе целой галереи портретов. В трактовке Ф. М. Достоевского, ситуация утраты своих корней «высшим обществом» отражает элементы притчи о блудном сыне, что обнаруживается в многократных интерпретациях на уровне

¹⁰⁶ Габдуллина В. И. Притчевая стратегия авторского дискурса Достоевского // Вестник НГУ. Серия : История, филология, 2008. Т. 7. Вып. 2 : Филология. С. 103.

¹⁰⁷ Габдуллина В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»... С. 90.

¹⁰⁸ Габдуллина В. И. Мотив блудного сына... С. 37-38.

¹⁰⁹ Там же. С. 3.

эмпирического и символического содержания художественных текстов, а также подтексте публицистических работ.

В соответствии с позицией Ф. М. Достоевского, описывается возможный путь духовного воскрешения и обновления – возвращения к своим корням, на «родную почву», что в свою очередь, соотносится с сюжетом притчи. Россия и Европа представлены в свете концепции евангельской притчи, где дихотомия своя / чужая земля является значимой в сюжетном и семантическом планах. Художественное творчество Ф. М. Достоевского рассматривается также с точки зрения проявления притчевой стратегии писателя в повествовательной структуре произведений на мотивном и сюжетно-композиционном уровнях. Роман «Униженные и оскорбленные» анализируется с точки зрения архетипической модели «блудная дочь». Элементы евангельской притчи, трансформированные под влиянием авторского индивидуального начала писателя, проанализированы в ряде других художественных текстов Ф. М. Достоевского в связи с мотивами искушения плоти и духа, покаяния и воскресения, пути от «смерти к живой жизни». Актуализируются бытовая и сакральная смыслы евангельского повествования о блудном сыне в русле притчевой стратегии авторского дискурса.

В. И. Габдуллина соотносит нравственно-психологический комплекс «блудного сына» с текстом биографии И. С. Тургенева, в качестве доказательства приводит следующие этапы жизни писателя, коррелирующие с основными структурными элементами притчи о блудном сыне: уход из дома, отрыв от России, скитания и духовный голод¹¹⁰. В данном случае одним из важнейших элементов, коррелирующих с евангельской притчей, является чувство вины перед своим Домом, которое испытывает человек, принадлежащий к поколению «русских европейцев», оторвавшись от своих корней. Биография писателя связывается с общими для целого поколения людей коллизиями, выраженными в семейных взаимоотношениях и

¹¹⁰ Габдуллина В. И. Мотив блудного сына... С. 83.

духовном самоопределении человека, метафорически воплощенными в новозаветной притче¹¹¹. Исследуется духовно-нравственное содержание евангельского рассказа, отраженное в художественных произведениях И. С. Тургенева, повествующих о героях, прошедших путь духовных исканий.

Автор описывает различные модели трансформации архетипического сюжета в романах И. С. Тургенева. При анализе романа «Рудин» особое внимание обращается на фазу духовных блужданий героя, потерявшего связь с родным домом – Россией, при этом возвращения героя не происходит (он умирает на чужой земле). По мнению автора исследования, именно в этом заключается суть трагедии особого типа героев – «лишних людей», «блудных детей России» в творчестве писателя¹¹².

В романах «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Дым» представлена иная модель, предполагающая кольцевую композицию произведения, где герой возвращается в родительский дом. Таким образом, как утверждает В. И. Габдуллина, заявлена «непреложность идеи, зафиксированной в Евангелии – неизбежность возвращения к истоку, к Богу-Отцу, через падение, искупление, право быть тем, чем должен быть человек изначально как творение и подобие Божие»¹¹³. К примеру, Иван Петрович Лаврецкий, «русский европеец», соотносится с вариантом типа «современного блудного сына», а в качестве «расточенного им имения» представлена духовная связь с Россией. Причина духовного блуждания поколения либералов-западников, оторвавшихся от своих корней и не нашедших пути назад, кроется в «отступничестве отцов». Возлагаются надежды на сыновей, которые должны завершить «возвращение в родной Дом»¹¹⁴. Таким образом, исследовательница широко трактует присутствие притчи о блудном сыне как

¹¹¹ Габдуллина В. И. Мотив блудного сына... С. 83.

¹¹² Там же. С. 209.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С. 90-91.

в художественных произведениях, так и в биографическом, эпистолярном, публицистическом тексте и метатексте.

Среди обобщающих трудов следует особо выделить работы Э. А. Радь, посвященные анализу архетипического сюжета о блудном сыне в произведениях, датируемых от времен Древней Руси до XX века. Итогом данного исследования стала монография «История «блудного сына» в русской литературе. Модификации архетипического сюжета в движении эпох», созданная на основе докторской диссертации¹¹⁵. Автор рассматривает модификации данного сюжета и сопряженных с ним мотивов в интерпретации различных авторов, исследует «путь» трансформации архетипа во времени, освещает выделенную особо проблему «отцов и детей». Э. А. Радь рассматривает архетипический сюжет как «модель системы человеческого полагания и поведения»¹¹⁶. «Данная модель поведения, – утверждает исследовательница, – отражает идеал взаимоотношений поколений, некий поведенческий канон. Поэтому вполне оправданным является исследование мотива «блудный сын» в связке и взаимообусловленности с мотивом «отцы – дети». <...> Нами фиксируется процесс художественного моделирования авторских концепций понимания проблемы «отцов» и «детей», образа блудного сына и динамика существования названных мотивов и архетипического сюжета со средневековья до начала XX века...»¹¹⁷.

Автор создает типологию сюжета о блудном сыне на материале русской литературы от произведений Древней Руси до начала XX века: «...анализируя «межтекстовое единство» в контексте системы сюжетных модификаций, наша мысль движется от структурного анализа инварианта с генерализирующими мотивами его фабулы, выявлении разных уровней

¹¹⁵ Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе. Модификации архетипического сюжета в движении эпох : монография. М. : ФЛИНТА : Наука, 2014.

¹¹⁶ Радь Э. А. Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века (К истории сюжета о блудном сыне) : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. С. 5.

¹¹⁷ Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох : дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2014. С. 12.

текста библейской притчи к парадигме ее репрезентативных вариаций и описанию соотношения традиционных и индивидуально-авторских контекстов и смыслов этих вариаций»¹¹⁸. Исследовательница анализирует трансформацию сюжета и основных фабульных мотивов. Основываясь на результатах проведенного анализа, Э. А. Радь выделяет ряд сюжетных моделей («Духовная пустота», «Интеллектуальное блуждание» и др.) и описывает механизм порождения сюжетных модификаций. Данный механизм включает в себя ряд факторов: а) смысловые координаты инвариантной структуры евангельской притчи, потенциально предполагающие вариативность; б) наличие главного «гена» – мотива «отцы – дети» – обладающего моделирующими качествами; в) индивидуально-авторское сознание, моделирующее новый художественный вариант ситуации, вобравший в себя конкретное жизненное событие и особенности исторической эпохи и культурного развития общества; г) память (личностная (авторская) и сверхличностная (память культуры)), которая ретроспективно отсылает читателя к архетипу¹¹⁹. ««Ядро» сюжета-архетипа в новых моделях, с одной стороны, обретает новые оболочки, с другой, – остается неуничтожимо-вечным»¹²⁰. Исследовательница выделяет два комплекса произведений в зависимости от особенностей сюжетных модификаций притчи о блудном сыне: сочинения, в которых сохраняется композиция притчи или присутствуют прямые воспроизведения сюжета; тексты, в которых сюжет подвергается значительной трансформации или же актуализация притчи происходит без воспроизведения ее сюжета.

Автор утверждает, что образ блудного сына многолик и меняется в зависимости от исторических взглядов на мир и человека. Выделены следующие модификации образа блудного сына: своевольного, смиренного, глупого, мудрого, влюбленного, трагического, отрицающего, грешного,

¹¹⁸ Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2014. С. 12.

¹¹⁹ Там же С. 22.

¹²⁰ Там же С. 23.

комического, кающегося, не-кающегося, странствующего, размышляющего, рефлекслирующего, одинокого, блуждающего, заблуждающегося и т. д.¹²¹ «В итоге блужданий и заблуждений обретается новый взгляд на себя, окружающий мир, жизнь, меняется внутреннее состояние. Блудные / грешные / кающиеся дети (например, князь Игорь, Дуня и др.) возрождаются, перерождаются. Блудные / не-грешные дети (например, Даниил Заточник, карамзинская Наталья, Петр Гринев) сохраняют свои позиции, либо восстанавливают свои честные имена. Не-кающиеся блудные дети внутренне не меняются (фонвизинский Иван)»¹²².

Завершая характеристику работ, посвященных анализу мотива блудного сына в русской литературе от времен Древней Руси до начала XX века, укажем некоторые статьи. И. Ю. Хлызова отмечает, что обращение к сюжету и образам притчи о блудном сыне происходит в переломные, нестабильные периоды истории¹²³. В связи с этим, объектом литературного анализа в ее работе являются произведения русской литературы XVII и первой половины XIX веков, а именно, бытовые повести XVII века («Повесть о Савве Грудцыне» и «Повесть о Горе-Злочастии») и «Станционный смотритель» А. С. Пушкина. Автор приходит к выводу, что в данных художественных текстах происходит процесс дестабилизации притчи: «Ее сюжетная схема становится неопределенной, расплывчатой, стремится к раздвоению. Финал, в притче знак завершенности, во вновь созданных произведениях становится двусмысленным. Ни в русских повестях XVII века, ни у Пушкина нет такого сюжетного мотива, как счастливая встреча и прощение отцом сына. Блудные дети, возвращаясь, не могут попасть домой»¹²⁴.

¹²¹ Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе... С. 295.

¹²² Там же.

¹²³ Хлызова И. Ю. Жанровая дестабилизация притчи о блудном сыне в древнерусских бытовых повестях // Мировая культура XVII—XVIII веков как метатекст : дискурсы, жанры, стили. Вып. 26. Материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.162-164.

¹²⁴ Хлызова И. Ю. Жанровая дестабилизация притчи о блудном сыне в древнерусских бытовых повестях // Мировая культура XVII—XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили. Вып. 26.

К. А. Деменева рассматривает особенности влияния притчи о блудном сыне на повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель» и пьесу А. В. Вампилова «Старший сын»¹²⁵. Интерпретируя поведения героя повести А. С. Пушкина, исследовательница указывает на губительное влияние притчевого канона на судьбу Самсона Вырина: «Притча <...> провоцирует его не на активный, а на рефлексивный тип поведения, заставляя примерять те или иные культурные роли, интерпретировать случившееся по сложившимся моделям, а не стремиться увидеть в жизни уникальность судеб, их независимость. Максимализм Вырина происходит из полярности церковных представлений: или безгрешная жизнь, идиллия, рай, или грехопадение, ад, разрушение, смерть. Среднего пути не дано, опыт культуры и социума пересиливает голос сердца»¹²⁶. В пьесе А. В. Вампилова притча отражена «мистериально», логика поведения героев соответствует евангельскому повествованию, что определяет возможность счастливого финала, по мнению К. А. Деменевой.

В последние десятилетия обозначился интерес к исследованию мотива / образа / архетипа блудного сына на материале произведений XX века, в том числе писателей советского и постсоветского периодов. А. П. Чалова рассмотрела черты архетипа блудного сына в образе Григория Мелехова, посвятив данной проблеме одну из глав кандидатской диссертации «Система христианских мотивов в художественном мире «Тихого Дона» М. А. Шолохова»¹²⁷. Исследовательница обращается к анализу христианских традиций в творчестве советского писателя, несмотря на ряд факторов, препятствующих изучению данного аспекта. К ним А. П. Чалова относит воздействие антирелигиозной психологии общественного сознания, а также

Материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.162.

¹²⁵ Деменева К. А. «Станционный смотритель» А. С. Пушкина и «Старший сын» А. В. Вампилова в контексте притчи о блудном сыне // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2015. №. 2. С. 44-51.

¹²⁶ Там же. С. 50.

¹²⁷ Чалова А. П. Система христианских мотивов в художественном мире «Тихого Дона» М. А. Шолохова: дисс. ... канд. филол. наук. Сургут, 2007.

прямые заявления писателя о его атеистическом мировоззрении. Более того, персонажи романа-эпопеи, носители официальной идеологии, выражают откровенно антицерковные взгляды. Исследователи творчества М. А. Шолохова, как утверждает А. П. Чалова, анализировали героев с точки зрения социалистической программы строителей нового мира, приверженцев материалистического восприятия мира¹²⁸. Тем не менее, начиная с советских лет, анализу подвергались отдельные образы и мотивы творчества писателя в русле христианской этики, а в последние десятилетия были опубликованы работы, посвященные проблеме «Шолохов и христианство».

А. П. Чалова отмечает, что архетипические ситуации, связанные с притчей о блудном сыне, реализуются в романе «Тихий Дон» последовательно: в первой книге евангельская притча отражена на уровне сюжета, во второй – отсылки к данному архетипу практически отсутствуют, в третьей и четвертой книгах – трансформируются на идейно-семантическом уровне. «Персонаж словно движется по концентрическим кругам, – утверждает исследовательница, – попадая в сходные ситуации и каждый раз переживая их по-новому, более глубоко, каждый раз все глубже усваивая христианские ценности. Каждое возвращение домой сигнализирует о качественно ином уровне развития персонажа»¹²⁹. Особое значение автор исследования придает финальному эпизоду возвращения героя, символизирующему «духовную победу героя над самим собой»: «Именно обращение к притче о блудном сыне придает индивидуальной судьбе Григория общечеловеческий смысл, помогает осознать обретаемые им ценности как общезначимые, вечные, составляющие основу христианского отношения к миру»¹³⁰.

О. С. Батова рассматривает особенности архетипа блудного сына в произведениях Л. Пантелеева о беспризорниках на материале повестей

¹²⁸ Чалова А. П. Указ.соч. С. 3.

¹²⁹ Там же. С. 10.

¹³⁰ Там же.

«Республика ШКИД», «Часы», а также рассказа «Портрет»¹³¹. Исследовательница обращается к широкому контексту толкования евангельской притчи. Герои произведений покидают родной дом и, «подобно блудному сыну, порывают с традиционными моральными устоями, тем самым отдаляясь от божественно прекрасного первообраза»¹³². В данном случае притча интерпретирована на символическом уровне: автор анализирует религиозный подтекст художественного произведения, рассматривает воспроизведение метафорической модели притчи о блудном сыне. «Герои-дети, пройдя череду испытаний и ошибок, приближаются к божественно прекрасному первообразу, возвращаясь к социальной и моральной норме, – пишет О. С. Батова. – «Блудные дети» духовно возраждаются с помощью собственных усилий и единения с окружающими их людьми»¹³³.

Н. В. Ковтун считает, что данный мотив является центральным в современной традиционалистской прозе¹³⁴. Автор отмечает, что лидер неопочвеннического направления В. Распутин выделил два типа героев, наиболее актуальных в литературе конца XX века: Посторонний и Блудный Сын. «Первый – «ниспровергатель основ», прогрессист, второй дорожит памятью прошлого, утраченным «ладом»»¹³⁵. Н. В. Ковтун утверждает, что мотив блудного сына является «стержневым» уже в «Плотницких рассказах» В. Белова, в творчестве которого заявлены темы и образы, ставшие архетипическими для «деревенской прозы». В произведениях В. Астафьева трансформация мотива блудного сына тесно связана с темами ухода, разрушения патриархальной семьи, добровольного бродяжничества. «Герои-

¹³¹ Батова О. С. Образ «блудного сына» в произведениях Л. Пантелеева о беспризорниках // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (90). С. 131-135.

¹³² Там же. С. 132.

¹³³ Там же. С. 134.

¹³⁴ Ковтун Н. В. Мотив блудного сына в современной традиционалистской прозе // Притча в русской словесности: от Средневековья к новому времени. Монография. Новосибирск: Омега Принт, 2014. С. 435-447.

¹³⁵ Там же. С. 435.

шатуны», ведущие бродячую жизнь, не могут обрести жизненную гармонию, поскольку не имеют цели, открытые просторы, огромные пространства «затягивают» их. Исследовательница трактует библейский образ блудного сына достаточно широко, выделяя архетипические черты евангельского героя в судьбах отца главного героя в повести «Перевал», скитающегося по больницам, лесам и тюрьмам; «бесприютного шатуна» дяди Романа, вольная жизнь которого связана с бродяжьими дорогами, открытыми пространствами; Дерикрупа, потерявшего близких в годы революции. Объединят этих героев сиротство, они лишены «защиты рода, социума, культуры и веры, не знают пути к дому»¹³⁶.

Данному типу персонажей противопоставлены герои, «вынуждаемые на путь чувством долга, желанием помочь ближнему, испытать себя»¹³⁷. Прохождение героем определенных испытаний В. Н. Ковтун, вслед за В. И. Тюпа, связывает с обрядом инициации. Исследовательница допускает модификации мотива блудного сына, вследствие которых герой под влиянием социально-исторических причин не возвращается в лоно патриархальной семьи, а обретает новый дом, «братство, построенное на принципах социальной необходимости»¹³⁸.

Мотив блудного сына В. Н. Ковтун связывает также с поиском «земли обетованной», идеальной Руси как подлинного дома, <...> контекстом споров о национальной идентичности» (повесть «Стародуб») ¹³⁹. Жизнь героя ознаменована чередой утрат, несчастий, свадьба героя (обряд инициации) не состоялась, вследствие чего не происходит возвращения героя в новом статусе – домом в данном случае становится охотничья избушка, временное пристанище для путника. Исследовательница отмечает, что в тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сестры» актуализируется финальная часть евангельской притчи, следовательно, «проблема «возвращения» как

¹³⁶ Ковтун Н.В. Указ. соч. С. 435.

¹³⁷ Там же. С. 436.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 436-437.

сотворения / сбережения дома (отчего дома и дома-России) становится центральной».

С. А. Фисун, И. Н. Островских анализируют символический смысл притчи о блудном сыне в творчестве В. М. Шукшина¹⁴⁰. Несмотря на отсутствие в науке единого взгляда на отношение писателя к православному вероисповеданию, исследователи рассматривают особенности преломления данного мотива в биографическом тексте и художественных произведениях В. М. Шукшина. Исследователи утверждают, что мотив блудного сына выполняет сюжетобразующую функцию в художественном мире писателя. «Автор репродуцирует все основные сюжетные узлы, составляющие притчу: отпадение человека от Бога (веры), искушение его плоти и духа, духовная смерть и даже стремление к покаянию, к переосмыслению собственного бытия некоторых его героев. Отсутствует лишь последний, самый главный узел: воскресение, возвращение в Дом Отца. Шукшинские герои страдают от собственной богооставленности, невозможности воссоединения с Отцом небесным. Они переживают ощущение «тотальной смыслоутраты» (А. И. Куляпин), связанное с утратой собственных корней, Дома в высшем смысле слова»¹⁴¹.

М. С. Мискина отмечает присутствие мотива блудного в прозе Ч. Айтматова¹⁴². Данный мотив, как утверждает исследовательница, устойчив и подвергается обобщению в контексте судьбы человека и человечества в целом. Автор работы не находит в художественном творчестве Ч. Айтматова прямых отсылок к притче о блудном сыне, но указывает интертекстуальные связи данных художественных текстов с евангельской притчей, выраженные в регулярном повторении элементов притчи на семантическом уровне. Исследовательница отмечает связь «философско-психологического комплекса блудного сына» с биографией писателя, что было отражено в

¹⁴⁰ Фисун С. А., Островских И. Н. Мотив блудного сына в художественном мире В. М. Шукшина // Филология и человек. 2016. № 3. С. 74-86.

¹⁴¹ Там же. С. 83.

¹⁴² Мискина М. С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2003.

мироощущении Ч. Айтматова и «типе айтматовского героя»¹⁴³. М. С. Мискина выделяет стадии поэтического воплощения комплекса блудного сына в зависимости от этапов творчества Ч. Айтматова. Ранняя стадия «ознаменована типом героя, разрушающего вековые устои своего «малого» социума и выходящего в «открытое» пространство»¹⁴⁴. Посредством разрыва с «малым пространством», как утверждает исследовательница, происходит обновление и расширение мировоззрения героя, движение к свету, будущему. В произведениях раннего периода творчества Ч. Айтматова, по мысли исследовательницы, прослеживаются элементы мифа «о счастье советского народа, когда человек, мыслившийся как винтик в механизме, отрицал все национальное и индивидуально-личное»¹⁴⁵.

В текстах более позднего периода прослеживается обратное движение героя к малой родине, обретению гармонии, основанной на вековой мудрости предков. Особо выделен «романный период», послуживший новым этапом осмысления притчи в художественном творчестве Ч. Айтматова. Доминирует тип героя-сироты, потерявшего семью и отчий дом. В качестве примера автор анализирует сюжетную линию судьбы Казангапа («Буранный полустанок»), который покинул отчий дом под влиянием социально-политических факторов: в качестве сына врага народа герою нелегко было продолжать жить в родных местах. Одним из главных факторов, характеризующих героя как блудного сына, по мнению автора исследования, являются чувство вины и тоска о покинутой родине. М. С. Мискина выделяет в судьбе Андрея Крыльцова такие элементы, как блуждание, поиск, отчаяние, раскаяние, что сближает его жизненный путь с историей блудного сына. Тем не менее, как утверждает исследовательница, ухода и возвращения как таковых не происходит, поскольку герой лишен отчего дома. Таким образом, мотив блудного сына рассматривается на семантико-символическом уровне,

¹⁴³ Мискина М. С. Указ. соч. С. 5.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 73.

допускается отсутствие некоторых элементов сюжета и образов притчи, включая основные (уход / раскаяние / возвращение), в тексте художественного произведения, воспроизводящего евангельский мотив.

В ряде литературоведческих работ утверждается, что в русской литературе архетип блудного сына воплощается чаще всего в женских образах. Исследователи обращают внимание на особенности трансформации мотива в судьбах героинь художественных произведений¹⁴⁶. Е. А. Сурков доказывает, что в истории русской литературы создается традиция воспроизведения вечного сюжета в женских образах¹⁴⁷. Г. Л. Черюкина, основываясь на выводах, представленных исследователем, вносит некоторые дополнения в обоснование проблемы литературных сюжетов, генетически связанных с евангельской притчей: «Обращает на себя внимание тот факт, что замена «сына» образом «дочери» характерна в большей мере для писателей, в творчестве которых женские персонажи относительно самостоятельны и интересуют автора прежде всего как яркие автономные типы»¹⁴⁸.

Таким образом, изучение притчи о блудном сыне осуществляется в нескольких направлениях, совмещаются методы и подходы лингвистических, социокультурных, литературоведческих исследований. Современным

¹⁴⁶ См.: Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький : Волго-Вятское книжное изд-во, 1983. С. 67-81; Гольденберг А. Х. «Вечный» сюжет у Гоголя и кризисные модели русской литературы // Гоголевский сборник. СПб. ; Самара : Изд-во СГПУ, 2003. С. 147-162; Хлызова И. Ю. Жанровая дестабилизация притчи о блудном сыне в древнерусских бытовых повестях // Мировая культура XVII—XVIII веков как метатекст : дискурсы, жанры, стили. Вып. 26. Материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.162-164; Сурков Е. А. Притча о блудном сыне и «рассказ» о блудной дочери // Русская словесность: проблемы эволюции и поэтики : Сб. науч. ст. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008; Черюкина Г. Л. Литературные версии притчи о блудном сыне в романах «Некуда» Н. С. Лескова и «Обрыв» И. А. Гончарова // Проблемы исторической поэтики. Вып. 9 : Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 6. Петрозаводск; СПб. : Алетейя, 2011. С. 112-119.

¹⁴⁷ Сурков Е. А. Притча о блудном сыне и «рассказ» о блудной дочери // Русская словесность: проблемы эволюции и поэтики: Сб. науч. ст. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 33.

¹⁴⁸ Черюкина Г. Л. Литературные версии притчи о блудном сыне в романах «Некуда» Н. С. Лескова и «Обрыв» И. А. Гончарова // Проблемы исторической поэтики. Вып. 9 : Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 6. Петрозаводск; СПб. : Алетейя, 2011. С. 114.

направлением является социо-коммуникативное, лингвокогнитивное и речевое моделирование. Рассматриваются особенности жанра притчи, а также характер ее трансформации в произведениях художественной литературы на уровне сюжета, мотива, архетипа. Используются сравнительно-сопоставительный, историко-литературный, историко-типологический методы анализа. Культурологический и мифопоэтический методы применяются при анализе архетипа блудного сына, апробируется метод анализа рече-поведенческих тактик. Ряд исследователей указывает на актуализацию сюжета о блудном сыне в переломные моменты истории, что отражается на жизни и мировоззрении писателей. В связи с этим, мотив блудного сына исследуется на материале биографического метатекста, эпистолярного, публицистического и художественного контекста. Исследователи допускают широкое понимание символического значения притчи о блудном сыне, в связи с чем евангельский сюжет может быть достаточно полно отражен в литературном тексте или же трансформирован на уровне отдельных элементов и образов притчи без воспроизведения сюжета. В последние десятилетия появляются обобщающие работы, анализирующие литературные рецепции новозаветной притчи, охватывающие большие временные пласты. Ряд исследователей освещают проблемы воспроизведения притчи в региональных / областных литературах. Появляются работы, в которых изучаются интертекстуальные связи произведений различных периодов истории литературы в контексте притчи о блудном сыне. Кроме того, рассматриваются вопросы трансформации притчи в произведениях советских и постсоветских авторов, а также писателей, придерживающихся атеистического направления. На наш взгляд, дальнейшего развития требует исследование рецепции мотива блудного сына в литературах народов России, в том числе финно-угорской, так как данный вопрос остается лишь намеченным в литературоведении.

ГЛАВА 2. РЕЦЕПЦИЯ МОТИВА «БЛУДНОГО СЫНА» В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ФИННОВ

2.1. Мотивы «духовного блуждания» и «блуждания в пространстве» сквозь призму евангельского сюжета о блудном сыне в прозе Х. Тихля

Рецепция христианских традиций является основополагающим направлением в творчестве финноязычной писательницы Карелии Хильды Карловны Тихля. Библейские образы и сюжеты, православные идеалы и ценности, проблемы взаимоотношения верующего человека с официальной Церковью интерпретированы автором в свете идей христианского социализма. Мотив блудного сына, обозначенный в рассказе «Бродяжка», обусловлен социальными обстоятельствами и личным выбором героев.

Х. Тихля (1872 –1944) родилась в крестьянской семье в центральной Финляндии. Окончив женскую гимназию, она продолжила обучение в Гельсингфорском университете. В 1905 году будущая писательница вступила в социал-демократическую партию и долгое время была задействована в рабочем движении. В 1905 году Х. Тихля приняла участие в Свеаборгском восстании, после чего скрывалась от ареста в Швеции. В 1908 – 1915 годах Х. Тихля осуществляла редакторскую работу в газетах Хельсинкского союза домработниц и рабочего союза «Мечта». В апреле 1918 года за участие в финской рабочей революции писательница была арестована и заключена в тюрьму на острове Сандвик. После побега в течение шести лет она была вынуждена скрываться и жить нелегально. В 1924 году Х. Тихля пересекла границу в Швецию, а оттуда – в Советскую Россию. С 1925 по 1941 год Х. Тихля жила и работала в Петрозаводске, ее статьи, рассказы, новеллы публиковались в газетах, журналах, литературных сборниках, альманахах. В 1934 году она стала членом Союза советских писателей. В годы Великой Отечественной войны Х. Тихля жила в Беломорске, где скончалась в 1944 году.

На русский язык переведено небольшое количество произведений Х. Тихля: в 1930 – 1940-е годы рассказы на русском языке печатались в журналах и газетах Карелии. В 1966 году вышел сборник «Избранное», в который вошел перевод семи рассказов и отрывков из романа «Лист переворачивается»¹⁴⁹. Большая часть произведений в Карелии доступна лишь на финском языке в изданиях, опубликованных при жизни писательницы. Романы Х. Тихля не переиздавались, отдельного сборника малой прозы не представлено.

Творчество Х. Тихля, на наш взгляд, недостаточно освещено в литературоведении Карелии. Краткая характеристика жизненного и творческого пути писательницы дана в обобщающих трудах «Очерк истории советской литературы Карелии»¹⁵⁰ и «История финноязычной литературы Карелии»¹⁵¹, а также в предисловии, написанном Э. Г. Карху к сборнику рассказов Х. Тихля на русском языке¹⁵². Изучению темы вечных ценностей и особенностей изображения эпохи в романе «Лист переворачивается» посвящена статья Э. Г. Карху, опубликованная в 2000 году¹⁵³. Проблемно-тематический анализ прозы Х. Тихля представлен в статьях Р. Р. Койвисто¹⁵⁴.

¹⁴⁹ Тихля Х. Избранное. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1966.

¹⁵⁰ Алто Э. Л. Проза Хильды Тихля // Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. История литературы Карелии : в 3 т. Т. 2. СПб. : «Наука». С. 96-102.

¹⁵¹ Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1969. С. 124-139.

¹⁵² Карху Э. Г. Хильда Тихля // Тихля Х. Избранное. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1966. С. 3-11.

¹⁵³ Карху Э. Г. Эпоха 1920-х – 1930-х годов в романе Хильды Тихля «Страница переворачивается» // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2000. С. 122-126.

¹⁵⁴ Койвисто Р. Р. Преемственная связь романа Хильды Тихля «Lehti kääntyy» («Страница переворачивается») с традициями финского критического реализма // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Материалы международной научной конференции. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2005. С. 229-232; Койвисто Р. Р. Этические критерии и художественная правда новеллистики Хильды Тихля и ее романов «Хилма» («Hilma», 1913) и «Люди» («Ihmisiä», 1916) // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. С. 81-99; Койвисто Р. Р. Автобиографическая достоверность и творческий вымысел в повести Хильды Тихля «Leeni» // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика : материалы международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24 - 27 октября 2006 года). Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2006. С. 72-74.

Произведения Х. Тихля стали известны и востребованы в начале XX века. В данный период интерес финских писателей к идеям толстовства угасал, на смену реализму пришли новые художественные направления романтизма, мистицизма, символизма и неоклассицизма. Х. Тихля, будучи христианской писательницей, оставалась верна методу реалистического изображения действительности. Религиозное воспитание повлияло на ее жизненные ориентиры, общественные и политические взгляды. Проза Л. Н. Толстого была близка писательнице, так как соответствовала стремлению к правде и психологизму в изображении характеров.

Х. Тихля разделяла идеи христианского социализма и, в соответствии с основными положениями данной концепции, принимала способ организации общественной жизни и быта на основе христианской любви, общности трудовой сферы, средств производства и собственности¹⁵⁵. Писательница отрицала атеистический социализм¹⁵⁶, в связи чем проблематика и образно-символическая система ее произведений во многом не соответствовали требованиям пролетарского направления в литературе.

Авторы немногочисленных исследований творчества Х. Тихля обозначили проблему рецепции христианских традиций в творчестве писательницы. Данный аспект рассматривался, в основном, в отрицательном ключе: к примеру, отмечали «отвлеченность ее гуманистического идеала», «незрелость мировоззрения автора», подчеркивали, что «религиозно-нравственная проблематика в ряде случаев приобретает самодовлеющее значение и разрушает реалистическую основу повествования»¹⁵⁷. В связи с этим в советское время ни один из романов Х. Тихля не был переведен на русский язык полностью.

Предметом художественного анализа в прозе Х. Тихля является проблема сопоставления христианской традиции и языческих верований в

¹⁵⁵ Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1991.

¹⁵⁶ В 1889 году в Хамина Х. Тихля стала членом православного прихода, где при крещении получила имя Евгения.

¹⁵⁷ Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1969. С. 126.

народном мировоззрении. В 1950-х – 1960-х годах данная тема станет предметом художественного исследования в эпических произведениях Н. М. Яккола и А. Н. Тимонена, посвященных судьбам карелов. В рассказе Х. Тихля «Noidan neuvo» («Совет знахаря») ¹⁵⁸ ярко представлено противостояние церкви и традиционных народных верований. Дом, где недавно умерла хозяйка, посещает призрак покойной. Хозяин обращается к священнику с просьбой благословить дом, избавить от ночных видений. Однако это не помогает, и он просит проповедника изгнать дух жены. В избе собирается толпа народа, с любопытством взирающая на совершение церковного обряда. Многие позволяют себе отпускать едкие замечания в адрес проповедника и высказывать сомнения в силе слова Божьего. Соседи советуют хозяину дома обратиться к знахарю, так как церковь, по их мнению, помочь бессильна. Натиск народа настолько силен, что проповедник покидает дом. Его уход символизирует устойчивость традиционных народных верований, формальность соблюдения принятой христианской веры.

Сборник «Jumalan lapsia» («Дети Господни»), состоящий из рассказов «Saarnaja» («Проповедник»), «Vanki» («Узница»), Helsinkiin! («В Хельсинки!») не был переведен на русский язык и доступен в малом количестве экземпляров на финском языке ¹⁵⁹. В рассказах описывается переходная эпоха начала XX века. Одним из главных в новеллистике Х. Тихля является мотив пути и поиска.

Образ мальчика Юхо, выполняющий функцию посредника между Богом и человечеством ¹⁶⁰, является центром художественного мира рассказа

¹⁵⁸ Tihlä H. Noidan neuvo // Tihlä H. Metsäkylliltä. Kertomuksia. Porvoo : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1909. S. 71-93; Тихля Х. Совет знахаря // Тихля Х. Избранное. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1966. С. 12-39.

¹⁵⁹ Tihlä H. Jumalan lapsia. Porvoo : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1911.. Необходимо отметить, что рассказы, вошедшие в сборник, были написаны Х. Тихля до ее переезда в Карелию. Тем не менее, в то время Великое Княжество Финляндское входило в состав Российской Империи, следовательно, данные произведения относятся к общероссийскому корпусу художественной словесности.

¹⁶⁰ В произведениях Х. Тихля эту функцию могут выполнять несколько типов героев: служитель Церкви («Совет знахаря»), старец, юродивый («Проповедник»).

«Проповедник». С детства лишенный любви матери, он работает прислугой в чужом доме. Однажды, пребывая в состоянии транса, он начинает толковать текст Священного Писания. Деревенские жители воспринимают его как пророка и жаждут увидеть чудо. Надежды их не сбываются, и Юхо жестоко отвергнут обществом. Жители деревни ждут материального выражения Божьей милости, но настоящее чудо незримо и проявляется в крепости и твердости веры маленького мальчика. Мотив видения также является сюжетообразующим в рассказе «Узница». Героиня рассказа Надя, лишившись семьи в юном возрасте, попадает в тюрьму, где единственной радостью становятся религиозные видения, которые посещают ее. Физически Надя находится в неволе, но ее душа открыта и свободна. Герои обоих рассказов ищут путь к Богу, единственному Спасителю, утешению и защите. Мотивно-тематический комплекс произведений включает в себя христианские мотивы сострадания, милосердия, любви.

Христианский мотив милосердной, сострадательной любви к людям реализуется через поступки героев, готовых отказаться от собственного благополучия во имя другого. Осуждению подвергается душевная привязанность к материальному благу, при этом отрицательно описываются не сами герои, но их пороки. Чувствуется понимающее и всепрощающее отношение автора к героям, ибо все они являются «детьми Господними». В рассказе «Хельсинки» главная героиня, крестьянка Эрика, находится в ситуации выбора между обеспеченной жизнью в городе, которая представляется ей земным раем, полным материальных благ и удовольствий, и замужеством за батраком Танэли. Честная, мирная жизнь с мужем предвещает бедность, тяжелый труд, множество лишений. Эрика выходит замуж за батрака, но укоряет Танэли в бедности, в том, что она вынуждена работать. Стремление к материальному достатку оказывается сильнее Эрики, искажает ее человеческий лик, отдаляет от образа и подобия Божьего, по которому создан человек. Отметим, что в христианской традиции, несмотря на единство человеческой природы, личность каждого человека, его качества

и таланты индивидуальны, особенны и являются проявлением любви Божьей к своему творению. Человек создан по образу и подобию Божьему: единосущие Пресвятой Троицы выражается в трех ипостасях, что сформулировано в принятом еще на Первом Никейском соборе христианском Символе веры, также и природа человеческая едина, но особым образом проявляется и раскрывается в каждой личности. Высшая цель человека, согласно христианской традиции, – стремиться, насколько возможно, стать подобным образу Бога, который есть конечное совершенство.

В новеллистике Х. Тихля важен также мотив памяти. В православии существуют понятия «памяти смертной» и «памяти грехов». О памяти смерти писал Иоанн Лествичник: «Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий. Память смерти побуждает живущих в общежитии к трудам и постоянным подвигам покаяния и к благодушному перенесению бесчестий. В живущих же в безмолвии память смерти производит отложение попечений, непрестанную молитву и хранение ума. Впрочем сии же самые добродетели суть и матери и дочери смертной памяти»¹⁶¹. Память выполняет очищающую и исцеляющую функции, она необходима для осознания своих грехов, покаяния, духовного трезвения.

Памятование жизненного пути помогает осознать грехи, с духовной силой и трезвостью сердечной взглянуть на совершенные дела, свои мысли и чувства героине рассказа «Совет знахаря»¹⁶². В рассказе «Выселение» мотив памяти смертной также является центральным, но по-иному реализован в сюжете произведения. К герою, который находится при смерти, привозят священника, однако больной отказывается исповедоваться. Для того, чтобы не нарушить установленный порядок и формально исполнить все необходимые действия, жена решает исповедоваться за своего мужа.

¹⁶¹ Иоанн Лествичник. О памяти смерти // Иоанн Лествичник. Лествица. М. : Правосл. братство св. ап. Иоанна Богослова, 2001. С. 82-86.

¹⁶² Tihlä H. Noidan neuvo // Tihlä H. Metsäkyllä. Kertomuksia. Porvoo : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1909. S. 71-93; Тихля Х. Совет знахаря // Тихля Х. Избранное. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1966. С. 12-39.

Больного же мучит одна единственная мысль: ему кажется, что его обкрадывают. Голос священника прерывается воплями и крикам уходящего без покаяния человека, отказавшегося от общения с Богом во имя материальных благ: «Вон, все вон, кричит он хриплым голосом, вон отсюда, проваливайте, сволочи. Это мое, мое! Весь мир теперь мой! Я владыка мира! Вон, все вон, вы крадете, сволочи!»¹⁶³. Умиравшему не ведомо памятование совершенных грехов, вследствие чего не происходит искреннего раскаяния – физическая смерть наступает в душевных муках.

Мотив «блудного сына» вписан в общий христианский контекст творчества Х. Тихля. Мотивы странствия и духовного блуждания интерпретируются сквозь призму евангельского сюжета о блудном сыне в рассказе «Kulkuri»¹⁶⁴ («Бродяжка», 1909), который открывает сборник «Metsäkylliltä» («Из лесных деревень»). В данном случае нами задействованы понятия «блудной дочери» и «блудной матери». В. И. Тюпа утверждает, что фигура «блудной дочери является алломотивом мотивемы «блудного сына»¹⁶⁵. В качестве примера автор указывает героиню повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Более того, фигура «блудного отца» / «блудной матери», пишет исследователь, «способна актуализировать тот же мотив, будучи его инверсией»¹⁶⁶. Э. А. Радь рассматривает мотив «грешной матери» в контексте евангельской притчи о блудном сыне на материале «Жития Феодосия Печерского», обозначив данную модель как «Перевернутость». Исследовательница описывает ситуацию, когда «не сын, а мать через *покаяние* проходит *путь от греха* к распознаванию духовного смысла человеческой жизни»¹⁶⁷. Следовательно, мотив блудного сына

¹⁶³ Тихля Х. Выселение // Тихля Х. Избранное. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1966. С. 50.

¹⁶⁴ Tihlä H. Kulkuri // Tihlä H. Metsäkylliltä. Kertomuksia. Porvoo : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1909. s. 1-70.

¹⁶⁵ Тюпа В. И. Словарь мотивов как научная проблема (на материале пушкинского творчества) // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литера ТУРы: Экспериментальное издание. 2-е изд., стер. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып 1. С. 176.

¹⁶⁶ Тюпа В. И. Словарь мотивов как научная проблема... С. 176.

¹⁶⁷ Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох : дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2014. С. 70.

возможно рассматривать на основе женских образов матери и дочери в произведении Х. Тихля.

Поскольку рассказ Х. Тихля «Бродяжка» не был переведен на русский язык и после смерти писательницы не переиздавался, воспроизведем основные события сюжетной линии. Хэту живет в доме родственников, вдали от родителей: отец пьет, мать, сбежав с другим мужчиной, бросила дочь в младенчестве. Хэту растет нелюбимым ребенком, тоскуя о матери, мечтая о встрече с ней. Грубость хозяйки дома и страх наказания подталкивают девочку к побегу. Хэту проходит долгий путь, прежде чем находит свою мать в деревне Лахти. Во время скитаний на долю героини выпадают тягостные испытания. В борьбе за жизнь Хэту приходится врать, совершать кражи. Наконец, когда происходит счастливая встреча с родительницей, Хэту надеется на начало новой жизни с родным человеком в любви и согласии, спокойствии и радости совместного быта и труда. Мать не разделяет надежд и стремлений дочери и вновь сбегает от нее. Полиция возвращает ребенка в деревню, где ее берет под свое покровительство состоятельная религиозная женщина. За любовную связь с юношей Хэту изгоняют из дома, и она продолжает свои одинокие скитания.

Переживания Хэту, тончайшие оттенки ее чувств описаны сквозь призму окружающего мира, детализацию пространства. Психологизм в изображении поведения и характера ребенка близок художественному методу Л. Н. Толстого. Данный подход Н. Г. Чернышевский определил как «диалектика души»¹⁶⁸, то есть изображение внутреннего мира человека в движении, противоборстве чувств. Влияние «общегуманистического идеала учения Л. Н. Толстого» на прозу Х. Тихля исследователи отмечали и ранее¹⁶⁹. Продолжая размышления литературоведов, отметим, что проза

¹⁶⁸ Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 3. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1947. С. 422.

¹⁶⁹ Алто Э. Л. Проза Хильды Тихля // Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. История литературы Карелии : в 3 т. Т. 2. СПб. : «Наука», 1997. С. 98; Койвисто Р.Р. Этические критерии и художественная правда новеллистики Хильды Тихля и ее романов «Хилма» («Hilma», 1913) и «Люди» («Ihmisiä», 1916) // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. С. 93.

Л. Н. Толстого воздействовала не только на проблематику рассказов писательницы (темы социальной обусловленности поведения человека, духовных исканий личности), но и на предмет художественного исследования автора – психологическое развитие души ребенка, этапы взросления. В рассказе «Бродяжка» изображен не обобщенный образ, литературный тип, а конкретный ребенок, растущий в сложных жизненных обстоятельствах. Хэту является сиротой, поскольку мать и отец сознательно отказались от дочери. Девочке недостает заботы, ласки, но при этом она нежна и искренна, имеет отзывчивое сердце, стремится к любви. Х. Тихля использует реалистический метод изображения действительности, отказывается от статичности.

Л. Н. Толстой утверждал, что Ж. Ж. Руссо¹⁷⁰ является его учителем, и, создавая образ «человека чувствительного», применял некоторые художественные приемы французского сентиментализма. Главный герой трилогии «Детство. Отрочество. Юность» – юноша, чувства которого находятся в постоянном движении, зависят от окружающего мира. Пространство меняется в зависимости от его настроения и внутренних переживаний. Х. Тихля, используя подобный метод изображения, описывает будни Хэту, чуткой и восприимчивой по отношению к окружающим. Когда девочка плачет, обиженная грубыми словами хозяйки дома, комната представлена в темных тонах, в ней холодно и тоскливо, окно залито тревожным светом угасающего красного солнца. Солнечное яркое утро помогает забыть печали прошлого дня, приносит радость и тепло. Хэту замечает красоту окружающего мира, выраженную в деталях: запах распустившегося цветка, вкус спелых ягод, ласковый взгляд и доброе слово зашедшей в их дом гадалки. Тем не менее, радость сменяется любопытством, интересом, а затем грустью и тревогой о судьбе матери. Горечь разлуки, искренняя, абсолютная любовь по отношению к матери постоянно живут в сердце Хэту, занимают ее мысли.

¹⁷⁰ Гусев Н. Н. Толстой в молодости. М. : Толстовский музей, 1927. С. 136.

Впервые о матери Хэту, Фанни, упоминает хозяйка дома, утверждая, что такая женщина «не стоит слез»¹⁷¹, так как она живет в грехе¹⁷². Девочку терзает страх за судьбу матери: постоянную «боль, которая жгла душу, она не могла ее успокоить» (S. 3). Хэту всегда представляла мать идущей по дороге – образ пути становится символическим, так как приобретает множество значений в контексте произведения. В сознании девочки «обычным» дорогам («tavalliset maantiet»), которые пролегают в пространстве географическом, противопоставлены «неведомые дороги» («tiettymättömät tiet»). Пересекая пограничное пространство леса, «обычная дорога» приобретает черты мистической, связанной с духовным скитанием и блужданием в пространстве. Символ получает значение жизненного пути, а далее преобразуется в образ дороги греха, которая приводит в ад: «Эта дорога действительно та неведомая дорога, которая ведет в пропасть мирового греха и, наконец, в ад» (S. 2).

Пространство имеет четкие очертания: разделено пограничной полосой леса на «свое» и «чужое». При этом, дом, леса и поля, которые находятся в поле зрения Хэту, приобретают черты осязаемого реального мира, окрашенного печалью детского восприятия нелюбимого, нежеланного ребенка. В реальном пространстве представлен северный ландшафт, картины бескрайних, благоухающих пряными травами полей, сумрачного леса, прохладного густого ельника, темных глубоких озер. За чертой леса, в неведомом и неясном пространстве чужого мира, несмотря на его опасность и враждебность, живет мать, образ которой олицетворяет для Хэту отсутствие тревог, абсолютное счастье и любовь. Помимо «горизонтального» разделения, пространство разграничено также «вертикально»: дорога ведет к

¹⁷¹ Здесь и далее перевод автора диссертационного исследования. Tihlä H. Kulkuri // Tihlä H. Metsäkyllä. Kertomuksia. Porvoo : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1909. s. 1. Далее цитируем по этому изданию с указанием номеров страниц в скобках.

¹⁷² Цитирование текстов произведений в работе производится по опубликованным художественным переводам на русский язык. Если такового нет, приводится перевод автора диссертационного исследования. Финский текст цитируется, если наблюдается существенное различие с переводным текстом или возникает необходимость рассмотреть то или иное понятие на языке оригинала.

холму, под которым расположено глубокое озеро. В воображении ребенка, обеспокоенного судьбой матери, данное озеро представляется кипящим котлом, где мучаются грешники.

Эту снится сон, в котором визуализируются христианские образы и материальные предметы (бутерброды с маслом и вкусной ветчиной), ярко обрисованные живым детским воображением. Девочка видит себя одним из вороньих птенцов, сидящих в расположенном над пропастью на вершине скалы гнезде. Птенцов питает сам Господь, а внизу обрыва находится озеро, в кипящей воде которого тонет мать Хэту. Предполагаем, что образ вороньих птенцов связан со словами Иисуса Христа, изложенными евангелистом Лукой: «... не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: душа больше пищи, и тело – одежды. Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц? <...> Итак, не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же отец знает, что вы имеете нужду в том; наипаче ищите Царствия Божия, то это все приложится вам. Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. XII : 22 – 31). А. П. Лопухин отмечает, что в Ветхом Завете ворон считался «нечистой птицей». При этом, в истории пророка Илии, изложенной в Третьей книге Царств, ворон выполняет иную функцию. Пророк во время скитаний был укрыт Господом у потока Хорафа. В течение года по велению Божьему птица ежедневно приносит пищу Илии (3 Цар. XVII : 2 – 6). Исследователь предполагает, что «обилие чудес в истории пророков Илии и Елисея свидетельствует о попечениях милосердия Божьего о благочестивых в Израиле и, вместе, говорят о грубой чувственности народа, на которого могли оказывать влияние только чрезвычайные. ... повелением своим воронам Законоположник научает нас, что по немощи только иудеев постановил Он таковые обрядовые законы. Ибо сам повелел преступать оные (так, повелел в субботу семикратно обходить Иерихон; так

и Илии повелел принимать пищу, приготовляемую воронами)»¹⁷³. По прошествии года Илия вынужден оставить свое пристанище, поскольку поток Хораф, снабжавший пророка водой, высох. Господь повелевает ему покинуть Израильские земли и отправиться в финикийский город Сарефту.

Переход за границы изведенного мира, разделение пространства на свое и чужое исследователи и толкователи Священного Писания связывают с притчей о блудном сыне. Например, Я. Н. Пейсти, известный проповедник второй половины XX – начала XXI века, анализируя указанный эпизод из Третьей Книги Царств, указывает на особое значение пространственного наречия «там»: «В первых десяти стихах 17-ой главы 3-ей книги Царств четыре раза повторяется одно маленькое и как будто незначительно слово «там», но в библейском контексте, оно имеет очень важное значение. Это слово указывает на то месте, где должно быть чадо Божие. <...> Вспомните притчу Христа о блудном сыне, когда сын покидает отцовский дом и отправляется в дальнюю страну (Лк. XV). Бедный юноша: он думал, что там ему будет лучше. Когда сын просит отца отдать следующую ему часть имения, то отец не возражает: он разделяет имение и дает положенную часть младшему сыну. Отец мог бы отказать ему, потому что просьба сына была преждевременной. По всем правилам и законам сын поступал несправедливо; и он, конечно, знал об этом»¹⁷⁴. Таким образом, в Ветхом и Новом Заветах как едином тексте Священного Писания пространство разделено на «свое», то есть близкое, знакомое, связанное с отчим домом, и «чужое», находящееся за его пределами, часто – языческое. Блуждание в пространстве символизирует нравственный поиск, духовные испытания, в некоторых случаях – заблуждение, совершение греха, как в евангельской притче о блудном сыне.

¹⁷³ Лопухин А. П. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов [Электронный ресурс] / URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/lopuhin/>, свободный (20.08.2016).

¹⁷⁴ Пейсти Я. Н. Место, указанное Богом: поток Хораф [Электронный ресурс] / URL: <http://www.mirvboqe.ru/2012/05/mesto-ukazannoe-bogom-potok-xoraf/>, свободный (01.09.2016).

Данный комплекс мотивов обнаруживается в исследуемом рассказе Х. Тихля. Христианский призыв не заботиться о материальных благах, довериться в этом Господу, звучит в произведении в связи с темой бродяжничества и скитания. Указанные мотивы связаны с образами дороги и странствующей гадалки, случайно зашедшей в дом Хэту, будто предопределившей дальнейшую судьбу девочки. В момент их встречи в сознании Хэту возникает мысль о побеге, она принимает решение о самостоятельных поисках матери.

Образ Фанни (матери Хэту) создан с помощью антитезы: противопоставлено видение дочерью матери как самого близкого человека, лишенного изъянов, и восприятие окружающими как порочной женщины, бросившей своего ребенка и мужа ради другого мужчины. Мотив блудного сына трансформирован и представлен в рассказе через образ родителя, оставившего дом и свое чадо. Живя распутно, она не вспоминает о дочери и не терзает себя мыслями о том, как складывается судьба девочки. Необходимо отметить, что при встрече с дочерью Фанни все же испытывает угрызения совести, плачет, просит прощения, но эта горечь связана с эмоциональным, *душевым* строем и не является глубоким *духовным* переживанием раскаяния, очищающим и созидающим. Я. Н. Пейсти в проповеди, посвященной притче о блудном сыне, отмечает, что покаяние включает в себя три составляющие: исповедание греха, скорбь о содеянном и оставление греха за счет собственной воли и силы Христовой¹⁷⁵. В рассказе Х. Тихля не происходит духовного обновления героини: Фанни на следующий день сбегает с мужчиной из дома, вновь бросая Хэту. Совершая грех распутства, она становится поистине блудной дочерью, оставившей мужа и ребенка.

¹⁷⁵ Пейсти Я. Н. Блудный сын // Архив проповедей Я. Н. Пейсти [Электронный ресурс] / URL : <http://www.rcr.ru/index.php/mainmenu-39/2010-04-01-13-09-16> свободный (05.09.2016).

Особым образом звучит в рассказе один из важнейших мотивов библейской притчи о блудном сыне, связанный с готовностью любящего родителя разделить с сыном и материальное, и духовное богатство: «все мое – твое» (Лк. XV : 31). Мать не только не способна искренне любить дочь и дарить ей свою заботу, но и не разделяет свой материальный достаток (Хэту мечтала помогать матери в магазине, дабы не стать обузой, и вместе жить на те скромные средства, которые удастся заработать). Таким образом, грех не искуплен, истинного раскаяния и становления Фанни на праведном пути не происходит. Евангельский мотив трансформирован в рассказе – родитель приобретает черты блудного чада. В притче отец прощает сына за совершенный грех, тем самым способствуя его нравственному преображению. В рассказе Х. Тихля мать сама греховна и сошла с пути истинного, в ее сердце нет подлинного чувства любви к ближнему.

Предательство матери повлияло на взросление Хэту. Происходят изменения в ее характере и мировоззрении – разочарование в прежних идеалах приводит к конфликту с окружающим миром, осознанием своего внутреннего «я» и несправедливости выпавших на ее долю испытаний. Странствия и поиски отныне представляются героине напрасными, поскольку они были направлены на обретение семьи и дома, что оказалось недостижимым. Образ дома является центром художественного мира, связывающим воедино компоненты сюжета. Дом для Хэту неразрывно связан с образом матери, в связи с чем идеальная картина, созданная воображением ребенка, не получает материального воплощения. Образ реального дома, где Хэту находит приют, в повествовании возникает трижды: имение родственницы, в котором жила Хэту, хижина лесника, где девочку накормили ужином и предоставили ночлег, а также прекрасный коттедж дамы, принявшей ее под свое покровительство. Семья лесника представляет собой образец христианского благочестия, где жена слушает мужа, дети являются высшей ценностью, а отношения между людьми строятся на чувстве милосердия и сострадания. Возможно, ни в одной из этих семей

Хэту не была горячо любима и желанна, как ей бы того хотелось, но, оставаясь с ними, она сохраняла возможность вести достойную жизнь, иметь кров и пропитание. Тем не менее, Хэту отвергает предложенную помощь и продолжает свой путь.

Дорога, по которой идет девочка, не только обозначает реальное географическое пространство, но и принимает символическое значение, разделяет прошлое и будущее Хэту, определяет качественное изменение ее мировосприятия и внутреннего мира. Мотив дороги является сквозным, определяет земной путь героини. Бродяжничество Хэту связано с рядом физических и духовных испытаний. Ребенок проходит испытание голодом, испытания веры, целомудрия, силы духа, стойкости, чистоты души. Нарушая заповеди, Хэту совершает кражу, обвиняет невинного человека в насилии, упоминает имя Божье всуе, прелюбодействует. В произведении происходит контаминация мотивов блудной дочери и блудницы. По мнению П. Дебрецени, впервые контаминацию этих библейских мотивов осуществил А. С. Пушкин в повести «Станционный смотритель»¹⁷⁶. Отметим, что проблемы нравственного выбора, испытания человека, искушения соблазном – важнейшие в тексте Священного писания. В. И. Габдуллина указывает на глубинную связь мотивов искушения и блудного сына на примере творчества Ф. М. Достоевского: «По Достоевскому, современный человек – блудный сын Бога, поддавшийся соблазну жизни, свободной от высших регламентаций. Восхотев жить по своей воле, он оказался во власти дьявольских искушений. Писатель проводит своих героев через испытания духа и плоти, проверяя на верность высшим духовным идеалам. В структуре философского сюжета, в который выстраиваются все произведения писателя, искушение принадлежит коллизии единоборства Бога и дьявола за душу человека»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Дебрецени П. Блудная дочь: анализ художественной прозы Пушкина. СПб. : Изд-во «Академический проект», 1996. С. 162.

¹⁷⁷ Габдуллина В. И. Мотив блудного сына... С. 52.

Духовное воскрешение блудного сына возможно благодаря искреннему раскаянию в своем грехопадении и смирению. В рассказе Х. Тихля мотив раскаяния реализуется через чувство стыда, которое Хэту испытывает перед женщиной, принявшей ее в свой дом. Однако духовного преображения, воскрешения не происходит, сердце девочки ожесточается: нагрубив своей благодетельнице, Хэту покидает дом и продолжает свои скитания. Теряя человеческий лик, образ героини приобретает звериные черты: «Она шла вперед, как бродяга, которого никто не ждет, о котором никто не тоскует, как одинокий зверь в глуши, которым движут лишь инстинкт поиска пропитания и укрытия» (S. 70).

Таким образом, в рассказе Х. Тихля «Бродяжка» мотивы духовного блуждания и блуждания в пространстве реализуются сквозь призму сюжета евангельской притчи о блудном сыне. Художественное пространство структурировано вокруг дороги, символа жизненного пути, испытаний, нравственного становления, формирования характеров героев. В связи с этим, мотив скитания, поиска, нравственного выбора становится ведущим. Проблемно-тематический, а также мотивный анализ позволяет выделить компоненты библейского мотива, трансформированные под влиянием индивидуального авторского начала. Сюжет притчи редуцирован и воплощается на уровне мотива в судьбе родителя и ребенка: оба приобретают черты блудного чада.

Главная героиня, юная Хэту, лишенная защиты, родительской любви, веры, остается неприкаянной, не находит пути к дому, семье. Разочарование в матери, выпавшие на ее долю испытания, равнодушие окружающих ожесточают ее сердце. Нравственное падение героини обусловлено социальными причинами и личным нравственным выбором. Таким образом, мотив блудного сына реализован посредством следующих компонентов: уход из дома – скитания – совершение греха – раскаяние (ложное). Истинного раскаяния не происходит, соответственно, героиня не возвращается в отчий дом (устойчивый образ которого отсутствует) и не обретает прощения.

Мотив раздела имущества также трансформирован: мать Хэту отказывается разделить с дочерью свой достаток. Девочка теряет веру, нравственность, собственный неповторимый лик, сближающий человека с Господом. Не смирившись и не раскаявшись, Хэту приобретает черты одинокого зверя, скитающегося в глуши.

История Фанни имеет сходные черты и практически повторяет описанную выше схему. Образ родителя в данном случае приобретает черты блудного чада, согрешившего против Господа, мужа и дочери. Нарушив заповеди о браке, Фанни оставляет дом, распутствуя, живет в грехе. При встрече с Хэту она испытывает угрызения совести, но не способна пережить искренне раскаяние, воскрешающее душу, поэтому вновь бросает дочь. Возвращения в семейный дом, воссоединения с дочерью не происходит, и Фанни, сбегающая с очередным мужчиной, продолжает своего рода бродяжничество. Мать не осознает, что ее грехопадение является причиной страданий и духовной гибели дочери. В рассказе обозначена тема ответственности грешника за несчастья в жизни другого человека, которую Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров связывают с мотивом блудного сына (на примере повести «Станционный смотритель») ¹⁷⁸. Таким образом, в соответствии с терминологией, предложенной Э. А. Радь на основе анализа механизма модификаций сюжета-архетипа блудного сына, в рассказе Х. Тихля происходит диссоциация сюжетной структуры (пропуск отдельных элементов мотива) и добавление (приращение) новых авторских мотивов ¹⁷⁹.

Произведение вписывается в общий христианский контекст творчества Х. Тихля, так как в рассказе исследуются проблемы нравственности, социальной обусловленности человеческого поведения, становления характера человека, гуманизма, милосердия и смирения. Мотив блудного сына вписан в общий контекст творчества писательницы, основными темами которого являются христианские традиции и языческие верования в

¹⁷⁸ См. параграф 1.2. настоящего исследования.

¹⁷⁹ Радь Э. А. Притча о блудном сыне: христианский канонический метасюжет и литературное творчество // Филологические науки. 2013. № 11. С. 601.

мировоззрении народа, посредник между Богом и народом, взаимоотношения с официальной Церковью, милосердная, сострадательная любовь к ближнему, разочарования в общественных идеалах, построение общественной жизни по законам христианского социализма.

2.2. Мотивы блудного сына и покинутой родины в поэзии Я. Виртанена

В истории литературы Карелии Ялмари Эрикович Виртанен заявил о себе, прежде всего, как пролетарский поэт, воспевший революционную борьбу, труд, общественно-политическую жизнь. Тема родины является одной из центральных в поэзии Я. Виртанена: мотив тоски по отчужденному дому, родной земле усиливает лирическую составляющую произведений. Традиции финского, карельского, ингерманландского и русского народного творчества оказали влияние на композицию, ритмико-мелодический строй, образность и идейно-тематическую направленность произведений. В стихотворениях «*Huvästä Suomi!*» («Прощай, Суоми», 1918) и «*Ondrein kaipuun*» («Тоска Ондрея», 1922) прослеживаются компоненты мотива блудного сына, которые могут быть интерпретированы на архетипическом уровне в связи с темой оставленной родины.

Я. Виртанен (1889 – 1938) родился в Финляндии, после смерти отца в тринадцатилетнем возрасте приехал в Петербург. Первые годы жизни в России юноша работал токарем, стал активным участником революционных событий, был принят в финскую социал-демократическую партию. В 1910 году Я. Виртанен был выслан за пределы Петербургской и Московской губерний за хранение запрещенной литературы, в связи с чем отправился в Финляндию и проживал там в течение некоторого времени. В годы Февральской и Октябрьской революций он участвовал в уличных боях, организации сельскохозяйственной коммуны в Сибири, восстании крестьян, исполнял обязанности председателя финской секции парторганизации Омска, был членом городского Совета. В 1920 году поэт переехал в Карелию, работал заместителем редактора газеты «*Karjalan Kommuni*», с 1923 по 1925

год – помощником прокурора в городе Олонце. В 1925 году он поселился в Петрозаводске. В годы репрессий Я. Виртанен наряду с другими поэтами был причислен к агентам финской и германской разведок, заключен в тюрьму. В 1939 году, тяжело больной туберкулезом, Я. Виртанен умер в Котласском пересыльно-перевалочном пункте ГУЛАГа.

Я. Виртанен является основоположником национальной поэзии Карелии. При жизни было издано восемь поэтических книг Я. Виртанена, а также множество статей, заметок и очерков в периодике на русском и финском языках. Социальный, общественный, революционный пафос его стихотворений был высоко оценен М. Горьким, составившим предисловие к первой книге стихов финноязычного поэта¹⁸⁰. Художественный стиль Я. Виртанена формировался под влиянием ряда факторов: связь с революционно настроенной рабочей общественностью Финляндии и Петербурга; требования официальной литературной политики; освоение поэтом русского языка, интерес к классическому наследию русской литературы, а также русскому, финскому, ингерманландскому и карельскому фольклору, античной мифологии.

В произведениях Я. Виртанена воспета революция («Kaipaus» («Тоска», 1910), «Me uskomme» («Мы верим», 1915), «Vallankumous» («Революция», 1933), поэтизирован народный труд («Kommunistinen työ» («Коммунистический труд», 1914), «Metsätyöläisten laulu» («Песня лесорубов», 1931), «Nuorten uittajan laulu» («Песня молодых сплавщиков», 1932), представлены размышления об историческом пути Финляндии и Карелии, что характеризует основной круг проблем, интересующих автора. Пейзажная лирика включает в себя цикл «кавказских» стихов, зарисовки сельского края и городов Карелии, описания северной природы Финляндии. Ритмичность стихотворений привлекала музыкантов, композиторов, в связи с чем некоторые тексты были положены на музыку («Aunus» («Олонец», 1923),

¹⁸⁰ Virtanen J. Työn lomassa : Runoja / Esipuhe M. Gorki. Leningrad : Krasnaja gazeta-kust., 1930.

«Somat soudella virrat on Karjalan maan...» («Любо плыть по озерам карельской земли...»), 1927).

Я. Виртанен известен также как талантливый переводчик на финский язык произведений русских писателей, основоположник школы перевода в Карелии. Поэт в течение многих лет руководил карельской писательской организацией, работал редактором первого литературно-художественного журнала в Карелии на финском языке «Punakantele» («Пунакантеле» - «Красное кантеле»). В 1936 году он был удостоен звания народного поэта Карелии.

Творчество Я. Виртанена стало предметом изучения литературоведческой науки Карелии. Исследованию творческой биографии поэта посвящена книга Э. Л. Алто «Ялмари Виртанен: Жизнь и творчество»¹⁸¹ и отдельные главы в трудах по истории литературы Карелии¹⁸². Анализ его творчества представлен в критических обзорах и научных статьях, опубликованных при жизни поэта и посмертно на русском¹⁸³ и финском¹⁸⁴ языках. Библиография произведений Я. Виртанена, а также работ, посвященных исследованию творчества поэта, подробно

¹⁸¹ Алто Э. Л. Ялмари Виртанен: Жизнь и творчество. Петрозаводск: Карелия, 1988.

¹⁸² Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии : в 3 т. Т. 2. СПб. : Наука, 1997. 245 с.; Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред.: Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1969. С. 82 - 88.

¹⁸³ См.: Ялмари Виртанен: К 30-летию литературной деятельности / Авт.: М. Горький, Ф. Ивачев, М. Чумандрин, Я. Олесич, В. Эрлих, Я. Виртанен. Петрозаводск : Кирья, 1936. 35 с.; Сумманен Т. Облик поэта // На рубеже. 1957. № 1. С. 1-182; Резников Л. Я. Слово о Ялмари Виртанене // Карелия. Годы. Люди. Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1967. С. 101-111; Мишин А. И. Пламя идеи // Север. 1979. № 1. С. 105-107; Ругоев Я. Романтик, реалист, сатирик // Север. 1989. № 1. С. 112-120; Руханен У. Ялмари Виртанен // Руханен У. В вихрях века: Воспоминания и очерки. Петрозаводск : Карелия, 1991. С. 192-209 и др.

¹⁸⁴ Summanen T. Tulen kutsu // Summanen T. Tästä ura urkenevi: Kirjallisuushistoriaa ja arvostelua. Petroskoi, 1984. S. 5-21; Jalli T. Jalmari Virtanen Suomessa // Carelia. 1990. № 12. S. 79-87; Ruhanen U. Jalmari Virtanen: Muistelmia ja poemintoja // Punalippu. 1976. № 8. S. 87-93; Vihavainen T. Kritiikki ja itsekritiikki: Eräitä kokeita historian laboratorioista, koekaniinina runoilija Jalmari Virtanen // Parnasso (Helsinki). 1987. № 1. S. 33-36.

представлена в «Указателе литературы»¹⁸⁵ и библиографическом словаре «Писатели Карелии»¹⁸⁶.

Тема родины в творчестве Я. Виртанена рассмотрена в названных трудах обзорно, стихотворения «Hyvästi, Suomi!» («Прощай, Суоми») и «Ondrein kaipu» («Тоска Ондрея») представлены в общем контексте творческой биографии поэта, с точки зрения архетипического мотива блудного сына ранее исследованы не были. Отметим, что вопрос об исследовании христианских по своему происхождению мотивов, в том числе и мотива блудного сына, в произведениях советской эпохи поставлен в ряде работ¹⁸⁷. В. А. Юдин, комментируя данную проблему, писал: «Наверное, сама постановка этого вопроса кому-то покажется несовместимой и даже парадоксальной, ибо, казалось бы, недопустимо ставить рядом две взаимоисключающие парадигмы – религиозно-христианскую, идеальную и коммунистическую, материалистическую. Бытие телесное и духовное, однако, могут непостижимым образом сопрягаться, взаимодействовать»¹⁸⁸. Компоненты мотива блудного сына читаются в данных стихотворениях на архетипическом уровне.

Стихотворение «Прощай, Суоми» было написано в Москве в 1918 году. Перевод на русский язык выполнен известным поэтом Карелии А. И. Мишиным. В стихотворении мотив блудного сына значительно трансформирован и редуцирован, соотнесен с темой покинутой родины. Восстановим событийный ряд стихотворения, учитывая исторический контекст. Лирический герой покидает Финляндию после поражения революции 1918 года и стремится «на восток», в «страну рассвета и свободы». Уверяя себя, что не будет испытывать чувства «боли и тоски», ощущая личную свободу, герой все же просит прощения у родной земли,

¹⁸⁵ Ялмари Виртанен: Указатель литературы / Сост.: Е. И. Такала, М. И. Туренкова; Вступ. ст. А. И. Мишина. Петрозаводск : [б.и.], 1988.

¹⁸⁶ Виртанен Ялмари Эрикович // Писатели Карелии: Библиографический словарь / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск : Острова, 1994. С. 16-19.

¹⁸⁷ См. глава 1, параграф 1.2.

¹⁸⁸ Юдин В. Заветные страницы // Дон. 1997. №9. С. 207.

осознает свое предательство («повернул к ней спину»). Дорога назад не возможна до тех пор, пока «немецкая там свищет плеть и плеть господ». Герой готов «принять бой» за освобождение Финляндии в будущем, в его сердце живет вера в победу и светлое будущее, которое осуществит надежду на возвращение домой.

Повествование лирического героя, построенное в форме монолога, грамматически отмечено формой глагола первого лица единственного числа— *käänsin, en tahdo, etsin, laulan*¹⁸⁹. В переводе некоторые лексемы семантически не соответствуют финноязычному оригиналу: усиливается эмоциональная составляющая монолога лирического героя, более явно выражены его метания между родиной и чужой страной, куда он отправляется в поисках свободы и лучшей жизни. Кроме того, переводчик использует более характерную для русского языка форму личного местоимения с глаголом, а также прием инверсии (останусь я, стремлюсь я, не стану я, и верю я, вернусь и я). Грамматический параллелизм в данном случае придает стихотворению особую мелодичность, переносит акцент на личностные переживания героя. Исповедальный характер произведения семантически выражен глаголом «простит», указывающим на покаянные мотивы (несмотря на общее революционно-решительное настроение произведения):

Простит меня земля моя,
Что повернул к ней спину.

Пространственная структура художественного текста отражает переживания героя о покинутой родине и стремления обрести свободу в стране, «где красный цвет творит весну в любое время года». Переводчик сохраняет строфику стихотворения, разделяя его на шесть частей, каждая из которых состоит из семи строк. В первой, третьей, четвертой и шестой

¹⁸⁹ Здесь и далее стихотворение цитируется по изданию: Virtanen J. Valittuja runoja. Petroskoi : Valtion kustannusliike kirjja, 1936. S. 54-55. Перевод А. И. Мишина: Виртанен Я. Э. Избранные стихи / Предисл. М. Горького. Петрозаводск : «Карелия», 1972. С. 48-49.

строфах речь идет об оставленной родине (обозначим данную тему латинской литерой *A*), во второй и пятой – о стране, куда стремится лирический субъект, мечтая обрести свободу и возможность продолжать борьбу (литера *B*). Таким образом, композиционную схему произведения можно представить следующим образом: *ABA ABA*. Зеркальная композиция стихотворения метафорически отражает внутреннюю драму героя, душевные метания между прошлым и будущим, родиной и «страной свободы». Художественное пространство напрямую связано с самосознанием лирического субъекта: внешняя решимость героя скрывает глубокие душевные переживания.

Лексически тема родины выражена следующими существительными и сочетаниями слов: Suomenmaa, ”isänmaata”, maassa Suomenkin, Pieni Saksa. В переводе стихотворения данному ряду соответствуют: Земля моя, родина, «отечество», Финляндия моя, маленькая «дойчланд», земле своей, в страну свою, Отчизна. Очевидно, что А. И. Мишин удлиняет цепочку синонимов. Использование притяжательных местоимений «моя» и «своя» маркирует пространство как близкое, родное, передает личностное отношение героя к Финляндии как дому. Использование кавычек (”isänmaa” / «отечество») указывает на утрату подлинности понятия «родина», иное восприятие Финляндии, находящейся «в неволе».

В пространстве «нового мира», в который стремится лирический герой, акцентированы такие черты, как свобода, сплоченность народа. Лексемы «рассвет», «весна», «открытое море» отсылают к теме обновления мира, веры в будущее, надежды на новую жизнь. Ощущение молодости, свежести жизни усиливается образом открытого моря, ветра, раздувающего паруса.

Семантически строфы *A* и *B* (следовательно, образы «порабощенной Финляндии» и «страны свободы», куда стремится лирический герой) взаимно противопоставлены. Приведем ряд примеров с опорой на оригинальный текст. В связи с тем, что в художественном переводе А. И. Мишина художественные образы в некоторой степени трансформированы,

воспользуемся подстрочным переводом, выполненным автором исследования.

A

Siell', ruoska lahtar'herrojen
Taas alkaa soida vinkuen ...
Ei sitä korvat siedä.

A

Там кнут белых господ
Опять начинает играть, скрипя...
И этого не переносят уши...

A

Luvalla herrain Suomesta
On tehty Pieni Saksa,
Ja ikeen alle taipuen
Käy talonpojat ryömien
Ja herrain ruoskaa nuolten.

A

По воле господ из Финляндии
Сделали Маленькую Германию,
И, под ярмом сгибаясь,
Идут крестьяне ползком,
Глотая кнуты господ.

B

Nyt maille aamuruskon,
Miss' punavärit tervehtää
Ja kansa huomenuskon
Mun ottaa vastaan veljenään.
Näin riennän itään, etelään,
Miss' vapaus viel' elää.

B

Теперь в страну рассвета,
Где красные цвета приветствуют
И народ верит в завтрашний день
И встречает меня как брата.
Так, стремлюсь на восток, на юг,
Где свобода еще живет.

В пространстве родины акцентированы такие черты, как отсутствие свободы, порабощение, тяжелый подневольный труд, на что указывают образы кнута, плети, ярма. Понятие «Отечество» используется в кавычках, так как государство, потерявшее свободу, воспринимается уже как иное пространство. Ощущение утраты родины усиливается заменой названия страны («маленькая Германия»). Лирический герой отворачивается от Родины, оставляет «порабощенную Финляндию», «летит, как вихрь» навстречу собственной свободе. Грамматически решительность героя передана посредством коротких предложений с восклицательной

интонацией. Использование одно- и двусложных слов позволяет достичь четкого, маршевого ритма. Одновременно, в строфах группы *B* воспета свобода: трех- и четырехсложные слова, а также ассонансы (повторение открытого заднеязычного звука «а») придают стихотворению песенный характер, размеренный ритм.

Таким образом, мотив блудного сына выражен имплицитно, компоненты мотива восстанавливаются посредством анализа текста стихотворения. В первой части произведения создается впечатление, что лирический герой без сожаления покидает отчий дом, Финляндию, с целью сохранения собственной свободы: подобно блудному сыну, он «ищет новые дороги» (*ma etsin teitä uusia*). В своих размышлениях об оставленной земле, к которой он «повернул спину», лирический субъект не высказывает сожаления, переживания. Речь героя уверена, тем не менее в ней звучит чувство вины, что подчеркнуто в художественном переводе А. И. Мишина («простит меня земля моя»). Пространство, как и в притче, разделено на два топоса («свое» и «чужое»). Первоначально возвращение не представляется герою возможным, тем не менее, в последней строфе возникают мотивы чувства долга и борьбы за свободу («я странствую и сражаюсь среди пролетариев» / «*Ma samoilen ja taistelen joukossa proletaarein*»)¹⁹⁰. Этот порыв полностью меняет изначальный посыл размышлений лирического героя, который ради сохранения личной свободы готов был «повернуться спиной» к отчизне и «оставить ее позади». В произведении присутствуют следующие компоненты мотива: уход героя из отчего дома (в данном случае – Отечества), выбор судьбы, поиск лучшей жизни, желание свободы, чувство вины, решение вернуться на родину в будущем. Таким образом, представлена модель блудного сына по отношению к своему Отечеству,

¹⁹⁰ Стремление лирического субъекта покинуть отчий дом, «странствовать и сражаться» близко порыву героя поэмы Н.С. Гумилева «Блудный сын», написанной в 1911 году. Исключая сюжет заклания тельца, вызвавший недовольство старшего брата (сам образ которого также отсутствует в поэме) из общего повествования, Гумилев переносит смысловой центр с идеи покаяния и искупления на тему земного странствия и поиска. Подробнее об этом см.: Колоколова О. А., Мальчукова Т. Г., Нилова А. Ю. Античные и христианские традиции в поэзии Н. С. Гумилева. Монография. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 47-50.

которая была описана в литературоведческом исследовании В. И. Габдуллиной на материале творчества Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева¹⁹¹. В. И. Габдуллина вводит понятие «блудные дети России», что, на наш взгляд, может быть расширено до универсальной формулы «блудный сын своего Отечества».

Стихотворение Я. Виртанена «Тоска Ондreja», написанное в 1922 году, повествует о судьбе мальчика-карела. Т. К. Сумманен указывает на связь сюжета стихотворения с реальными историческими событиями. Исследователь отмечает, что в 1921 – 1922 годах тысячи жителей пограничных деревень Карелии покинули свое место жительства и отправились в Финляндию. Многие из них, испытав немало мытарств, вернулись обратно¹⁹². Автор отмечает, что близкая тема раскрывается в произведении 1924 года «Tervehdys kotiinpalaaville» («Приветствие репатриантам»).

Сюжет стихотворения «Тоска Ондreja» сконцентрирован вокруг образа главного героя, мальчика Ондreja. Многократное повторение эпитета «маленький» (pieni)¹⁹³ подчеркивает незащищенность ребенка, оказавшегося поневоле вдали от родины: Ондreja с отцом и матерью уезжает в Финляндию. Родители с утра до поздней ночи вынуждены работать на хозяина усадьбы, чтобы получить свой «горький хлеб». Ребенок испытывает непреодолимую тоску по дому, его душа наполнена мыслями о родине. Он связывает себя клятвой о вечной дружбе с сыном кузнеца. Юноша рассказывает Ондрею о том, что в Карелии «всходы красные созрели», «под звездой своей свободной / люди борются за счастье». Мальчик решает вернуться на родину и отправляется в нелегкий путь через «глухую чащу многовекового

¹⁹¹ См. глава 1, параграф 1.2.

¹⁹² Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред.: Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1969. С. 85.

¹⁹³ Здесь и далее стихотворение цитируется по изданию: Virtanen J. Valittuja runoja. Petroskoi : Valtion kustannusliike kirjja, 1936. S. 126-128. Перевод Р. Такала: Виртанен Я. Э. Избранные стихи / Предисл. М. Горького. Петрозаводск : «Карелия», 1972. С. 66-68.

леса». Судьба героя остается неизвестной, о ней могут поведать лишь деревья.

Напевность, мелодичность стихотворения, созданная посредством аллитераций (повторение плавных сонорных согласных звуков m, l, n), ассонансов (долгие гласные aa, uu, ää), ритмико-мелодической структуры, множественных повторов, сближает стихотворение с жанром народной лирической песни. В качестве примера укажем финские песни о странниках, бродягах (kulkurit), в частности «Kulkurin iltatähti»¹⁹⁴. В песне сюжет притчи о блудном сыне раскрывается через следующие компоненты: уход из дома без получения отцовского благословения, тоска по отчизне, скитания вдали от отчего дома. В данном случае речь идет о скитаниях сына в чужих землях, его тоскующей душе. Мотив раздела имущества, наследства не реализуется в

¹⁹⁴ Kulkurin iltatähti // Muusiikki kirjasto. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://www.fono.fi/LaajennettuHakutulos.aspx?kappale=Kulkurin+iltat%c3%a4hti&culture=fi> Яз. финск. (22. 09. 2016)

Ei kotini ovi ees narahtanut,
poika kun maailmalle lähti.
Synkkänä poikaa se tuijotti vain,
yksi vain kirkasti taivallustain:
Kulkurin iltatähti,
kulkurin iltatähti.

Не скрипнула даже дверь моего дома,
когда мальчик в мир уходил.
Она мрачно пристально смотрела на мальчика,
одна лишь освещала небо
Вечерняя звезда бродяги,
вечерняя звезда бродяги.

Ei taattoni neuvoja tarjonnutkaan,
poika kun maailmalle lähti.
Moitetta matkaani neuvoksi sain,
yksi ei moittinut ymmärsi vain:
Kulkurin iltatähti,
kulkurin iltatähti.

Не дал мой отец совета,
когда мальчик в мир уходил.
Упрёки лишь получил в дорогу в качестве совета,
Одна лишь не упрекала, а поняла
Вечерняя звезда бродяги,
вечерняя звезда бродяги.

Ei äitini evästä antanut, ei,
poika kun maailmalle lähti.
Kieltävän katseen vain evääksi sain,
yksi ei kieltänyt, armahti vain:
Kulkurin iltatähti,
kulkurin iltatähti.

Не дала моя мать еды в дорогу, нет,
когда мальчик в мир уходил.
Непримиримый взгляд я получил в качестве еды,
Одна лишь не порицала, а пощадила
Вечерняя звезда бродяги,
вечерняя звезда бродяги.

Ei tyttöni huiviaan heiluttanut,
poika kun maailmalle lähti.
Syytökset sydämen muistoksi sain,
yksi ei soimannut, syyttänyt lain:
Kulkurin iltatähti,
kulkurin iltatähti.

Не помахала платком моя девушка,
когда мальчик в мир уходил.
Обвинения лишь на память получил,
один не упрекал, не обвинил закон:
Вечерняя звезда бродяги,
вечерняя звезда бродяги.

тексте, поскольку лирический герой песни уходит, не получив «корочки хлеба». Надежда на возвращение и встречу с милостивым, прощающим родителем не звучит, так как героя «благословляет бродяжья звезда» и руководит его судьбой, направляя на путь скитаний.

Как утверждает этнограф А. П. Конкка, в этих песнях отражена психология определенной социальной группы¹⁹⁵. Причины миграций заключались в социальных процессах: нужда заставляла людей искать счастья и заработка в других местностях. Многие уходили на долгое время, часть мигрантов не возвращались в родные края. В связи с этим в песнях звучат мотивы прощания с родительским домом, юностью, юношеской любовью. Исполнителями песен были, как правило, сельские жители, которые зарабатывали на жизнь на отхожих промыслах: к примеру, финны уходили на север на ловлю трески. Через некоторое время они перевозили родных, юноши обзаводились семьями на месте. Карелы также расселялись по всему российскому и скандинавскому северу: занимались корабельничеством в Финляндии, промыслами в Мурманске, Норвегии. В последующие годы использовали любую возможность получения заработка: в работах по сооружению Мурманской железной дороги принимали участие тысячи жителей из финских и карельских деревень. В голодные годы приходилось всей семьей (за исключением стариков) отправляться в другие, более богатые места в надежде устроиться на работу и завести свое хозяйство.

Ряд литературных ассоциаций и контекстов можно также дополнить примером лирической народной песни «Я отцовский дом покинул», которая вошла в сборник карело-финских песен и баллад «Кантелетар»¹⁹⁶.

¹⁹⁵ Устная консультация.

¹⁹⁶ Кантелетар : Избранные песни. М. : Современник, 1985. С. 259.

У других дела – что надо,
почему же я несчастен?
У других – прямые сани,
у меня они – кривые.
Жил был я в отцовском доме,
был не хуже, чем другие –

Мотивы скитания вдали от отчего дома и раскаяния звучат в народных лирических песнях «Где придется мне скитаться?»¹⁹⁷, «Не узнать во веки бедной»¹⁹⁸, «Так бывает мне тоскливо»¹⁹⁹. Данные тексты отнесены в раздел «Песни парней» сборника «Кантелетар», таким образом, лирический герой-исполнитель может быть охарактеризован как юноша, покинувший родителей, «жалкий странник», вечно чужой в далеких землях. Раскаившись, он живет мечтами о родительской нежности и ласке, тепле и уюте родного дома, где все знакомо и близко. Тем не менее, возвращения и воссоединения с родителями, родными и возлюбленной в песнях не происходит.

Возвращаясь к анализу стихотворения Я. Виртанена «Тоска Ондreja» и учитывая указанные литературные контексты, выделим компоненты мотива блудного сына в произведении: разделение пространства на свое и чужое, уход из родного дома, тоска по отчему дому, возвращение, уход от родителей. В данном случае происходит трансформация мотива, изменение последовательности его компонентов и приращение новых смыслов. Мотив ухода из отчего дома повторяется дважды. Отсутствует ситуация конфликта с сыном с родителем, поскольку в первом случае мальчик покидает родной дом вместе с родителями, а во втором – реакция родителей на уход сына остается вне сюжетной линии произведения.

сани б правильно стояли,
на катках держались дровни,
и оглобли из березы,
и дуга была б из клена.
И не знаю я, несчастный,
что меня ума лишило –
я отцовский двор покинул,
я ушел из дома брата.
Сам я лыжи смазал мазью,
а потом еще – и салом,
по лугам да по болотам,
по глухим лесам пустился,
я поля оставил змеям,
я луга оставил рысям,
белкам – частые ограды,
двор – гуленам-горносталям.

¹⁹⁷ Кантелетар... С. 255-256.

¹⁹⁸ Там же. С. 258.

¹⁹⁹ Там же.

Художественное пространство, как и в евангельской притче, условно обозначено как «родное» («Карелия родимая») и «чужое» («на чужбину в край Суоми»). Многократное повторение эпитета «чужой» («vieras») указывает на внутреннюю трагедию лирического героя, не представляющего жизни вдали от родины. Тоска по отчужденному дому пересиливает, что и заставляет героя вернуться на родину. Тем не менее, в отличие от сюжета евангельской притчи, героя стихотворения Я. Виртанена насильно увозят из отчего дома на чужбину. Следовательно, в произведении отсутствует мотив греха, Ондрей становится «блудным сыном поневоле». Важна также возрастная характеристика: маленький мальчик («pieni Ondrei») обладает сильным духом, способен на преданную любовь к родине.

В стихотворении заявлена проблема выбора жизненного пути, актуальная в евангельской притче о блудном сыне. Героем стихотворения является ребенок, в силу исторических обстоятельств оказавшийся на распутье. Ондрей делает выбор, принимает волевое решение, но его дальнейшая судьба неизвестна. В данном поступке отражено индивидуальное творческое начало человека, то есть стремление к поиску, обретению собственного жизненного пути, о котором пишет митрополит Антоний Сурожский²⁰⁰. Таким образом, ребенок способен сделать самостоятельный выбор, в то время как его мать и отец покоряются судьбе. Сердце юного героя живет жаждой свободы. Мечты о «красных восходах» и «плодах борьбы» в Красной Карелии, желание борьбы, стремление на родину, любовь к отчизне, непреодолимая душевная тоска, клятва в дружбе навеки – черты романтического героя, который бросает вызов реальности, миру.

Ондрей исчезает в переходном пространстве леса. «Лого многовекового дремучего леса» («syli ikikorven»), хранящего тайну о сбежавшем Ондрее, олицетворяет границу между «своим» и «чужим» миром, а постоянное пребывание героя будто во сне (в переводе Р. Такала – «сном,

²⁰⁰ Антоний Сурожский. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия], URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> свободный. (09.04.2013)

окутанный, как дымом») ассоциируется с состоянием отрешенности мальчика от реальной жизни. Героем стихотворения Я. Виртанена, как и рассказа Х. Тихля «Бродяжка», является ребенок, который принимает самостоятельное решение о поисках родного дома. Возможно, эта задача непосильна для юного человека – Хэту сломлена, а Ондрей исчезает.

Итак, в стихотворениях Я. Виртанена «Прощай, Суоми» и «Тоска Ондрея» мотив блудного сына значительно редуцирован и трансформирован. Семантическое пространство определения «блудный» включает в себя значения «блуждания, странствования в пространстве», а также «заблуждения» (в стихотворении «Прощай, Суоми»). Путь лирического субъекта стихотворения «Прощай, Суоми» обозначен следующими пространственными координатами: родина (Финляндия) – страна «рассвета и свободы» (Советская Карелия). В финале стихотворения моделируется ситуация возвращения в отечество (Финляндия) в будущем. Герой стихотворения «Тоска Ондрея» покидает родину (Карелию), находится в чужой земле (Финляндия), в финале стихотворения отправляется в обратный путь к отчужденному дому. В первом случае блудный сын, испытывающий чувство вины, готовится сражаться за освобождение родины, надеется на возвращение в будущем. Во втором герой становится блудным сыном поневоле и, испытывая непреодолимую тоску по «отцовскому тихому дому», отправляется в путь, но остается в переходном пространстве леса, его дальнейшая судьба неизвестна.

2.3. Рецепция мотива «блудного сына» в творчестве Леа Хело

В произведениях финноязычного поэта и писателя Тобиаса Осиповича Гуттари (литературный псевдоним – Леа Хело) мотив блудного сына актуализируется в моделях духовного блуждания, а также странствия в пространстве и времени. Рассмотрим особенности трансформации

евангельского мотива в творчестве Леа Хело на материале лирического стихотворения «Ткачиха», рассказов «Грехопадение Ивана» и «Отец».

Леа Хело (1907 – 1953), родился в деревне Муя Санкт-Петербургской губернии. Окончив школу, Леа Хело поступил в Гатчинский педагогический техникум и, будучи студентом четвертого курса, отправился работать учителем в деревню Угмойла Пряжинского района АК ССР. Через год, получив диплом, он продолжил преподавать в школах Медвежьегорского и Олонецкого районов, а затем в Петрозаводске. Леа Хело, несмотря на то, что ему пришлось покинуть родной край, полностью посвятил себя преподаванию в финских школах, развитию литературы. Финн-ингерманландец, он чудом избежал ареста в начале 1930-х годов. Исполненный патриотического чувства, Леа Хело отправился на фронт в годы Великой Отечественной войны, но и здесь он ощущал недоверие по отношению к себе как финну. После войны его творчество не раз подвергалось резкой критике, что сказалось на его мировоззрении, здоровье. Леа Хело рано ушел из жизни, в возрасте 46 лет.

Значение творчества Леа Хело для развития литературы Карелии трудно переоценить. Один из первых поэтов и прозаиков Карелии, переводчик произведений русской классики на финский язык, редактор литературных журналов, талантливый педагог, автор хрестоматий по литературе для школьников, он внес неизмеримый вклад в развитие литературы и культуры в республике.

Поэт и критик А. И. Мишин, рассуждая о псевдониме писателя, отмечал, что «само слово «helo» весьма красноречиво. В переводе на русский язык оно означает «сияние», «блеск». В финноязычной поэзии Карелии имя Леа Хело сияло многие годы. Для новых поколений финноязычных поэтов он всегда оставался лучшим поэтом-лириком»²⁰¹. Известный писатель, литературовед и переводчик У. Н. Руханен отмечает, что «творчество Гуттари развивалось на иной социальной основе. Тобиас Гуттари был родом

²⁰¹ Мишин А. И. Поэт-лирик Леа Хело // Север. № 1–2. 2012. С. 192.

из ингерманландских крестьян. Он учился в советское время. И литературная среда, в которой он жил, была совсем иной, нежели у старших его товарищей. Без сомнения, Хело не был оторван от литературы Финляндии и ее традиций. Но все же основу его поэзии формировали советская литература и народная поэзия Карелии (и Ингерманландии – *О. К.*). Особенно Хело любил стихи Сергея Есенина, видимо, потому, что они во многом соответствовали и его собственным эстетическим взглядам. Сверстниками Хело в советской поэзии, а также и идейными товарищами были Ярослав Смеляков, Борис Корнилов и Павел Васильев»²⁰². А. С. Пекки отмечает, что «в произведениях Леа Хело главными темами были картины любимейшей ему карельской природы, труд крестьян и рабочих, рыбаков и лесорубов. Он сразу же проявил себя самобытным поэтом, хорошо овладевшим техникой стихосложения, с богатым запасом слов. Стихи по ритмике, использованию эпитетов, аллитераций были близки народной поэзии, напевны и легко укладывались на музыку»²⁰³.

Произведения Леа Хело выделялись на фоне пролетарской поэзии тонким, интуитивным ощущением внутреннего мира человека. Данная особенность его творчества отражена в стихотворении «*Kutoja*» («Ткачиха») (1928), где раскрыты темы малой родины, отцов и детей, предназначения человека. Переводы произведения выполнены Г. Семеновым²⁰⁴ и А. Мишиным²⁰⁵, но в силу художественных особенностей, различия с оригинальным текстом значительны. По этой причине мы воспользуемся подстрочным (филологическим) переводом, выполненным автором статьи²⁰⁶.

²⁰² Мишин А. И. Поэт-лирик Леа Хело... С. 192.

²⁰³ Пекки А. «Я снова здесь, на улицах твоих, Петрозаводск...» : К 90-летию со дня рождения Т. Гуттари – Леа Хело // [Электронный ресурс] / Электрон. дан. URL: <http://www.laidinen.ru/books.php?part=382&code=393&letter=%D5> свободный. Яз. рус. (дата обращения 25.04.2016)

²⁰⁴ Гуттари Т. Моя страна: Стихи ранних лет. М. : Советский писатель, 1950. С. 81-82.

²⁰⁵ Мишин А. И. Поэт-лирик Леа Хело // Север. № 1–2. 2012. С. 195.

²⁰⁶ Здесь и далее стихотворение цитируется по изданию: Helo L. *Kutoja* // *Soihtu*. 1928. № 5. s. 2.

Kutoja

Äidille

Tiedän, on siellä nyt kevät,
ja tulvivat purojen suut.
On päättyneet talviset toimet,
on tuvassa kangaspuut.

Taas juoksevat keväiset vedet...

Säde päivän käy akkunaan,
siitä siirtyvi kangspuihin

ja katsovi kutojaan.

On kutoja tuttu se mulle,
ja katseensa armas tuo.
Usein mietteeni lentävät sinne,
sen kutojen vanhan luo.

Ja tiedän, ett' hänkin muistaa
pokaansa nuorimpaan,
joka harvoin luonansa liikkuu
ja kotoihin harvoin saa.

Tiedän: hän nytkin siellä,
kun hiettävi sukkulaa
ja niisiä vakaana polkee,
taas kujalle katsahta:

“Jos auhaton saapuvi sieltä

Ткачиха

Матери

Я знаю, сейчас там весна,
И разливаются ручьи.
Закончились зимние заботы,
В избе ткацкий станок.

Вновь бегут весенние воды...

Луч дневной светит в окно,
Оттуда переходит на ткацкий
станок

И смотрит на ткачиху.

Мне знакома ткачиха
И тот ее дорогой взгляд.
Часто мои мысли летят туда,
К этой старой ткачихе.

И я знаю, что она тоже помнит
о своем младшем сыне,
который редко к ней приходит
и дома редко бывает.

Я знаю, она и сейчас там,
Когда стучит челнок
И прочные нити натягивает.
Опять на дорогу глядит:

Не появится ли оттуда

ja hellänä tervehtää:
Tulin luoksesi jälleen, äiti,
on rauaisa tupamme tää”.

и нежно поздоровается:
-Я пришел к тебе снова, мама,
Спокойно здесь, в нашей избе.

Mutta hiljaista rauhaa en kaipa,
on rauhani rauhattomuus.
Minä tietäni kulkea tahdon,
on taistoa elämä uus.

Но тихого спокойствия не желаю,
Мой покой – беспокойство.
Я желаю пройти свой путь,
Новая жизнь – это борьба.

En kaipa, vaan äitiä muistan
ja koetan ymmärtää.
Monen äidin on niin kovin vaikee
nähdä poikansa määränpää.

Не тоскую, но мать помню
И стараюсь понять.
Для многих матерей так сложно
Видеть цель своих сыновей.

En luoksensa jouda, mutt’ tiedän:
siellä tulvivat jokien suut.
Siellä armas kutoja oottaa,
ja helskyvät kangaspuut.

Не могу быть у нее, но знаю:
Там разливаются устья рек,
Там милая пряжа ждет
И стучит ткацкий станок

В стихотворении частично отражены основные события и образы евангельской притчи о блудном сыне. Лирический герой покидает отчий дом во имя исполнения высшей цели, желая пройти свой путь «новой жизни».

Художественное пространство стихотворения разделено на свое / чужое, в библейской притче это противопоставление дополняется коннотацией праведный / греховный. Покидая родную землю, герой устремлен к новой жизни, эмоционально он близок герою Я. Виртанена, воспевающему новый мир. Однако будущее характеризуется лишь отсутствием покоя, необходимостью борьбы. Пространственные характеристики прошлого и настоящего более конкретны: обозначены локусы дороги, избы, рабочего места матери у ткацкого станка.

Стихотворение выделяется на фоне произведений пролетарских писателей не только эмоционально-лирической тональностью, но и системой образов. В этом противоречии отражена особенность мировосприятия поэта: его раннее творчество наполнено верой в торжество социалистической идеи, но картина рождающегося нового мира не конкретизирована.

Лирический герой Леа Хело, осваивая новый мир, бескорыстно следует идеалу, исполняет свой долг, следовательно, категории христианской сотериологии в данном случае получают иную трактовку. С точки зрения пролетарской морали, грех в поведении сына отсутствует. Абсолютного забвения в данном случае нет, поскольку юношу не покидает память о родном доме. В основе коллизии – внутреннее противоречие между стремлением героя исполнить свое предназначение и чувством вины, которое лирический субъект невольно испытывает, вспоминая о покинутой им матери.

В притче центральной фигурой является отец, соблюдающий христианские заветы. Выбор женского образа в стихотворении Леа Хело обусловлен рядом причин, в том числе, некоторыми событиями жизни поэта (мать взяла на себя заботы о воспитании детей и ведении хозяйства большой крестьянской семьи после ранней смерти отца). Творчество Леа Хело сравнивают с поэзией С. Есенина²⁰⁷. Безусловно, отзвук его знаменитого стихотворения «Письмо матери» ощущается в произведении Леа Хело. В поэзии русских новокрестьянских поэтов С. Есенина, Н. Клюева, С. Клычкова особо значим образ матери: в их творчестве он имеет мифологическую основу и восходит к богине земли, дарующей плодородие, продолжение жизни. В произведениях новокрестьянских поэтов, как и в народных духовных стихах, к Матери Земле Сырой «обращено религиозное сердце народа»²⁰⁸. Данный образ занимал исключительное место в народном

²⁰⁷ Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Краху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1969. С. 113.

²⁰⁸ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 2. СПб. : «София», 1992. С. 72.

восприятию в связи его сближением с Богородицей. Как утверждал историк, философ, религиозный мыслитель Г. П. Федотов, к Матери-Земле обращались с надеждой, мольбами, искали утешения, приюта, каялись в содеянных грехах, видели в ней «хранительницу нравственного закона – прежде всего, закона родовой жизни»²⁰⁹. Образ Матери Человеческой, как правило, сопоставлялся с Матерью-Землей и посланницей Богородицы на земле.

В стихотворении «Ткачиха» мать также олицетворяется с Матерью Сырой Землей, так как ее образ интегрируется в изображение крестьянской природной среды («разливы рек», «ручьи», «весна», «крестьянская изба»). Мать изображена в свете солнечных лучей. Образы весны и солнца характерны для русской и финской литературы Карелии 1930-х годов²¹⁰, но они символизируют молодость, начало новой жизни, строительство нового государства²¹¹. Произведение Леа Хело наполнено любовью и нежностью к матери, в данном случае настоящее связано с образами родного дома, крестьянской жизни.

Настоящее и будущее матери – это ожидание сына, независимо от того, произойдет ли его возвращение домой. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров описывают понятие абстинативной (воздержательной) рече-поведенческой тактики на примере трансформации мотива блудного сына в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»²¹². Исследователи подчеркивают,

²⁰⁹ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 78.

²¹⁰ К примеру, стихотворение «Laulu kevälle» («Песнь весне») (1931) представляет собой пейзажную зарисовку: весна олицетворяет не только пробуждение природы, но и развитие городской, индустриальной жизни. Образ весны связан с новым этапом в развитии страны, воспета поэзия труда, заводов и фабрик. В заключительной части стихотворения описывается наступление весны в деревне и начало новой жизни: появление колхозной техники, зеленеющие молодые рощи, коллективно возделываемые обширные участки земли. Человек сам «весну певучую творит». В стихотворении слышится вера в высокую цель, идею, предназначение каждого человека. Прошлое окрашено в темные краски, ход времени замедлен, тягуч, в то время как в описании нового времени слышатся четкие, быстрые ритмы, использованы яркие, теплые оттенки.

²¹¹ Маркова Е. И. Совсем молодое солнце // Север. 1987. № 12. С. 98.

²¹² Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М. : «Индрик», 2005. С. 742. Подробнее см. глава 1, параграф 1.2.

что «отсутствие ожидаемых поступков тщательно фиксируется в литературе»²¹³. В стихотворении Леа Хело мать не высказывает упреков, не сетует, тем самым подчеркивается ее кротость, смирение, любовь к сыну, свойственные отцом в притче о блудном сыне.

Связь между родителем и чадом поддерживается на уровне воспоминаний. Мать изображена в процессе работы за ткацким станком, который занимает центральное место в пространстве избы. В руках матери рождается нить, которая незримо связывает ее с сыном. Прядение и ткачество – традиционные занятия крестьянки, имеющие особую трактовку на мифопоэтическом уровне: через рисунок сотканного изделия программируется судьба рода.

Образ пряжи связан с древними представлениями о жизни и смерти, судьбе и устройстве мироздания. Он уходит корнями в культуру носителей индоевропейских и уральских языков. В эпосе «Калевала», воссозданном Э. Леннротом на основе карельских и ингерманландских рун, неоднократно встречается образ пряжи. Мать Лемминкяйнена у водопада Туони находит и собирает воедино все части тела своего умершего сына, возвращает его к жизни, обращаясь за помощью к богине Суонетар²¹⁴.

Испросив божественной помощи, мать сама изменяет судьбу сына, моделирует его будущее. Данный эпизод интересен в свете рассуждений

²¹³Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Указ. соч. С. 742.

²¹⁴ Ты, красotka, жил хозяйка,
Суонетар, ты жил богиня,
Ты прядешь прекрасно жилы,
Пряха с стройным веретенцем,
С медным остовом у прядки,
С колесом ее железным!
О, приди, прошу тебя я,
Принеси, я умоляю,
Связку жил своей рукою,
Связку кож в подоле платья,
Чтоб связать покрепче жилы,
Их концы скрепить покрепче
На открытых страшных ранах,
Что, отверстые, зияют!

Калевала: карело-финский народный эпос / пер. Л. П. Бельского. Петрозаводск : Карелия, 1985. С. 230

аналитического психолога С. Биркхойзер-Оэри. В книге «Мать. Архетипический образ в волшебной сказке» исследовательница указывает на то, что в мифологии «судьбоносная черта материнского образа чаще всего предстает в образе пряжи», «символа неминуемой судьбы»: «Мать хочет оплести своего ребенка невидимой нитью и обеспечить ему плавный переход во взрослую жизни. Власть, которой обладает мать над психикой своего ребенка, в значительной степени зависит от ее надежд и желаний...»²¹⁵.

Процесс создания ткани, символизирующий на архетипическом уровне творение мира и индивидуальной судьбы человека, соотносится с моделированием матерью судьбы сына, ограждением его от дурного в процессе прядения. В подтексте стихотворения Леа Хело нить является тем берегом, который хранит его в новой городской, непростой жизни.

В произведении Леа Хело евангельский сюжет значительно трансформирован. В стихотворении С. Есенина «Письмо матери», упомянутом ранее, речь идет о возможности возвращения сына и, соответственно, о его спасении, тем не менее, читатель осознает невозможность их осуществления. В основе сюжетной линии стихотворения Леа Хело сходная коллизия, но, в отличие от лирического героя С. Есенина, юноша в стихотворении «Ткачиха» чист и поведением, и помыслами. Мать в произведении С. Есенина выходит на дорогу в надежде на встречу, здесь же она работает за станком. В ее неустанном труде, постоянном плетении нитей ощущается упорство матери Лемминкяйнена, соединившей в одно целое части загубленного сына. В стихотворении «Ткачиха» мать будто притягивает сына, соединяет его с родной землей. Несмотря на то, что воссоединение не заявлено в тексте, надежда на слияние остается (не случайно автор использует глагол «летят», говоря о мыслях героя, устремленных к дому). О возможности возвращения и, следовательно, спасения, говорят мечты матери: «Не появится ли оттуда и нежно

²¹⁵ Биркхойзер-Оэри С. Мать. Архетипический образ в волшебной сказке. М. : Когито-Центр, 2006. С. 85.

поздоровается: Я пришел к тебе снова, мама. Спокойно здесь, в нашей избе». Вопрос о покаянии героя, безусловно, не решается так, как в библейской притче, но значимо стремление героев понять друг друга («мать помню и стараюсь понять»). Герой стремится понять мать и надеется, что она не только кротко примет его жребий, но и осознает необходимость ухода сына на данном этапе жизни. Глагол «понять» имеет в исследуемом тексте чрезвычайно важное значение.

Таким образом, вечная тема отцов и детей, ориентированная на евангельский мотив «блудного сына», переосмыслена автором в соответствии с особенностями эпохи 1920-х годов. В стихотворении прослеживаются компоненты евангельской притчи о блудном сыне: уход из отчего дома, выбор судьбы, стремление к свободе, тоска по дому и родителю, ожидание родителем сына, отсутствие укоров со стороны матери, готовность принять сына. Раскаяние героя выделено не столь явно, реализуется как сожаление героя, его тоска и мысли о матери. Возвращение сына домой не представлено в сюжете стихотворения, но моделируется в мечтах матери и сына. Социально-исторические реалии создают новое семантическое наполнение «вечного» сюжета евангельской притчи. Леа Хело поддерживает идею создания нового мира, но при этом осознает, что страна по своему укладу, традициям и народной религии остается крестьянской. В связи с этим в его раннем творчестве отсутствует четкая картина будущего. Поэт воспекает природное, «материнское» начало мира. В стихотворении «Ткачиха» герой, несмотря на свой порыв, не может полностью оторваться от прошлого, поэтому образ матери, воплощающий христианскую любовь и смирение, доминирует. Категории греха, прощения, возвращения и покаяния получают иное наполнение.

Проза Леа Хело менее известна, чем его поэтические произведения, особенно, среди русских читателей. С конца 1920-х по 1940-е годы некоторые рассказы и повести писателя были изданы на страницах финноязычных журналов и газет Карелии и Ленинграда. В 1962 году в

Петрозаводске посмертно вышел сборник малой прозы на финском языке²¹⁶. Во вступительной статье отмечено, что Леа Хело написано более 600 рассказов, очерков, эссе, газетных статей, дневниковых записей²¹⁷. В библиографическом списке, дополнившем издание, представлено лишь 56 наименований, что позволяет судить о малой доступности произведений. В 1964 году была издана книга писателя «Когда озеро цветет»²¹⁸, в которую вошли двенадцать рассказов и очерков, переведенных на русский язык Т. Сумманенем. Его перу принадлежит и вступительная статья, в которой поэт отмечает следующие черты прозаических произведений Леа Хело: «... они компактны и лаконичны, пронизаны поэтическим настроением, в них немало точных, психологически очень метких деталей»²¹⁹.

Переход от «старого» мира к «новому», связанный с границей во времени и пространстве, является одной из главных тем поэзии и прозы Леа Хело. Герой, оказавшись на стыке двух эпох, вынужден сделать выбор между традиционным укладом жизни и развивающимся социалистическим государством. Рассмотрим тему пограничья на материале рассказов Леа Хело «Isä» («Отец») и «Iivanan lankeemus» («Грехопадение Ивана») сквозь призму архетипических образов евангельской притчи о блудном сыне.

Карелия является транзитным регионом, что определяет актуальность темы границы в изучении литературы и культуры республики²²⁰. Понятие «граница» многомерно: «В поле зрения исследователей наряду с этническими, культурными, государственными границами оказываются границы географические, социальные, правовые, информационные,

²¹⁶ Helo L. Kertomuksia. Kuvauksia / Koonnut Jaakko Rugojev. Petroskoi: Karjalan Kirjankustantamo, 1962.

²¹⁷ Ibid. S. 3.

²¹⁸ Гуттари Т. Когда озеро цветет: Рассказы и очерки. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1964. 112 с. Далее цитирую по этому изданию с указанием номеров страниц в скобках.

²¹⁹ Там же. С. 7.

²²⁰ См.: Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона : материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / сост. О. П. Илюха. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2005; Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008.

ментальные и т. д. Гуманитариев они в большей мере привлекают в их символическом, социальном и культурном, нежели в физическом, значении»²²¹. Указанная проблема разрабатывается также на материале творчества писателей Карелии и Европейского Севера России²²². Предметом данной части исследования являются рассказы Леа Хело «Isä» («Отец», 1929) и «Грехопадение Ивана» («Iivanan lankeemus», 1931).

Главный герой рассказа «Отец» – одинокий старик Куйсма, который провел жизнь в родной деревне, расположенной на берегу озера²²³. В традиционной культуре, как правило, черты облика человека соотносятся с теми или иными характеристиками окружающего мира, а природа, наоборот, антропоморфизму. Лицо Куйсмы, изрезанное морщинами, сравнивается с взволнованным ветром озером, а беспокойство, отзывчивость души – с колыханием волн. Молодость героя ассоциируется с весенней синевой озера, утренним ветром, зрелые годы – с «могучей силой» воды осенью, а старость, седины – с белым цветом зимы. Жизнь Куйсмы протекает по законам цикличности фольклорного времени, в тесной связи с природными ритмами. Судьбы жителей деревни схожи между собой: многие пережили три войны, в мирные годы заботились о своих семьях, вели хозяйство, трудились на пожогах.

Сидя по вечерам на берегу озера, в котором, как в зеркале, отражаются сцены прошлых лет, Куйсма вспоминает о событиях своей жизни. Образ Пекки, сына Куйсмы, введен в повествование через воспоминания главного

²²¹ Границы и контактные зоны... С. 4.

²²² См.: Дюжев Ю. И. На грани литературы и фольклора (о прозе В. И. Пулькина) // Межкультурные взаимодействия... С. 206 – 210; Маркова Е. И. На границе жизни и смерти (о поэме Николая Клюева «Кремль») // Границы и контактные зоны... С. 169 – 180; Сойни Е. Г. Образная параллель «Россия – Финляндия» в русской эмигрантской литературе Финляндии 1920 – 1940-х годов // Труды Карельского научного центра РАН. Сер. : Гуманитарные исследования. 2011. № 6. С. 37 – 44 и др.

²²³ Речь идет об одной из карельских деревень, которые развивались из небольших поселений, расположенных вокруг озера по причинам исторического, географического, бытового и мифологического характера (озеро, согласно карельским поверьям, было наделено особыми магическими функциями). Подробнее об этом см.: Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Ч. 1. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 392 – 455.

героя, следовательно, черты юноши представлены сквозь призму отцовского восприятия. Старик видел в сыне близкого человека со «столь же беспокойной душой, как и у отца в дни молодости» (С. 20). Пекка, «сильный, полной неукротимой энергии» (С. 20), всегда помогал в работе, ведении хозяйства. Общие заботы, совместный труд, близость к природе, сходство характеров повлияли на возникновение между отцом и сыном особого, простого, грубоватого языка. Пекка охарактеризован лаконично, о его судьбе, характере, истинном отношении к отцу известно крайне мало (имя героя читатель узнает в развязке сюжета). Определение «*nuogempi*» (форма сравнительной степени в финском языке) дает возможность предположить, что Пекка был не единственным сыном в семье. Тем не менее, в тексте рассказа не находим этому подтверждения. Следовательно, в отличие от евангельской притчи, конфликт в рассказе Леа Хело разворачивается между двумя героями. По-иному расставлены акценты: в центре находится «мир» отца, его переживания, на что указывает и заглавие рассказа, в отличие от библейского повествования, обозначенного евангелистом Лукой как «притча о блудном сыне, его отце и брате». События излагаются третьим лицом, рассказчиком; переживаниям отца, его видению ситуации уделяется особое значение.

Завязка действия происходит в прошлом: Куйсма вспоминает о событиях, произошедших шесть лет назад. Художественное пространство погранично с географической и фольклорно-мифологической точки зрения: дом героя расположен вблизи леса, на границе Карелии и Финляндии. Граница между государствами определяет строгое разделение пространства на «свое» и «чужое». В соответствии с народным обычаем, люди, которые занимались извозом, радушно принимались Куйсмой, находили у него тепло и кров. Однако в памятный старику день они пришли с оружием, оставили «кровавый след» (С. 22), расстреляли одиннадцать человек, среди которых был брат Куйсмы, и поспешно пересекли границу. Пекка «каким-то образом, а каким именно, Куйсма до сих пор не знает» (С. 22) ушел с ними. Поскольку

мир художественного произведения представлен глазами отца, в повествовании не уточняется, какой национальности, партии или политическому движению принадлежали преступники. Куйсма живет вне понятий классовой сознательности, руководствуясь законами семейственности, традиционных ценностей, поэтому для него эти люди – убийцы, преступившие границу нравственного закона. Пекка покидает отчий дом без отцовского благословения, уходит с предателями, убившими брата Куйсмы: «...Куйсма своими руками вытащил его тело из-под кучи камней и похоронил на кладбище. А сын вот уже седьмой год там, за границей. Поэтому и тяжело у старика на душе, когда ветер дует с запада» (С. 22). Отец готов понять и простить сыну уход за границу поневоле, но не находит в себе сил принять то, что Пекка не возвращался уже седьмой год.

Кульминационная сцена происходит ночью. Куйсма спит дома, трое людей спешат к его избе. Ситуация, определившая рубеж в жизни героев, характеризуется рядом символов: граница между государствами, а также лес, сумерки и сон героя как пограничные состояния природы и человека. Раздается стук в окно, Куйсма вскакивает, слышит знакомый голос сына, который просит впустить его в дом. Старик бросается к дверям, но не открывает – «голос, который придал его старому телу такую резвость, вмиг останавливает руку» (С. 23). Пекка просит укрыть его вместе с другими контрабандистами, чтобы в следующую ночь они скрылись за границей. Сердце отца, бешено колотившееся, успокаивается. В этой сцене через триаду *сердце – голос – рука* передается тонкость и психологизм ситуации и переживаний отца. *Сердце* символизирует чувства Куйсмы, любовь к сыну, безумную радость от встречи с ним. Тем не менее, Пекка давно сделал свой выбор: поскольку не происходит раскаяния, не даруется и прощение. Возвращение сына мнимое – через дверь, как через границу слышится голос героя. *Рука* отца, открывающая дверь домой, дающая благословление, напротив, «задвигает щеколду». *Голос* отца холодный, у сына – чужой и грубый.

Выбор жизненного пути сына стал трагедией для отца. Раскаяния, которое должно произойти по законам притчи, нет, поэтому не даруется и прощение. Куйсма не принимает сына-предателя, и Пекка уходит в лес, пограничное пространство. Порыв сердца заставляет Куйсму броситься к двери, распахнуть ее, но в лесу уже слышатся выстрелы как знак того, что граница разделяет два антагонистических мира. Судьба Пекки остается неизвестной, блудного сына не принимают ни отец, ни родная земля. В данном случае наблюдается инверсия сюжета стихотворения Я. Виртанена «Тоска Ондreja». В рассказе Леа Хело сын, покинув отчий дом, исчезает в пограничном пространстве леса, отец же остается дома. В стихотворении Я. Виртанена сын принимает решение вернуться домой, но его дальнейшая судьба также неизвестна, он уходит в лес, разделяющий Финляндию и Карелию. Родители Ондreja остаются на чужбине.

Темы границы и выбора жизненного пути затронуты также в рассказе 1931 года «Iivanan lankeemus» («Грехопадение Ивана»). Существительное «lankeemus» в переводе на русский язык означает «падение», но Т. Сумманен использует слово «грехопадение» (выделено нами – О. К.) в заглавии и тексте рассказа. Он подчеркивает христианскую составляющую в произведении Леа Хело, поскольку речь идет об отношении героя к церкви: «Грехопадение Ивана было совсем не таким, каким принято представлять грехопадение» (С. 59). Возникает вопрос, о какой точке зрения идет речь: общественной морали, этике нового социалистического государства или христианской нравственности? Основой сюжета произведения является противопоставление двух миров: христианской культуры и советского атеистического государства. Слово «грехопадение» в переводе рассказа усиливает христианскую составляющую и обостряет ситуацию конфликта, противодействия двух культур, их идеалов и ценностей.

Рассказ открывается сценой возвращения героя домой. Описание апрельской природы не соответствует традиционному для творчества Леа Хело 1930-х годов образу солнечной весны: «Дороги на озерах и в низинах

уже почернели, потемнел лес за озером, и ольшаник за горой побурел» (С. 59-60). С одной стороны, пейзаж отражает реальность северной карельской природы в период смены времен года, перехода от белоснежной зимы к весне, когда сходит снег, оголяются черные ветви деревьев и темная земля. С другой стороны, безрадостность природы показывает нежелание героя возвращаться домой, его боязнь собственной матери, которая упрекает его в неумении копить деньги. В качестве подарка Иван несет узелок с отрезом материи, но это не тот дар, который преподносят, возвращаясь с дальней дороги, в знак любви и доброго отношения к человеку, а подношение, которое должно задобрить мать, откуп (в оригинальном тексте – «diplomaattinen lahja»). Портрет матери создан несколькими штрихами, но передает неприязнь сына: «ехидные глаза», «толстуха Марья». Хотя сцена встречи с матерью описана сухо, лаконично, «радость возвращения домой», вкусная еда, тепло дома все же важны для героя. В роли родителя вновь выступает мать, но в данном случае это не отрицательная героиня, как в рассказе Х. Тихля. Она скорее близка образу матери в стихотворении «Ткачиха», но сын чувствует себя чужим, вернувшись домой, и воспринимает мать не без доли иронии.

По воспоминаниям матери, семь лет назад она провожала в школу «любознательного мальчугана», а встретила повзрослевшего сына с презрительной усмешкой в глазах. Мать Ивана, как и отец в евангельской притче, всегда принимала сына с любовью, даже с гордостью, несмотря на сетования, прощала сыну все слабости, в том числе, его расточительность: «Он не пил, не играл в карты, но деньги у него уходили по мере того, как приходили» (С. 61). С точки зрения крестьянской общины, Иван не соответствует идеалу расчетливого, бережливого хозяина дома.

По возвращении домой герой три дня носил с собой заявление о приеме в комсомол, не решаясь отдать учителю, вокруг которого строится художественное пространство, маркированное терминологией социалистического государства: «комсомол», «пионеры», «собрание ячейки».

Иван стремился стать частью этого мира, но и в нем он чувствовал себя «лишним» - мечты о звездах, думы об астрономии, взгляд, обращенный в небо, ничуть не интересовали учителя. Недаром единственная общественная деятельность, которую выполнял Иван, – участие в спектаклях. Он будто менял маски, исполняя каждый раз новую роль. «В прошлую Пасху Иван тянул псалмы в церкви вместо дьячка» (С. 64). С точки зрения учителя (человека новой формации, представителя социалистической культуры) это – «падение», поступок, препятствующий Ивану стать комсомольцем, «настоящим человеком».

В рассказе «проступок» Ивана представлен как следствие «большого падения» (С. 59) священника местного прихода, отца Сергия²²⁴. В создании портрета героя Леа Хело использует один из своих излюбленных художественных приемов – описание человека посредством какой-либо детали в его внешности. Отец Сергий представлен шестидесятичетырехлетним «старцем» с «серебристо-белой бородой», в которой играет «шаловливый весенний ветер», будто вселяя в героя греховные мысли и соблазны. По церковному календарю действие происходит в особое время – конец Великого Поста, канун праздника Светлой Пасхи. Отца Сергия одолевают мрачные мысли, поскольку ему предстоит «объехать приход – собрать принадлежащее богу» (С. 66). В голосе автора чувствуется сарказм, так как сбором податей отец Сергий «добывал пропитание себе» и оставшимся в родном доме трем сыновьям (трое старших покинули отчий дом – стали работать учителями). Священник далек от понимания своего истинного предназначения и искреннего служения: он использует в личных целях деньги, собранные на содержание церкви²²⁵, придает греху уныния, пьет вино накануне Пасхи и играет в карты. В разговоре за бутылкой вина он словно защищается, объясняя

²²⁴ Заметим, что мотив преодоления соблазна служителем церкви и его падения сближают образ отца Сергия с главным героем рассказа Л. Н. Толстого «Отец Сергий».

²²⁵ Святой Сергий Радонежский, имя которого носит герой рассказа, к примеру, запрещал принимать подаяние в монастыре, им основанном. Братия жила исключительно на средства, заработанные собственным трудом.

десятнику, почему работает в церкви. Оправдываясь, священник выступает в роли блудного сына, отворачивается от Отца Небесного, утверждая, что, если бы не его преклонный возраст, то бросил бы служение. Это предательство, отказ от веры – и есть падение отца Сергия. Деталь портрета (описание бороды отца Сергия) снова появляется в повествовании, но уже выглядит она отнюдь не так «благообразно и опрятно». Неряшливый внешний вид священника отражает его душевное состояние.

В разговоре между отцом Сергием и десятником ставится проблема противостояния двух миров, церкви и школы, их борьбы за будущее молодого поколения: «Школу отделили от церкви. А это что значит? Это значит, что школа и церковь враги. Мы боремся, боремся за молодежь. Многие из нас не верят в будущее церкви, и все-таки борются. Пионеры... комсомолия... Эх! Если мы не завоюем молодежь, значит, мы обречены...» (С. 67). Между школой и церковью, новым социалистическим и традиционным христианским миром, заключены метания главного героя, которого попросили прочитать псалмы на Пасху, поскольку он единственный среди жителей деревни учился в церковно-приходской школе и знал наизусть многие молитвы. Для Ивана пение псалмов – падение с точки зрения морали пионерии и комсомола, к которым стремился герой. Он вроде бы сделал выбор в пользу учителя, школы, новой социалистической культуры, но в то же время не мог воспротивиться воле матери и просьбам односельчан. Иван, как фольклорный герой, стоит на перепутье двух дорог, и дорога, как в народной сказке, сама выбирает его.

Неосознанность этого выбора, фарс ситуации подчеркиваются тем, что Иван проживает жизнь, будто меняя маски. В комсомольском театре ему достаются женские роли: колдунья, девушка на выданье, попадья, покинутая любовница. Внешняя красота героя, мягкость характера, мечтательность, неспособность принять решение меняют и его гендерный статус. Ивану предлагают роли второстепенных героев, чуждых новой эпохе. Церковная кафедра для персонажа также становится сценой, где он исполняет одну из

главных в Пасхальном богослужении роль – человека, произносящего слово Божье.

В Пасхальный вечер, то есть сакральное время, Иван стоит посреди площади. Выйдя за пределы этого круга, он окажется в одной из двух пространственно-временных систем. В рассказе красному углу крестьянской избы противопоставлен «советский аналог» – красный уголок (специально выделенное место, предназначенное для собраний, бесед, лекций проводимых в рамках коммунистического воспитания), где стремится укрыться Иван. Православной иконе соответствует идеологический портрет. Юноша ищет помощи у учителя, но в его доме темно. Не находя в себе силы сделать выбор и отказаться от пения псалмов в церкви, он убегает и прячется в избе старой Марпы, засыпает на скамье и видит сон, отражающий его внутренние терзания: «... 1919 год. Белые заняли деревню. Красные партизаны укрылись в лесу. Маленького, босоного Ивана посылают с сообщением к партизанам. Он идет с топором под мышкой. Как бы по дрова. Но часовой белых на колокольне замечает его. «Стой! Куда? – кричит он. – Из деревни нельзя никому выходить». Но Иван, не обращая внимания на окрик, устремляется к лесу. Часовой стреляет ему вслед. Раз, другой, третий... Ивану становится страшно, и он уже хочет повернуть обратно, но тут выстрелы превращаются в удары церковного колокола и в звоннице вместо часового стоит отец Ивана, бьет в колокола и кричит народу, хлынувшему из церкви на улицу. «Смотрите на моего сына! Разве это мой сын? Он же отрицает и бога и дьявола и убегает из церкви, покорными детьми которой были его предки. Мой сын впал в великий грех!» И отец падает на колени, бьет себя в грудь и склоняет голову в низком поклоне» (С. 71). Оказавшись на перепутье, Иван, герой переходного времени, не способен сделать окончательный выбор в силу многих причин (нерешительность, мягкость характера, традиционность нравов старшего поколения, христианское вероисповедание).

Ничего не понимающий, сонный, Иван «поплелся» в церковь и решил таким образом свою судьбу. Все, связанное с миром учителя, будто уходит под землю, а молодые люди, которые смеялись над Иваном во время чтения псалмов, ассоциируются у него с чертями, что символически определяет их принадлежность к враждебному миру. Таким образом, пространство вновь разделено надвое, и герой, находясь на границе, делает выбор в пользу старого, традиционного уклада. Возвращение в лоно церкви, следовательно, и в отчий дом, происходит бессознательно: отсутствует ключевой евангельский мотив раскаяния. Героем руководит страх перед неизвестностью и отречением от привычного уклада жизни: «И все было против него – и обещание матери, и его поведение в прошлые годы, и своеобразное понятие о вежливости, и унаследованное сыновьями от отцов и дедов почитание старших, а также привычка подчиняться их воле, и сложившиеся в течение столетий религиозные обряды. Все прошлые поколения были против Ивана, и он в эту ночь оказался один, совершенно один» (С. 70). Леа Хело тонко обыгрывает тему смены старого и нового миров и ситуацию выбора, перед которым оказался Иван. Герой, который хотел преступить границу и уйти в пространство нового строящегося социалистического государства, возвращен в традицию, остается в лоне церкви.

Таким образом, в рассказах Леа Хело мотив «блудного сына» актуализируется в моделях духовного блуждания и странствия в пространстве и времени человека, находящегося на границе двух миров. Настала новая историческая эпоха, но чуждость этому миру, необходимость выбора пути поселяет разлад во внутреннем мире героев, ставших «блудными чадами». В рассказе «Грехопадение Ивана» главный герой возвращен в лоно церкви и родительский дом бессознательно, а отец Сергей не выполняет «сыновьи» обязанности перед церковью и Отцом Небесным. В рассказе «Отец» изображен юноша, совершивший грех перед отцом, но его возвращения не происходит, сын-предатель растворяется в пограничном

пространстве, его судьба неизвестна. Исторические условия диктуют новые смыслы в интерпретации евангельской притчи, тема отцов и детей связана с образом географической, социальной, исторической и духовной границы.

2.4. Контекстные модификации мотива «блудного сына» в творчестве финнов-ингерманландцев

В данном параграфе представлен анализ произведений, напрямую не связанных с темой предреволюционного состояния мира (произведения Х. Тихля) и построения нового мира, порожденного революцией (Я. Виртанен, Л. Хело). Однако мотив блудного сына / дочери / детей не покидал творчество ингерманландцев и особенно остро был ими осознан в эпоху «перестройки» и постсоветский период. В творчестве П. Пелля, П. Мутанена, К. Корвела и других писателей-ингерманландцев, продолжателей литературных традиций Л. Хело, звучат темы судьбы человека и народа, взаимоотношения личности и родины.

Анализ данного мотива обусловлен рядом причин. Во-первых, Церковь связывает притчу о блудном сыне с историей изгнанного со своей земли иудейского народа²²⁶, что в сюжетном плане соотносимо с историей ингерманландского народа, отраженной в публицистике и художественных произведениях. Более того, в литературоведческих работах представлена модель «блудный сын своего Отечества», описывающая поведение отдельного героя или группы персонажей, покидающих свое Отечество, испытывающих чувство вины и возвращающихся на родину или стремящихся сделать это²²⁷. Мотив блудного сына трансформирован в творчестве ряда писателей ингерманландского происхождения в контексте тем покинутой родины, скитания, тоски по земле предков и возвращения в Отечество. Мотивы ухода из отчего дома, разрыва с корнями, вины перед Родиной, странствия, тоски по родной земле, возвращения коррелируют с

²²⁶См. глава 1, параграф 1.1.

²²⁷Габдуллина В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева : учебное пособие. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2006.

евангельским мотивом «блудного сына». Данный мотивно-тематический комплекс обусловлен рядом социально-политических причин и отражает исторические реалии судьбы ингерманландского народа.

В годы коллективизации тысячи крестьянских семей Ингерманландии были раскулачены и высланы в Сибирь, Урал, Среднюю Азию, Кольский полуостров, часть населения при этом погибла. Многие ингерманландские деревни были опустошены. В 1930-е годы происходили массовые выселения ингерманландцев с земель их исторического проживания в Сибирь, в Красноярский край, на берег Енисея, а также в Хибины. Население не оповещали заранее о предстоящем переселении и местах назначения. Жители не имели возможности подготовить необходимые запасы продовольствия, решить хозяйственные вопросы. Переселенцы лишались домов, земельных участков, скота, имущества. Многие мужчины были отправлены на принудительные работы в лагеря, женщины практически не имели возможности трудоустройства²²⁸. В 1937—1938 годах в Ингерманландии были ликвидированы финские национальные сельсоветы, лютеранские приходы, финноязычные газеты, журналы, учебные заведения, запрещено радиовещание, в Ленинграде закрыт Финский театр. Многие представители ингерманландской интеллигенции были репрессированы, подверглись депортации или приговорены к расстрелу²²⁹.

Действия Советского Союза против Финляндии в Советско-финляндской и Великой Отечественной войне сказались на судьбах российских финнов. Практически все ингерманландцы были интернированы во время войны и не имели права на возвращение в родные края. Часть уцелевших во время эвакуации людей поселились в Карелии. Последствия войны были ужасающими: тысячи ингерманландцев были убиты или

²²⁸ См. : Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М. : Наука, 2005; Кирьянен А. И., Лабудин А. В., Самодуров А. А. Ингерманландские финны: трудная история // Управленческое консультирование. 2017. № 5. С. 130-140; Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003.

²²⁹ Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. С. 266.

оказались в лагерях. За период с 1930 по 1945 погибло более 65 тысяч ингерманландцев, практически половина всего населения²³⁰.

В 1956 году был отменен запрет на возвращение финнов в Ленинградскую область, тем не менее, многие семьи строили свою дальнейшую жизнь за пределами Ингерманландии ввиду социальных и психологических причин. Дома многих депортированных финнов были разрушены либо переданы во владение другим людям. Скитания народа отразилась на каждой семье и каждом человеке в отдельности. Если говорить о конкретных судьбах финнов-ингерманландцев, то многие хорошо адаптировались на чужбине, реализовали свои творческие возможности, заслужили авторитет в обществе, тем не менее, продолжали тосковать о родине своих отцов.

Э. Г. Карху, известный далеко за пределами Карелии филолог, финно-угровед, выразил общее для ингерманландцев мироощущение в книге «Прощание с Ингерманландией», сочетающей черты научного исследования и мемуаров: «Были периоды, когда не то, что углубляться – напрочь хотелось про все забыть, кто ты и откуда, и не терзать себя тщетными мыслями. Но и забыть не позволялось – хотя бы уже особыми отметками в паспорте и строгими анкетными правилами. Когда тебе чуть ли не с первого класса приходилось, как заведенному, из года в год, на протяжении всей твоей жизни, без конца повторять в автобиографиях со смешанным чувством вины и унижения: «родился в семье финнов, родителей вывезли туда-то...», – уверяю вас, это действует на социальное самочувствие, а иногда вконец подламывает, сокрушает волю и притупляет разум. Несчастный «запропагандированный» подросток с максималистской психологией мог и отца родного возненавидеть, и хорошо, если позднее наступал черед

²³⁰ Гильди Л. А. Судьба «социально-опасного» народа. (Засекреченный геноцид финнов в России и его последствия. 1930 – 2002 гг.). СПб. : Изд-во ДЕАН, 2003. С. 333.

сыновнего покаяния. Теперь мы знаем, что такое случилось даже с людьми выдающимися и высокоинтеллектуальными»²³¹.

Член Союза писателей СССР, финка по национальности, Р. Г. Пелля²³² вспоминает: «Не говорю сейчас о том, что не раз слово «финка» произносилось над моей головой и над другими тоже, как проклятье, за то, что я и брат говорили с мамой на ее родном языке, как и о том, что в детской компании больно за это били или, на худой конец, дразнили. Гораздо страшнее то, что всю жизнь мы чувствуем себя перекасти-подем. Вроде бы и пустили в этой земле корни, а все же никогда уже не обрести нам уверенности, что следующий порыв ветра не сорвет нас с места и мы снова не окажемся во власти безжалостной стихии»²³³.

В настоящее время среди ингерманландских финнов остро обозначена проблема языка. В современном мире существует возможность высказать свои мысли на родном языке, но среда, где этот язык мог бы жить и развиваться, уничтожена: «Без нее нет развития языка, нет словотворчества, которое единственно является признаком свободного владения раскрепощенным, живым языком. Убогим языком можно выразить лишь убогие мысли. Вот и получается, что нас таких, вроде бы и с языком, и в то же время, безъязыких, миллионы»²³⁴.

В шестидесятых годах XX века заявил о себе писатель и поэт Петр Матвеевич Пелля (Пекка Пелля) (1940 – 1989)²³⁵. Ребенком, вместе с семьей, он был депортирован в Финляндию в 1942 году и вернулся в советскую Россию в 1957 году. Характерные черты произведений П. А. Пелля – связь с

²³¹ Карху Э. Г. Прощание с Ингерманландией // Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории : Исследования и воспоминания. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 146.

²³² Литературный псевдоним - Марья-Леена Раунио.

²³³ Раунио М.-Л. Как я не стала писательницей // Мария : Литературный альманах / Сост. Г. Г. Скворцова. Петрозаводск : Карелия, 1990. С. 272.

²³⁴ Там же. С. 273.

²³⁵ О нем: Писатели Карелии: библиографический словарь / сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Острова, 2006 С. 213-214; Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. СПб. : «Наука». С. 168-169; Прушинская Н. А. Пьесы П. Пелля на сюжеты «Калеваль» // Проблемы литературы Карелии и Финляндии : Сб. ст. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1994. С. 52-56.

традициями устного народного творчества, темы родины, судьбы Карелии и Ингерманландии, отношения человека к миру, родине, дому. Поэтические образы матери и родного дома наполнены теплом и светом. В стихотворении 1972 года «Kaunis on kuva kodista...»²³⁶ («Мой дом, ты остался в памяти...»)²³⁷ категория памяти является сюжетообразующей, соединяет воедино пространственно-временные пласты прошлого, будущего и настоящего. Герой находится вдали от родины, ему неизвестно, жива ли мать. Тем не менее, образы матери и дома неразделимы в сознании лирического субъекта, они актуализируются в воспоминаниях, становятся явью, стирают временные и пространственные границы. Мать занята, ее день полон забот, но она всюду успеваает с улыбкой на устах, взглядом, полным любовью.

Лирический герой с теплом вспоминает полную трудов крестьянскую жизнь матери: в его сознании материальное и духовное начала, ежедневность быта и бытие неразрывно связаны. Возвращения сына домой не происходит, но связь поколений восстанавливается, поскольку в финальных строфах отражены последние воспоминания матери о сыне. С материнской заботой, искренней любовью, желая сыну счастья, она будто программирует его судьбу²³⁸. Данная сцена проецируется на будущий предсмертный час лирического героя, когда его мысли будут обращены к материнскому образу. Круг замыкается, и духовное единение с матерью устраняет чувство тоски по дому, ощущение его недостижимости.

Воспоминанья о матери
часто бывают последними.
Словно спеша по делу,
даже в последний час свой
она улыбается детям,

²³⁶ Pölla P. Kaunis on kuva kodista // Jos linnulta siivet saisin : inkeriläisten runoja kadotetusta kotimaasta. Petroskoin yliopiston kustantamo, 2000. s. 169.

²³⁷ Перевод на русский язык А. И. Мишина: Пелля П. Стихи // «К солнцу песни свои поднимаю...»: стихи. Север. 1972. № 12. С. 15.

²³⁸ Ср. образ матери в стихотворении «Kutoja» («Ткачиха») Леа Хело.

желая им в жизни счастья²³⁹.

Жизнь лирического героя в стихотворениях П. Пелля связана с родной землей, вне ее он не представляет себя. Любовь лирического героя поэзии П. Пелля к родному краю всеобъемлюща. Пейзаж наполнен особым дыханием жизни севера, образами дикой природы, картинами бескрайних лесов, озер, скалистых берегов. Преданность родной земле заставляет героя многократно проходить путь возвращения домой.

Образ Родины является также семантическим центром в произведениях новеллиста П. А. Мутанена. Петр Абрамович Мутанен (Пекка Мутанен)²⁴⁰ (1935 – 2011) родился в деревне Большое Кикерино в Ленинградской области. Первые произведения Пекки Мутанена стали появляться в печати с 1968 года. Темы войны, любви к родной стране, к малой Родине основополагающие в прозе П. Мутанена. Воспоминания писателя о посещении родной деревни в 1988 году наполнены душевной болью, скорбью о судьбе ингерманландского народа²⁴¹. Дом писателя стал дачей для семейной пары из Ленинграда, церковь разрушена и пустует. Могилы его родственников утрачены, на их месте появились новые захоронения. Кости при рытье могил выбрасывали в мусорный ящик, содержимое которого вывозили впоследствии на свалку. Писателю запомнилась надпись, сделанная на одном из могильных камней: «Спи спокойно, мама. Тебе пришлось многое выстрадать»²⁴². Эти слова говорят о трудных судьбах всех матерей Ингерманландии прошлого столетия. Выбранный автором в качестве заглавия ветхозаветный образ «земли обетованной» не приводится дословно в тексте Священного писания, но, связанный с обретением отчего дома и родной земли, упоминается на литургии в воскресенье Недели о блудном сыне. Карельский архиерей Фаддей также связывает образ блудного сына с

²³⁹ Пелля П. Стихи // «К солнцу песни свои поднимаю...»: стихи. Север. 1972. № 12. С. 15.

²⁴⁰ О нем: Писатели Карелии: биобиблиогр. словарь / сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Острова, 2006 С. 287-288; Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3х т. Т. 2. СПб.: «Наука». С. 215-217; Виртатанта П. Этюды о карельской культуре: люди и судьбы. Петрозаводск: Карелия, 1992. С. 234-236.

²⁴¹ Мутанен П. Земля обетованная // Север. 1989. № 5. С. 92-97.

²⁴² Там же. С. 94.

судьбой еврейского народа, плененного в Вавилоне, но сохранившего в сердце память о родном Иерусалиме. Он подчеркивает праведность любви к отчужденному дому, родной земле и призывает сохранить связь со своими корнями, Отечеством²⁴³.

Мотив сиротства оставленной земли, родины, возвращения в отчий дом возникает также в произведениях У. С. Конкка (Катри Корвела) (1921 – 2011), поэта, писателя, исследователя карельского фольклора, учителя русского языка и литературы. Знание карельского и ингерманландского фольклора, опыт изучения этнической культуры, испытания, выпавшие на долю семьи У. С. Конкка, отражены в ее художественном творчестве. Тема поиска корней народом, оторванным от родины и переносимым ветром из одного конца земли в другой, воплощена в поэзии К. Корвела. Например, образ пережати-поле является семантическим центром стихотворения «Juuret» («Корни»): «Я почувствовала себя пережати-поле, / не имеющим корней...»²⁴⁴. Лирическая героиня переживает трагедию оторванности от дома. Размышления об утерянном отечестве, ощущении горечи, боли от разлуки с дорогим сердцу домом, землей сменяются воспоминаниями, в которых поэтически воссозданы образы родной земли.

Oli minullakin kerran	И у меня был когда-то
isien maalla	на земле отцов
siellä Koivumäen rinteessä	Там на склоне Койвумяки
harmaa hirsiseinäinen kotini,	мой серый бревенчатый дом,
ympärillä vihreät pellot ja kukkivat	вокруг зеленые поля и цвели луга.
niityt.	
Siellä oli ainainen kesä ja päivänpaiste,	Там было вечное лето и солнечный
vilja heilimöi	свет, зерно колосилось
ja mehiläiset nuokkuivat kissankelloissa.	и пчелы опускались над

²⁴³ Фаддей, архиерей. Слово в неделю о блудном сыне // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 3. С. 108-109.

²⁴⁴ Korvela K. Juuret // Jos linnulta siivet saisin : inkeriläisten runoja kadotetusta kotimaasta. Petroskoin yliopiston kustantamo, 2000. s. 178.

Siellä oli pähkinäpuita kasvavat palteet
ja vaarukkaviidakot,
siellä samoilimme pitkät kesäiset päivät
ja toimme kotoiseen pöytään
parhaimmat herkut.

колокольчиками.

Там росли ореховые деревья
и заросли малины, там мы бродили
длинными летними днями
и приносили домой к столу
лучшее лакомство²⁴⁵.

Идиллическая картина наполнена состоянием тихого безмятежного счастья, которое обрывается утверждением: «Больше нет ни деревни, ни ее жителей». Внутренняя тоска и непреодолимое стремление возродить связь со своими корнями возвращает лирическую героиню стихотворения на родину, где она встречает незнакомца, заметившего во взгляде женщины сходные черты с ее предками. Осознание прочной связи с родом Инкери упорядочивает окружающий мир, придает ощущение цельности бытия, воссоединяет героиню с землей предков.

Повествование в лирическом стихотворении «Isien maan» («Земля отцов») (1969 – 1987) также развивается вокруг образов отчего дома и земли предков. В сознании лирического субъекта стираются временные границы, воспоминания будто накладываются на картины современности. Мотив дороги является символом судьбы народа, утратившего родину, обреченного на вечные скитания и тоску по отчему дому, образ которого бережно храним в сердцах людей.

Kaunis on tervakukkien matto
ilta-auringon haikeassa valossa
näillä Kujalan kummuilla,
missä ennen lainehti ruis,
kaura ja ohra.

Красив цветочный ковер
В грустном свете вечернего солнца
на этих холмах Куюла,
где раньше колыхались
рожь, овес и ячмень.

²⁴⁵ В связи с тем, что художественный перевод данных стихотворений К. Корвела не опубликован, здесь и далее филологический (подстрочный) перевод выполнен автором исследования, приводятся также оригинальные. Korvela K. Juuret // Jos linnulta siivet saisin : inkeriläisten runoja kadotetusta kotimaasta. Petroskoin yliopiston kustantamo, 2000. s. 178.

Ihana polku korkeassa heinikossa
laskee notkelmaan,
kapuaa mäenrinnettä ylös
ja taas alanteeseen.
Salaperäinen arvaamaton polku
kuin tämän tienoon kohtalo,
minne se vie?
Talolta talolle
joita enää ei ole.

Прекрасные тропинки на высоких
лужайках
спускались в низины,
поднимались вверх на склоны гор
и обратно в низину.
Таинственная неожиданная
тропинка
как судьба этого края,
куда она ведет?
Из дома в дом,
которых больше нет²⁴⁶.

В стихотворении «Никому не принадлежащая (ничья) земля» («Ei kenenkään maa») речь идет о поруганной, погубленной родине, оставленной детьми, лишенной заботы человеческих рук. Мотив сиротства земли соединен с трагедией потери отца, сиротства детей и народа в целом.

Isäni kuoli siperiassa
missä niin moni
isiensä maasta irti raastettu
on saanut nimettömän hautansa.

Мой отец умер в Сибири,
где так много людей,
оторванных от земли отцов,
получили свои безымянные
могилы²⁴⁷.

Тойво Флинк, поэт, переводчик, очеркист, исследователь, в очерке «Мы еще живы», посвященном судьбе ингерманландского народа, писал: «Между тем есть не проблема, есть трагедия народа, лишенного у себя в стране родины, языка, возможности развивать культуру, рассказывать о своей истории и, по сути, находящегося на грани катастрофы»²⁴⁸.

²⁴⁶ Korvela K. Isien maa// Jos linnulta siivet saisin : inkeriläisten runoja kadotetusta kotimaasta. Petroskoin yliopiston kustantamo, 2000. s. 184.

²⁴⁷ Korvela K. Ei kenenkään maa // Jos linnulta siivet saisin : inkeriläisten runoja kadotetusta kotimaasta. Petroskoin yliopiston kustantamo, 2000. s. 189.

²⁴⁸ Флинк Т. Мы еще живы : ингерманландские финны // Север. 1990. № 2. С. 129-132.

Таким образом, в рассмотренных произведениях поэтов, писателей, исследователей присутствуют компоненты мотива блудного сына (разрыв связи между поколениями, утрата отчего дома, чувство вины, стремление обрести родину) в контексте темы трагической судьбы народа, сиротства земли, невольного совершенного предательства.

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВА «БЛУДНОГО СЫНА» В ФИННОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-КАРЕЛОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

3.1. Трансформация мотива «блудного сына» в повествовании Н. Яккола «Водораздел»

Важным событием в истории литературы Карелии является публикация первых художественных произведений писателей-карелов Н. Яккола (1905 – 1967), А. Тимонена (1915 – 1990), П. Пертту (1917 – 1992), Я. Ругоева (1918 – 1993), А. Степанова (1920 – 1988), Н. Лайне (1920 – 1984). Выходцы из северных деревень Карелии (ныне входящих в Калевальский район), родины выдающихся рунопевцев, писатели восприняли традиции песенного края, воплотили в своих книгах поэтическую красоту северной природы и творчества певцов-сказителей. С образованием Карельской Трудовой Коммуны в 1920 году, а затем Автономной Карельской республики в 1923 году, финский язык получил статус официального в Карелии. В местах компактного проживания карелов финский язык стал основным в школьном образовании, карельский – средством бытового общения. Писатели-карелы создавали произведения на финском языке. В связи с тем, что объектом художественного исследования являлась история и культура карельского народа, карельский язык присутствовал на страницах произведений в речи героев, в отдельных фрагментах художественного текста. В послевоенные годы финноязычная проза Карелии развивалась в рамках метода социалистического реализма. Писатели поднимали в произведениях наиболее важные вопросы, касающиеся испытаний и трудностей, выпавших на долю народа.

Николай Матвеевич Яккола (1905 – 1967) является основоположником эпического жанра в литературе послевоенных лет. Писатель родился в Финляндии, семье крестьянина-карела, но уже в 1912 году переехал в

деревню Каменноозеро Кемского уезда Архангельской губернии, нынешнего Калевальского района Республики Карелия. В пятнадцатилетнем возрасте по командировке Вокнаволоцкого волисполкома он окончил финские учительские курсы в Петрозаводске, после чего работал учителем в деревне Толлорека. Н. Яккола стал членом литературного кружка в Ухте (современный пос. Калевала), редактором рукописного журнала «Nuori gaataja» («Молодой труженик»). В 1923 году опубликовал ряд очерков в газете «Karjalan kommiuni» («Карельская коммуна») и продолжил свое обучение в Коммунистическом университете национальных меньшинств Северо-Запада. Писатель работал в Учительском институте в Петрозаводске, прошел трудный путь участника Советско-финляндской и Великой Отечественной войн. Сложное военное время и годы в плену в Финляндии, судьбы карельских партизан описаны в повести «Iira» «Ира» (1947) и книге воспоминаний, опубликованной под названием «Верность» (1979).

Повествование Н. Яккола «Водораздел» является художественным исследованием истории и культуры карельского народа. В текст произведения органично вписаны фольклорные элементы, этнографические детали, а также исторические документы, свидетельствующие о жизни Карелии от истоков до современности. Автором представлены традиции канонического христианства, народного православия и элементы языческой обрядовой культуры в повседневной и праздничной жизни карелов. «Водораздел» состоит из четырех частей, первоначально отдельно опубликованных в периодической печати под названиями «Pirttijärven rantamilla: Osa 1» («На берегах Пирттиярви») (1949), «Pirttijärven rantamilla: Osa 2» («Водораздел») (1957), «Ristiaallokossa» («На перекрестных волнах») (1963) и «Selville vesille» («На ясные воды») (1968). Н. Яккола стремился к исторически точному изображению жизни карельского народа от истоков до 1930-х годов, начала социалистического строительства. В повествовании представлен большой пласт культуры, связанный с крестьянским бытом, обрядами, праздниками, поверьями, трудовой жизнью. Основное требование,

которое писатель предъявлял себе при работе над произведением, – предельно точное изображение жизни народа, следование исторической правде. В ходе написания книги автор посвятил много времени изучению исторических, этнографических работ, а также исследований, посвященных фольклору Карелии и Финляндии. Будучи выходцем из народа, живущего на земле знаменитых рунопевцев (Онтрей Малинен, Мария Михеева, Мария Ремшу, Архип Перттунен, Михаил Перттунен и др.), он сам был носителем фольклора. Н. Яккола воспроизвел в тексте повествования «Водораздел» национальные обряды, праздники с такой полнотой, какая не встречается в записях специалистов. В произведении представлены пословицы, поговорки, описания народных игр, заговоров, а также легенды, сказки, историческая быль, предание о заселении края.

Автор определил жанр произведения как «повествование», с одной стороны, тяготеющее к эпическому типу народного сказания, с другой – к роману-хронике. В отличие от жанра романа, где в центре оказывается судьба человека, главный герой повествования «Водораздел» – народ, носитель фольклора и особой этнической культуры. По мнению М. Ф. Пахомовой, произведение «ближе всего стоит к жанру русского исторического романа-эпопеи, хотя специфические задачи и национальная традиция, идущая от «Калевалы» настолько видоизменяют этот жанр, что такое прямое соотнесение выглядит условно»²⁴⁹.

В первой части произведения дана широкая картина быта и нравов жителей патриархальной деревни Пирттиярви. Размеренное течение времени, близкое по своей сути к фольклорно-мифологической цикличности, изредка прерывается событиями, на которых автор заостряет внимание. Во второй части действие переносится за пределы глухой карельской деревни. Читатель знакомится с героями, принадлежащими различным социальным слоям, политическим течениям: большевики, устанавливающие советскую власть в

²⁴⁹ Очерк истории советской литературы Карелии / отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1969. С. 279.

Кеми (Донов, Лонин, Соболев), финские революционеры (Харьюла, Руусканен); контрреволюционное подпольное движение при поддержке английского правительства; националистически настроенные финны, привлечшие для подавления революции генерала Маннергейма. Третья и четвертая книги посвящены событиям, изменившим жизнь городов и глухих северных деревень Карелии – установлению Советской власти, началу Гражданской войны и интервенции.

Образ северной карельской деревни Пирттиярви, как полагает Т. И. Старшова, навеян картинами родной деревни писателя Кивиярви (Каменноозеро) современного Калевальского района²⁵⁰. На сходство Кивиярви и художественного образа указывает также двоюродный брат писателя М. Пирхонен, живший в соседних домах с семьей Н. Яккола²⁵¹. В статье «Родина героев Николая Яккола» М. Пирхонен рассказывает о родной деревне и ее жителях, проводит множественные параллели с повествованием «Водораздел»²⁵². Таким образом, есть основания утверждать, что историко-этнографический материал представлен в произведении не только на основе документов и хроник, но является художественным анализом действительности, знакомой автору с детских лет. В истории жителей одной деревни отражена судьба карельского народа в целом.

В повествовании представлен синкретизм народных представлений и верований, сочетающий традиции ортодоксального христианства, народного православия и элементы языческой обрядовой культуры в повседневности и праздниках карелов, что создает особый контекст для исследования рецепции христианского мотива блудного сына в произведении. Население края до революции было в большинстве своем неграмотным, многие не знали русского языка, потому неудивительно осмысление христианских законов в системе народных этнических традиций. Мотив блудного сына отражен в

²⁵⁰ Старшова Т. И. Н. М. Яккола пишет «Водораздел» // Север. 1977. № 5. С. 124.

²⁵¹ Пирхонен М. Родина героев Николая Яккола: К 80-летию писателя // Север. 1985. № 4. С. 103.

²⁵² Там же. С. 102-111.

судьбах героев повествования, а также персонажей фольклорных текстов, включенных в текст произведения в качестве вставных элементов.

Данный мотив трансформирован в предании о заселении северного лесного края, деревни Пирттиярви, рассказанном старейшей жительницей селения Маврой. М. Пирхонен утверждает, что прототипом героини была жительница деревни Кивиярви Мавра Марттинен (Онтрова Мавра)²⁵³. Двоюродные братья, будучи детьми, с большим интересом слушали рассказанные М. Марттинен бывальщины и сказки. Со слов сказительницы русские и финские исследователи записали большое количество фольклорных текстов. В повествовании «Водораздел» Мавра Кондратова – одна из самых старых жительниц Пирттиярви. Она следит за соблюдением христианских обычаев в семье, сама живет в строгости телесной и душевной, молится о благополучии семьи, о здравии детей и взрослых. Мавра придерживается староверия, но при этом ее часто просят совершить языческий по происхождению обряд, прочитать заговор, вылечить от недуга. Именно из уст Мавры, искусной сказительницы, звучит предание об основании деревни.

В данном фольклорном тексте контаминированы мотивы о похищении женщины, борьбы с внешним врагом и основании поселения женщиной. Заметим, что писатель бережно относился к фольклорным текстам, описаниям обрядов, этнографическим сведениям. Он записывал произведения народного творчества из первых уст, либо проводил кропотливую работу по изучению того или иного явления жизни карельских крестьян, сверяясь с данными трудов по истории, фольклору и этнографии Карелии и Финляндии. Н. Яккола стремился к достоверности повествования, строгому историзму детального изображения жизни народа. Таким образом, есть основания полагать, что предание о заселении края является не столько литературной трансформацией, сколько воспроизведением фольклорного текста и отражает

²⁵³ Пирхонен М. Указ. соч.

стремление писателя сохранить и передать народное творчество карелов. По своей сути предание, изложенное в повествовании Н. Яккола, уникально. Нами были изучены доступные опубликованные тексты карельских преданий, а также материалы, находящиеся в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН и Научного архива КарНЦ РАН. Среди записей, сделанных в Кивиярви и соседних деревнях современного Калевальского района, нами не было обнаружено ни одного предания о заселении и освоении края.

Предание повествует о беспокойных временах, когда «враги из-за рубежа» совершали частые набеги, сжигали деревни и похищали жителей. Таким образом покинула родные места Татьяна, красавица карелка, которая прожила во дворце шведского короля семь лет. Правитель был внимателен к девушке, заботлив и ласков, но Татьяна тосковала по родным краям, «просторным водам и привольным ягодникам своей Карелии»²⁵⁴. Однажды ночью король пришел к Татьяне, она была с ним мила и ласкова. Когда король заснул, девушка заколола его, достав спрятанный на груди нож. Забрав троих сыновей, рожденных от короля, Татьяна убежала из дворца. Долго шли они по дремучим лесам, пока, не добрались до озера Пирттиярви, где и остались жить.

С точки зрения мотивного анализа, данный текст весьма необычен, поскольку, во-первых, содержит мотив похищения женщины, редкий для жанра предания в целом. Во-вторых, среди преданий карельского фольклора и близкого ему географически севернорусского народного творчества мотив основания селения женщиной встречается нечасто. Мотив похищения женщины В. Я. Пропп склонен считать одним из основных в волшебных сказках²⁵⁵. Система персонажей предания, однако, не соответствует традиционной в данном случае фольклорной схеме «похититель – женщина –

²⁵⁴ Яккола Н. М. Водораздел / пер. с фин. Т. К. Сумманен. Петрозаводск : Карелия, 1985. С. 11. Далее цитируем по этому изданию, указывая номер страницы в скобках.

²⁵⁵ Пропп В.Я. Указ. соч. С. 99-100.

освободитель». Поскольку героиня сама одерживает победу над врагом, отсутствует третье звено цепи и, следовательно, мотив поиска.

Враг-похититель при этом охарактеризован с точки зрения этнической и социально-исторической принадлежности (шведский король). Предание не устанавливает определенные хронологические рамки, что трудно сделать и с позиций истории: частые набеги шведов на территорию Карелии продолжались в период с XII по XVII век. В данном случае, в соответствии с классификацией такого типа персонажей от зооморфных до реальных, предложенной Н. А. Криничной, герой предания соответствует последней стадии реального врага, что «типично для сравнительно поздних преданий как порождений конкретно-исторического мышления»²⁵⁶.

В мифах о похищении женщины героиня чаще всего была божественного происхождения и обладала каким-либо выдающимся качеством. В соответствии с фольклорным канонем, Татьяне, прародительнице также были свойственны особые черты: героизм, смелость, хитрость (в значении обладания особым знанием), любовь к родным местам. Само предание говорит о красоте Татьяны, что, по словам А. С. Лызловой, является главным «параметром, играющим определенную роль при характеристике героини и оказывающимся предпосылкой ее похищения»²⁵⁷. В предании, в силу краткости и жанровых особенностей текста, не представлены подробно причины возвращения Татьяны на родину. Очевидно, что обладающая особенными качествами героиня не могла примириться с фактом насилия. Королевский дворец не является для нее желанным местом жительства: как и подобает национальной героине, она любит родные края, тоскует об Отечестве, поэтому возвращается домой. В древности главным фактором, разделяющим людей на «своих» и «чужих», была не национальность, а вера. Героиня – носительница православного имени, шведы – католики, возвращение Татьяны домой связано с четким разграничением

²⁵⁶ Криничная Н. А. Указ. соч. С. 156.

²⁵⁷ Лызлова А. С. Похищение женщины в русской волшебной сказке: к семантике фольклорной коллизии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.09. Петрозаводск, 2011. С. 15.

пространства на «свое» и «чужое». Путь из враждебного шведского царства в родные просторы Карелии лежит через переходное пространство дремучего леса. Преодолев его, то есть, перейдя границу (Кивиярви, родная деревня Н. Яккола, также располагается недалеко от границы с Финляндией), Татьяна с тремя сыновьями остается жить на берегу озера, основав селение.

С точки зрения рассказчика-христианина, в сознании которого переплетаются фольклорно-мифологическое и христианское видение мира, возвращение героини предания с детьми домой, на родную землю – это возвращение блудного чада. Компонентам мотива блудного сына соответствуют уход из дома, разделение пространства на «свое» и «чужое», тоска по родине, возвращение в родные края. В предании нет указания на замужество Татьяны, следовательно, в соответствии с христианским канонem, героиня была вынуждена в течение долгих лет жить в грехе. В отличие героя евангельской притчи, Татьяна покидала родные края не по своей воле. Тем не менее, Церковь связывает историю о блудном сыне с судьбой плененного израильского народа, насильно изгнанного с родной земли²⁵⁸, что может служить фактором, допускающим в данном случае проведение аналогии.

В повествовании представлен также текст народного предания²⁵⁹ о Туйю-Матти, приходившего каждую весну из-за границы в Пирттиярви работать пастухом. Туйю-Матти мечтал жениться на дочери Омелиэ Васкелайнена, красавице Сантре. Девушке же понравился другой парень, один из беглых, скрывавшихся в окрестностях Пирттиярви. Туйю-Матти, получив отказ от Сантры, решил отомстить и сообщил властям, что в окрестностях Пирттиярви скрывается много беглых. Пришедший в деревню становой со стражниками остановились в избе Васкелайнена, там же в подполье заточили пойманных беглых людей, среди которых был и полюбившийся Сантре Иван. Сантра освободила узников (С. 21), бежала с

²⁵⁸ См. глава 1, параграф 1.1.

²⁵⁹ Жанр данного рассказа в изложении известной сказительницы М. А. Ремшу обозначен как сказка. См.: Карельский фольклор. Новые записи / под ред. В. Я. Проппа. Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1949.

возлюбленным, не получив благословления отца. Туйю-Матти был утоплен беглыми и жителями деревни, за что многие понесли наказание – арест и ссылку.

Необходимо учитывать, что браки «уводом» были достаточно распространены среди карелов, однако в данном случае отец открыто выразил свое недовольство выбором дочери и потребовал исполнения своей воли: «У твоего Ивана ни кола ни двора. Пропадешь ты с ним. Нет, не отдам я тебя за него. Лучше выходи за Туйю-Матти, – заявил Омелиэ Васкелайнен. Ивана он даже за порог не пустил» (С. 20).

Таким образом, мотив блудного сына реализуется в компонентах своеволия, совершенного греха («Сантра была отчаянная девушка. Не побоялась она греха, пустила ночью тайком Ивана в свою горенку». С. 21), ухода из отчего дома. Мотив значительно редуцирован, кроме того, меняется причина ухода – девушка покидает родную землю вслед за возлюбленным.

Мотив блудного сына отражен в судьбах героев художественного повествования. Мавра, вспоминая былые времена, сетует, что сыновья покидают родителей, отделяются, желая обрести свободу и собственное благополучие, братья делят имущество, не ладят между собой. Опустел дом самой Мавры, родившей шестнадцать сыновей, одиннадцать которых «Господь прибрал» (С. 13), четверо, «что птицы, разлетелись в разные стороны, свои гнезда понастроили». Как и в притче о блудном сыне, один из сыновей, Поавила «остался в отчем доме, чтобы мать родную на старости лет кормить, на кладбище проводить да земле предать...» (С. 13).

Многие жители деревни занимались коробейничеством: «Удивительным явлением было коробейничество, широко распространенное в свое время среди северных карел. На цыганский этот промысел карел толкали те условия, в которых они жили. ... Если то, что даст скудная земля, не сгубят заморозки, так заберут на подати земские власти. Карел – кору ел. Ухтинские крестьяне издавна занимались коробейничеством, наложившим своеобразную печать на уклад их жизни. Всю зиму они скитались с

тяжелым коробом за плечами в дальних краях – в Финляндии и под Петербургом, а на лето, подобно перелетным птицам, возвращались домой» (С. 40). Каждую осень, после праздника Богородицы, проходили сотни крестьян из других деревень, к ним всегда присоединялся кто-то из жителей Пирттиярви.

Хекка-Хуотари – один из героев, который также занимается коробейничеством. Он покидает родной дом с целью заработка, увеличения материального благосостояния, но, оторвавшись от дома, ощущает собственную свободу. Находясь вдалеке от своей семьи, Хекка-Хуотари совершает грех прелюбодеяния. Вернувшись домой, он узнает о неведомой в деревне болезни своего сына, Олексея.

Мать Олексея, Паро, ищет помощи: соответствии с синкретическим характером ее верований, она обращается к христианскому Богу и совершает «народные» обрядовые действия, направленные на исцеление больного. Женщина просит о помощи у Мавры, обладающей даром излечения, знавшей заговоры и рецепты особых снадобий. «Народные» средства не помогают, поскольку болезнь Олексея не вызвана ни человеком, ни одной из природных стихий, на которые направлены действия знахарки, в связи с этим недуг мальчика объясняют наказанием за грехи его родителей и предков:

– Приди поглядеть на ребенка, избавь от недуга, – умоляла она.

– Ох ты, грешница, почему родила сына шелудивым, упрекнула Мавра жену Хеки-Хуотари. Много раз она читала свои заклинания, мазала ноги и руки Олексея жиром, взятым с медвежьего сердца, терла змеиной кожей, обтирала росой, собранной с растущей в тени под кладбищенскими елями травы, носила ребенка в баню и парила ольховым веником, но болячки Олексея не заживали (С. 28).

Поскольку заговоры и заклинания не помогали, Мавра решила:

– Нет, не от холода лютого, не от пламени жаркого, не от змеиного укуса и не от руки человеческой эта хворь. Из-за какого-то греха тяжкого, из-

за дела несправедного бог послал ее в ваш дом. Бог послал, бог один от нее избавить сможет (С. 28).

Паро не понимала, в чем заключался страшный грех, навлекший на ее семью несчастье: «Жили они, как все крещеные живут, хлеб в поте лица своего добывали, все посты соблюдали, каждое воскресенье ходили молиться в часовню, нищему всегда кусок хлеба подавали» (С. 28). Олексий не поправился, и мать, видя, как мучается сын, не имеющий друзей, всеми гонимый, чужой, молит Бога о том, чтобы он «поскорее прибрал к себе Олексея». Жизнь мальчика обрывается страшно – он покончил с собой, чего ранее никогда не происходило в деревне. Самоубийство было чуждо сознанию крестьян, принимавших жизнь со всеми ее бедами и трудностями, как была чужда им и сама болезнь Олексея. «Неподалеку от березы был могильный холмик, осевший вровень с землей. Около него стояла на коленях жена Хекки-Хуотари и молилась так, словно выпрашивала у кого-то прощение. В могиле лежал сухорукий Олексей. Прошлой осенью Олексей случайно услышал, как его отец спьяна рассказывал Крикку-Карппе какую-то таинственную историю, которая приключилась с ним в бытность его коробейником. Крикку-Карппа стал что-то говорить о руках Олексея и обвинять в его болезни Хекку-Хуотари. Услышав все это, темной осенней ночью Олексей исчез из дома. Через неделю его нашли у берега залива между камнями. Даже самые старые жители деревни не могли припомнить случая, чтобы в Пирттиярви кто-то покончил с собой, да еще в такие молодые годы, как Олексей. Но и после смерти Олексею суждено было унижение: его, как наложившего на себя руки, похоронили не на кладбище, а в стороне от других могил, на краю его. Даже креста не поставили, просто воткнули кол, к которому привязали лоскуток от старой рубахи» (С. 121). Совершив тяжкий грех самоубийства, Олексий является блудным сыном по отношению к Отцу Небесному.

Таким образом, мотив блудного сына отражен в судьбе отца Олексея, Хекки-Хуотари: герой покидает отчий дом, как и в притче, уходит в «страну

далече», оторвавшись от своей семьи, ощущает чувство свободы, совершает грех распутства, спустя некоторое время, возвращается в свое Отечество. Однако Хекка-Хуотари не испытывает раскаяния за содеянное, вследствие чего не получает прощения. Его сын заболевает и умирает, что в соответствии с народными представлениями, является карой за совершенные грехи.

Наиболее наглядно мотив блудного сына заявлен в рассказе о судьбе Евкениэ. На примере ее семьи автор показывает сложные противоречия, которые в предреволюционный период характеризовали все социальные институты, не исключая семью (что было представлено также на материале анализа рассказа Х. Тихля «Бродяжка»). В произведении Н. Яккола речь идет о разрыве внутрисемейных связей, об уходе дочери из родного дома.

Евкениэ – простая девушка, жительница карельской деревни Пиргтиярви. Она не обладает притягательностью и способностью очаровать, остановить на себя взгляд, привлечь. В терминах карельской традиционной культуры у Евкениэ не достаточно высокое лемби. По словам исследовательницы карельского фольклора Л. И. Ивановой, лемби – это сложное понятие, «включающее в себя и честь, и обаяние, и домовитость, и счастье, и добрую славу, и удачу, и внешнюю привлекательность, то, что в наши дни подразумевают под словами «харизма» и «сексапильность»²⁶⁰. Краевед, этнограф, писатель Н. Ф. Лесков отмечал, что лемби «до сих пор означает какую-то непонятную таинственную силу всякой целомудренной, честной девушки, при помощи которой она и будучи бедна, некрасива от природы, может понравиться любому парню»²⁶¹. Евкениэ – хорошо сложенная девушка, но не пригожая лицом, на котором остались следы от оспы. Евкениэ шел двадцать шестой год, мать, тревожась за дочь, просит помощи у Мавры, знахарки, старшей жительницы деревни. Мавра

²⁶⁰ Иванова Л. И. Народные представления и обряды, связанные с лемби // Иванова Л. И., Миронова В. П. *Kuldazet kukkizet da kaunehet kanazet*. Магия поднятия лемби и свадьба в карельской народной культуре. Juminkeko, 2014. С. 18.

²⁶¹ Цит по: Иванова Л. И. Народные представления и обряды... С. 15-16.

соглашается «попарить» Евкениэ в бане и совершает обряд поднятия лемби. Подготовка и совершение обряда детально описаны автором повествования, что доказывает прекрасное знание писателем народных традиций и стремление отразить жизненную правду, описать национальные традиции и народные верования. Отметим, что детальные описания явлений или определенных предметов на фоне масштабного эпического полотна, вбирающего в себя множество событий, героев, охватывающего большой период времени, сходны с гомеровским приемом ретардации повествования²⁶².

На следующий день после проведения обряда на игрищах к Евкениэ впервые подошел молодой человек, вручивший ей платок как знак своего расположения. Проходя обряд поднятия лемби, Евкениэ представляла сына Хекки-Хуотари Ховатту. Девушка мечтала об ответной симпатии Ховатты, но на игрищах Евкениэ выбрал сын Юрки Нихвоева Онтто. Евкениэ, несмотря на чувство влюбленности к другому молодому человеку, не раздумывая, принимает платок от Онтто, поскольку верит, что посватавшийся после проведения обряда молодой человек предназначен ей судьбой. Отказываясь от своего чувства, Евкениэ стремится исполнить свое предназначение жены и матери.

Однако отец Евкениэ, Хилиппа, отказывает сватам, исходя из причин социального характера: семья Юрки Нихвоева была огромна и жила очень бедно. Гордость Хилиппы не позволила ему выдать свою дочь, невесту с приданным, за Онтто и признать его достойным Евкениэ, даже если других женихов в их доме не будет. Получив отказ, сваты проклинали Евкениэ, пиная скамьи и предметы в избе, что считалось непозволительным в доме, где живет незамужняя девушка (действие понижало лемби). Из своей горенки Евкениэ слышит слова сватов:

²⁶² Описанный Н. Яккола обряд поднятия лемби подробно проанализирован нами в статье: Колоколова О. А. Христианская традиция и народные верования в повествовании Н. М. Яккола «Водораздел» // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 17-22.

Да сидеть тебе век сиднем
на родительской на лавке,
чтоб скамья насквозь прогнила,
чтоб последняя собака
на тебя не посмотрела (С. 80).

Евкениэ осмеливается на побег. Она нарушает нормы традиционного поведения: выходит замуж, не только не получив родительского благословления, но проклинаясь отцом. В христианских категориях родительского благословления, греха, судьбы и предназначения прочитывается мотив блудного сына, трансформированный в мотив блудной дочери. Девушка стремится к высшей цели создания семьи, материнства, готова принять посланного судьбой спутника. Л. И. Иванова пишет о важности замужества для девушки с точки зрения народных представлений, в подтверждение своих рассуждений приводит некоторые народные изречения: «Замужество для девушки было необходимо: «Ei tyttyö miehel menemättömeä eigo puudu linnun istumattomua» – «Нет девушки, не вышедшей замуж, нет и дерева, на котором птица не сидит». Или: «Ei tyttyö miehel menemättömeä eigo vlgiedu hebuo val'l'asamattomua» – «Нет девушки, не вышедшей замуж, нет и незапряженного белого коня». Карелы говорят: «Paha on paritta elyä? Pari se on linnulaki» – «Плохо жить без пары, пара и у птицы есть»²⁶³.

Обратимся к христианской традиции. В тексте Священного Писания и трудах Святых Отцов и учителей Церкви браку, равно как и житию в девстве, отводится большое значение: «Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. XIX: 4 – 6).

²⁶³ Иванова Л. И. Народные представления и обряды... С.18.

Святой Иоанн Златоуст, подчеркивает значение жития в девстве, монашестве, тем не менее не отрицает брака и описывает его роль в жизни христианина: «Творческая Премудрость Божия с самого начала разделила одного на два... И кто еще не соединился узами брака, тот не составляет целого, а половину»²⁶⁴.

Евкениэ стремится исполнить свое женское предназначение и желает испытать счастье замужества. Однако, конфликт между отцом и дочерью неразрешим: для Хилиппы главным фактором является социальное положение, материальная обеспеченность.

По прошествии нескольких лет муж Евкениэ погибает и девушка, оставшись с маленьким сыном в тяжелые годы войны, возвращается в отчий дом с надеждой на прощение и заступничество. Однако Хилиппа, отец Евкениэ, не принимает дочь: «—А я что, кормить должен всяких нищих да их выродков? — орал Хилиппа.

— Что ты говоришь? — ужаснулась Оксениэ. — Бог услышит и...

Но Хилиппа был вне себя от гнева и думать не желал ни о каких последствиях жестокости» (С. 362).

В судьбе Евкениэ отчетливо звучит мотив блудной дочери, но конфликт между отцом и дочерью не разрешим. Спасение, которое она чаяла обрести в отчем доме, невозможно. Сердцу отца чуждо смягчение, прощение, милосердие по отношению к страдающей Евкениэ, а тем более какое-либо родственное отношение к рожденному без его благословения внуку. Хилиппа живет по закону талиона. В библейской притче этот закон исполнен самой судьбой — предавший отца сын скитается в нищете, голоде и унижении. В повествовании Н. Яккола Евкениэ наказана трижды — смертью мужа, бедственностью своего положения и жестокостью отца. У Хилиппы нет христианского чувства сострадания и милости к ближнему. С его точки зрения, несчастье Евкениэ — наказание за грех: он не дает дочери права на

²⁶⁴ Цит. по: Григорьевский М. Учение Святителя Иоанна Златоуста о браке. М. : Локид-Пресс и Патмос, 2007. С. 116.

выбор, на исполнение своего предназначения. Таким образом, посредством христианских категорий милосердия и сострадания создается образ героя, соблюдающего христианский закон формально, но не способного на искренне сопереживание и милость.

Судьба карельского народа тесно связана с русским языком и русской культурной традицией, также и карельская литература неотделима от русской литературной традиции. Самобытные национальные образы переплетаются в ней с мировыми архетипическими темами, сюжетами и символами. Изучение произведений развивающейся литературы, история которой насчитывает несколько десятилетий, – непростая задача для исследователя. А. С. Спиридонова пишет о некой «презумции непонимания», явлении, возникающем при исследовании национальной литературы «извне», при взгляде «со стороны»²⁶⁵.

Предполагаем, один из подходов к исследованию произведений национальной литературы, стоящей еще у истоков своего развития, кроется в сравнительном анализе с мировой, в данном случае русской, литературной традицией, с сложившимся тематическим, образным, сюжетным рядом, художественными категориями и поэтическими приемами. Данный подход поможет, с одной стороны, выделить родственные связи молодой национальной литературы с питающей ее мировой литературой и, с другой стороны, увидеть оригинальные, национальные компоненты, особенности художественного стиля и образности карельских писателей. Укажем некоторые интертекстуальные связи повествования Н. Яккола и повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» на основе мотива «блудного сына» («блудной дочери»). Рассматривая отдельные компоненты, мы обнаруживаем их присутствие в обоих произведениях, где один и тот же мотив по-разному преломляется на сюжетном уровне.

²⁶⁵ Спиридонова И. А. Вепская литература: проблемы становления // История литературы Карелии. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2000. Т.3. С. 392.

Героини данных произведений – девушки, покинувшие отеческий дом и ушедшие за возлюбленными, мотив «блудного чада» трансформируется в мотив «блудной дочери». Обе героини – воспитаны в обычных жизненных обстоятельствах. Заметим, что герой карельской литературы в целом – обычный человек, переживающий жизненные тяготы, живущий трудом, семейными заботами, исполняющий свое предназначение и далекий от мировых свершений. В именах Евдокия и Евкениэ (Евгения) содержится греческий корень εὖ (благо, добро). Имя Евдокия переводится с греческого как «благоволение», а Евгения – «благородная».

Отметим, что первоначально в замысле повести у А.С. Пушкина у станционного зрителя был сын, но впоследствии автор создает образ Дуни²⁶⁶. Т.Г. Мальчукова в исследовании, посвященном интерпретации притчи о блудном сыне в творчестве А.С. Пушкина, анализируя образ Дуни, отмечает, что писатель не останавливается на описании подробностей ее лица или фигуры, а скорее указывает на особое влияние, которое она имела и на женщин, и на мужчин. Красавицу Дуню, умеющую завлечь разговором, приготовить и подать кушанье, уладить ссору, содержать в порядке и опрятности жилище, никто не мог обойти вниманием. Она пользовалась большим успехом у мужчин. Под этим понятием подразумевалась и внешняя, и внутренняя красота девушки, но более всего – ее притягательность, которой в избытке было у героини повести А.С. Пушкина и недоставало Евкениэ.

Дуняша в повести А.С. Пушкина покидает отца, соглашается на побег, повинувшись чувству влюбленности и симпатии к молодому гусару, который, притворяясь больным, несколько дней провел на станции, Евкениэ же стремится исполнить высокое предназначение жены и матери.

Оба отца невольно подталкивают дочерей к уходу, «виной» тому – милосердие, любовь и доверие к дочери у Самсона Вырина и жестокость,

²⁶⁶ Подробный анализ мотива «блудного сына» и образа Дуни в повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» см.: Мальчукова Т. Г. Указ. соч.

нежелание понять, отсутствие жалости к Евкениэ у Хилиппы. В обоих произведениях добровольный уход из отчего дома совершается втайне, в отличие от сюжета евангельской притчи. Отчасти это объясняется причинами социального характера, поскольку дочь может покинуть родительский дом, только получив благословление, и причиной тому чаще всего является замужество. Это объясняет побег Дуни, поскольку ее положение противоречит социальным и христианским нормам поведения – она живет в качестве содержанки Минского, не являясь законной женой. При этом Онтто берет Евкениэ в законные жены, а Хилиппа, препятствуя браку дочери, поступает вразрез с народными карельскими представлениями о браке и христианской традицией.

Конфликт между отцом и дочерью в повествовании «Водораздел», как уже было отмечено выше, неразрешим. Для Хилиппы главным фактором является социальное положение, материальная обеспеченность, Евкениэ же стремится к законному браку. Во многом по этой причине Евкениэ, в отличие от Дуни, не чувствует раскаяния, возвращаясь домой после смерти мужа. Дуня же раскаивается, сожалеет о том, что оставила отца и долгое время не возобновляет с ним отношения. В отчий дом ее тоже приводит смерть, но смерть любящего отца, готового простить и принять дочь, не перенесшего разлуки и собственной вины.

Повествование Н. Яккола представляет читателю широкую картину народной жизни, полотно исторических событий. Судьба Евкениэ – одна из множества нитей, составляющих единое целое повествования. Оба произведения воспроизводят вечный сюжет евангельской притчи, актуальный в мировой литературе с античных времен до современности. Мотив «блудного сына» в повести А. С. Пушкина и повествовании Н. Яккола состоит из сходных компонентов: добровольный уход дочери из дома за своим возлюбленным, жизнь вдали от отчего дома, возвращение / «отсутствие возможности вернуться» (смерть отца Дуни и отказ простить дочь Хилиппы). Однако на сюжетном уровне мотив реализуется по-разному

в произведениях, в связи с чем по-иному расставлены и нравственный акценты. История Дуни – это драма любящего отца, покинутого дочерью, вслед за своим сердцем сбежавшей с возлюбленным, повесть о милосердии, мирном житии, христианской любви, заблуждении и страсти молодого сердца, грехе и прощении, возвращении и раскаянии. А. С. Пушкин поднимает вечные нравственно-религиозные проблемы, наполняя их христианским содержанием.

Н. Яккола, будучи советским писателем, не отказывается от христианского контекста, поскольку изображаемую им от самых истоков карельскую деревню населяют верующие люди, православные христиане. История Евкениэ на основе архетипических образов блудного сына, в контексте национальной культуры, поднимает проблемы предназначения, женской судьбы, милосердия, гнева, следования букве закона и истинного умения простить и понять ближнего.

Таким образом, мотив «блудного сына» трансформируется в произведении Н. Яккола в мотив «блудной дочери», при этом сохраняются структурные элементы мотива, составляющие единое смысловое пространство: отец, блудное чадо, ситуация конфликта, мотив выбора, своеволия, ухода, доли / предназначения, возвращения, смирения, прощения. Звучит тема женской судьбы, предназначения, по-иному раскрывается роль отца в семье карелов. «Вечная» тема подвергается переосмыслению в сознании автора, возникает новая модель сюжета, ориентированная на этническую, культурную составляющие и вопросы искренности веры и поиска своей судьбы. Авторская позиция проявляется в искреннем сочувствии к Евкениэ. Бог в ее сердце един, и к нему она обращается и посредством молитвы, и совершения обрядов.

3.2. Судьба героя в свете библейского мотива «блудного сына» в романах А. Н. Тимонена «Мы карелы» и «Мирья»

Антти Николаевич Тимонен (1915 – 1990) – известный писатель Карелии, уроженец Калевальского района. Начало литературной деятельности А. Тимонена относится к 1930-м годам. Основной темой творчества писателя, при всей многогранности его дарования, является любовь к родине, земле, отчему дому. Писатель поднимает антивоенную тему, освещает вопросы борьбы за мир, стремления к родной земле. А. Н. Тимонен не только правдиво отражает факты описываемого времени, но делает попытку определить причины случившегося. Историческое мышление, свойственное писателю, помогает раскрытию социальных явлений.

В дилогию «Mirja» («Мирья») вошли две книги: «Pieni valkosiipi» («Белокрылая птица») (1961), «Olen kotona» («Здесь мой дом») (1966). В произведении представлено социально-художественное исторических событий. Время круто меняет жизнь героев дилогии, переносит их в разные страны, привязывает к противоположным берегам двух рек с одним названием – Кемь. Жителям деревень по обе стороны границы не нужен переводчик, они и так понимают друг друга: «По водоразделу между двумя реками Кемь проходит граница двух миров, двух укладов, двух образов жизни...»²⁶⁷ («Белокрылая птица», С. 20).

В дилогии раскрывается трудная судьба карельской девушки Мирки, которая потерялась во время войны и попала в Финляндию. В июне 1941 года, когда русские отступали, бомба попала в машину, в которой эвакуировались жители деревни. Мать осталась лежать на дороге с убитыми, а девочку подобрала проходившие мимо финские солдаты. Она попала в

²⁶⁷ Тимонен А. Н. Мирья / пер. Т. Сумманена. Петрозаводск : «Карелия», 1969. Далее цитируем по этому изданию с указанием названия романа дилогии и номера страницы в скобках.

лагерь военнопленных, где Мирку увидела госпожа Халонен, не имевшая своих детей. Импи Халонен решила удочерить ребенка, но муж был не согласен с этим решением. Трехлетнюю Мирку пришлось отдать в бедную финскую семью, в которой недавно умер маленький сын. Алина, мать семейства, с удовольствием взяла девочку, ее муж Матикайнен был против войны: он занимался земледелием и больше всего хотел жить мирной жизнью, возделывая землю. Мирья, так произносили теперь ее имя, выросла в финской семье, но знала, что ее родина в другом мире. Часто в мечтах она представляла свою мать, родную Карелию.

Мирья становится блудной дочерью в силу исторических катаклизмов. Мир, как и в евангельской притче, разделен на «свое» и «чужое» пространство. В силу того, что в «чужом» пространстве есть люди, исповедующие христианские нормы поведения, девочка из блудного чада становится любимой дочерью для семьи Матикайнен и госпожи Халонен. Чувство тоски по дому, невольная вина перед родной матерью все же накладывает отпечаток на ее судьбу. Героиня является и блудной дочерью, и любимым ребенком. Возвращение домой оказалось сложным. Выясняется, что «чужой» мир стал для нее «своим», а «свой» долгое время оставался «чужим».

В Финляндии у нее были приемные родители, любимый человек, хорошая подруга, работа в обществе «Финляндия – СССР». Девушка жила в доме госпожи Халонен, посвятившей свою жизнь делу мира и дружбы: «Началось это в годы войны. Толчком послужила встреча с крохотной синеглазой девочкой, которую она увидела в неотапленном и грязном бараке концлагеря. Госпожа Халонен ужаснулась тому, что увидела в лагере, жизнь пленных потрясла ее. Она никогда не могла простить мужу, что он запретил ей взять ребенка» («Белокрылая птица», С. 99).

Когда девушка узнала, что мать жива (в городе случайно остановились туристы, в числе которых была подруга матери Мирьи), она приняла решение вернуться в Карелию. Мирью терзали сомнения: жаль было

оставлять дорогие ей места, приемных родителей, друга детства Нийло, который любил ее. Узнав мать, похожую на образ из сновидений, она бросилась в ее объятия: «Низкая бревенчатая избушка на лесопунке. Детская кроватка, из-за из сетки которой за каждым шагом матери следили большие голубые глаза... Какая она тогда была маленькая, какая удивительно тихая. Никогда не плакала. Почему же она теперь – взрослая – так безудержно плачет в объятиях матери?» («Белокрылая птица», С. 232). Мирью провожали с сожалением о том, что когда-то разлучили с родиной и матерью, лишили отца, но теперь возвращают такой, какой сумели вырастить. «Война многих матерей лишила детей. У многих детей отняла мать, но у Мирьи – две матери» («Белокрылая птица», С. 240). Для простой финской труженицы Алины она всегда была хорошей дочерью, и отец Маттти немало видел невзгод в своей жизни, он научил Мирью любить далекую родину. Пройдя через большие сомнения, через горечь испытаний и потерь, она выбрала дорогу домой, родную мать, отчий дом и родную землю.

Мирья, попав в другой мир, пытается несмотря ни на что понять и принять его. Для нее наступает сложное время одиночества. «У жизни свои строгие законы. И даже когда мы идем своей дорогой, не думая о них и ни признавая их, все равно они властвуют над нами. Их действия проявляются то в успехе, который сопутствует нам, то в жестких ударах судьбы, которые мы испытываем, – все зависит от того, какую дорогу мы выбираем» («Здесь мой дом», С. 247). Мирья выбрала новую свободную дорогу, возможность учиться, но не могла привыкнуть к родной матери, которую не знала двадцать лет. Мать много работала и очень мало говорила с ней, была осторожна в расспросах, а девушка привыкла быть нужной, общаться свободно и ощущать ласку от приемных родителей. Она часто вспоминала Финляндию и оставленный дом, а здесь молодежь поселка не доверяла ей. «Мирья невольно сравнивала все, что видела и к чему ей надо было привыкать, с тем, что было там в Финляндии» («Здесь мой дом», С. 249). Девушка хочет прямого честного разговора о проблемах, значимых для нее,

но часто ее не понимают, избегают в общении. Когда ей наносят обиду, несправедливо поддержав клевету, Мирья замыкается в себе и решает уехать обратно. Она сообщает о своем решении в Финляндию, в поселке тоже узнают об этом, но никто не осуждает ее. Мирья располагает свободой принятия решения, свободой выбора, свободой воли. Мать рассказала девушке о деревне, в которую каждую весну прилетали лебеди, о своей любви к отцу Мирьи, об их трудной, но светлой жизни, о том, что деревню сожгли во время войны с финнами, а отец убит под Масельгской. Этот разговор стал поворотной точкой в судьбе девушки: она поняла, насколько сильно любили ее родные отец и мать, какой трагедией для матери была утрата дочери, сколько пережила родная страна, земля ее предков. Мирья остается на родине – в этом поступке заключается ее осознанный выбор. «Моя родина – земля, где жил мой отец и живет мать, здесь мой дом» («Здесь мой дом», С. 542).

В произведении показаны взаимоотношения поколений, поведенческий выбор героев подсказан личными убеждениями. Мать, потерявшая дочь, ждет ее всю жизнь, любит, скучает, понимает и обретает ее, а дочь, которая волею судьбы теряет мать, возвращается к ней. По мнению Э. А. Радь, «выбором пути определяется или снимается острота конфликта поколений. В ситуации выбора человек, принимая решение, реализует себя как самобытная личность, индивидуальность»²⁶⁸. В данном случае свобода выбора, предоставленная чаду, как и в евангельской притче, приводит к воссоединению семьи, осознанию своего места и предназначения. Героиня осознает ответственностью за свое будущее и жизнь любящих ее людей, обретает огромную силу воли и понимание жизненного пути. Ее любовь к родной земле, отзывчивость к чужим невздам, беззащитность в новой для нее среде, острое желание понять действительность сформировали новое собственное мировоззрение, соединившее прошлое, настоящее и будущее в одно целое.

²⁶⁸Радь Э. А. Модификации мотива блудного сына... С. 65.

Роман «Мы карелы» (1969 – на фин. яз; 1971 – пер. Т. Сумманена) А. Н. Тимонена – одно из самых известных произведений в литературе Карелии, за которое автору в 1971 году была присуждена Государственная премия Карелии.

Не утверждая сознательного привлечения текста евангельской притчи к сюжету романа А. Тимонена, считаем возможным проанализировать образ «блудного сына» на уровне архетипа. В воспоминаниях А. Н. Тимонен пишет о том, что он был хорошо знаком с текстами Священного Писания²⁶⁹. Автор описывал быт карельского народа, носителя христианской культуры (православие в Карелии было принято еще в XIII веке²⁷⁰). В связи с этим, в творчестве писателя библейская тема имеет особое значение: включение в художественное полотно романа христианских образов, символов, героев, живущих по законам христианской морали.

Советские писатели, независимо от языка создания произведений, не могли не учитывать контекст русской литературы, выросшей на почве христианской культуры. Связи романа А. Тимонена «Мы карелы» с такими произведениями, как «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» М. Шолохова очевидны. Отсылка к данным текстам позволяет утверждать, что в романе мотив «блудного сына» также функционирует на уровне архетипа (образа, символа и сюжета).

В произведении описывается эпоха Первой мировой войны, революции 1917 года и Гражданской войны. Ю. И. Дюжев в монографии, посвященной исследованию жизни и творчества А. Н. Тимонена отмечает: «Роман «Мы Карелы» привлек внимание органичностью, непринужденностью авторского повествования, за которым был слышен голос человека из народа, точностью и детальностью изображения социально-психологической сложности и

²⁶⁹ Иванов Вс. Щедрость: Очерк жизни и творчества Антти Тимонена. Петрозаводск : Карелия, 1986. С. 42.

²⁷⁰ Чистович И. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих Санкт-Петербургской губернии. СПб. : Тип. Якова Трея, 1856.

пестроты жизни карельского народа, бытовых картин и подробностей, правдивым раскрытием человеческих судеб»²⁷¹.

Главный герой произведения – Васселей, житель деревни Тахкониemi, многие семьи которой живут и воспитывают детей в христианской вере. Религиозны мать и жена Васселея, творящие ежедневную молитву о заступничестве за их сына и мужа. Но вера Маланиэ, матери героя, – особая, близкая народным представлениям характер ее «взаимоотношений» с Богом типичен для женщины, измученной нуждой, бытом. На иконах она видит изображение «домашнего бога», которым «командует точно так же, как своими невестками, ворчит на него, как на любого из членов семьи, если что-то не так, благодарит его, если в доме все хорошо...»²⁷². Трагедия не только этой женщины, но и всего народа, – в ощущении того, что «бог совсем не всемогущий, он скорее беспомощный» (С. 176). Чувство богооставленности, потеря веры – трагедия всего XX века. «Люди, где бог?» – спрашивает отец, глядя на своего убитого предателем Мийтреем сына (С. 45).

Человеком этого времени овладевает состояние отчужденности, потери жизненных ориентиров. Не случайно одним из главных мотивов в романе становится мотив пути и поиска. Именно он и открывает повествование: мать перевозит в лодке сына через озеро, где их внезапно настигает буря, предвестница беды, бесповоротно изменившей их жизнь. Озеро, которое покрывает «медленная зыбь, словно память о прошедших бурях или предвестие новых ненастий», ассоциируется с рекой жизни, образ которой возник еще в античной философии Гераклита и значим для мировой культуры в целом. В данном случае мотив зеркально отражен в судьбе Васселея. Самые тяжелые и горькие годы его жизни связаны со скитаниями вдали от отчего дома.

²⁷¹ Дюжев Ю. И. Народный писатель Карелии Антти Тимонен : очерк жизни и творчества Петрозаводск : Северное сияние, 2014. С 434.

²⁷² Тимонен А. Мы карелы. М. : «Советский писатель», 1974. С. 176. Далее цитируем по этому изданию, указывая в скобках номер страницы.

В евангельской притче, покидая отца, сын не только совершает грех предательства, но и нарушает заповедь «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 20:12). Мытарства Васселея начинаются с совершенного им страшного греха – не отступничества от отца, но убийства невинного человека (отомстил за смерть брата, убил по ошибке не причастного к преступлению человека). С этого момента начнется одиссея героя – вечный путь возвращения: во время своих скитаний он постоянно стремится домой. Потеря отчего дома сопровождается и потерей веры. Но, в отличие от новозаветного героя, у Васселея изначально определены главные ценности: дом и семья.

Его судьба связана со странствиями, скитаниями. Мир насильно разделен на два лагеря: свои и чужие, и герой постоянно находится в ситуации выбора. Однако Васселей делает выбор не в пользу партии или национальной принадлежности, для него важны другие ценности – родной дом, семья, крестьянский труд. Даже во время битвы у Васселея нет ненависти к врагам, он размышляет о том, что у тех, кто поневоле оказался его противником в бое, тоже есть мать, невеста, родной дом, где их ждут. Герой, испытывая христианское чувство сострадания, крестится над убитыми солдатами.

Размышляя о грехе убийства, о совершенных им на войне поступках, о подвиге и предательстве, Васселей предается воспоминаниям о прошлой мирной жизни, раскаивается и сожалеет о тех днях, когда обидел жену, был жесток к ней. Хотя, по мнению критиков²⁷³, характер Васселея не достигает необходимой глубины раскрытия, отметим, что в романе звучит мотив очищения души. Памятование своего жизненного пути помогает осознать грехи, проанализировать свои поступки, с духовной силой и трезвостью сердечной посмотреть на совершенные дела, свои мысли и чувства.

²⁷³ Иванов Вс. Щедрость: Очерк жизни и творчества Антти Тимонена. Петрозаводск: Карелия, 1986; Карху Э.Г. В краю «Калевалы». М.: «Современник», 1974.

Таким образом, в романе представлена трагичность потока времени, скоротечность и изменчивость земной жизни человека, необратимая, разрушающая сила рока. Вряд ли можно говорить о преображении души героя, столь истерзанного и измученного, но, несомненно, память, как свидетельство о прошлом, позволяет оценить ему свой жизненный путь и способствует его стремлению к покаянию и перемене.

Страстно желающий вернуться домой Васселей, как и другие герои (и предатель Мийтрей, и Кириля, и Сашка, и другие солдаты, и Кайса-Мария), мечтает о достатке, мирной жизни на родной стороне. Описание пира, устроенного отцом по возвращении сына, который «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15:31-32), имеющее особое значение в притче, по-иному показано в произведении. «Чего только у них не будет, когда Васселей вернется домой, а Пекка станет большим! <...> А она, Анни, только и будет, что из избы в амбар бегать, своих мужиков кормить», – мечтает жена Васселя (С. 10). Но произошло все далеко не так, как мечталось женщине. Напомним, что в честь возвращения блудного сына отец закалывает тельца.

В святоотеческой традиции заклание тельца трактуется как искупительная жертва Господа Иисуса Христа. «Кто есть упитанный «телец», закалаемый и едомый, это не трудно понять. Он есть, без сомнения, истинный Сын Божий. Поскольку Он Человек и принял на Себя плоть, по природе неразумную и скотоподобную, хотя и наполнил ее собственными совершенствами, поэтому назван Тельцом. Телец Сей не испытал ярма закона греховного, но есть Телец «откормленный», поскольку определен на сие Таинство прежде создания мира»²⁷⁴.

В романе мотив заколотого тельца также связан с невинной жертвой. Несколько раз встречается в романе описание коровы или теленка как символ надежды той или иной обедневшей семьи (первая часть Главы III носит название «Как ветрами телку унесло...»). Но с убиения солдатами коровы

²⁷⁴ Феофилакт Болгарский. Толкование на Лк. 15 [Электронный ресурс] / Электрон. дан. URL: <http://feofilakt.ru/свободный>. Яз. рус. (дата обращения 09.04.2013)

Онтиппы и Маланиэ начинаются горести и опустение родного дома: умирают родители, покидают Карелию их невестки с детьми. Этот же мотив появляется при описании дома Кирили, товарища Васселея, жизнь которого также наполнена горестями и испытаниями. Предметом раздора хозяина с непрошенными гостями, солдатами, стал телок, единственная надежда на выживание и пропитание голодающей семьи. Кирилю, не позволившего заколоть и забрать теленка, солдаты уводят из дому, и он вынужден скитаться вдали от дома, чтобы сохранить свою жизнь. За стенкой же умирает от голода безвинный младенец, вторая дочь Кирили. Это стало последней каплей для Васселея. Измученный разлукой с домом и семьей, истерзанный чувством вины перед своим народом, отказавшись от оружия, он возвращается домой, опустив оружие, и погибает от руки предателя Мийтрея. Смерть настигает его на родной земле: «Васселей остановился. На мгновение замер, словно раздумывая, упасть ему или нет, потом медленно-медленно стал опускаться, словно выбирая место, куда удобней лечь.

–Примешь ли меня, земля карельская?

Облачком взметнулся сухой снег, неслышно осыпаясь на тело Васселея» (С. 457).

Таким образом, конфликт между Васселеем, для которого главные ценности – семья и дом, и сторонниками социальной, политической борьбы, трагически разрешается смертью героя. Мотив «блудного сына» реализуется через христианские образы и символы в романе, сюжетные параллели с евангельской притчей, что позволяет судить о значимости мотива в произведении. Совершив убийство невинного человека, Васселей покидает отчий дом, скитается на чужбине, раскаивается и возвращается на родину.

3.3. Мотив «блудного сына» в серии романов О. Степанова «Родичи»

Артем Михайлович Степанов (Ортье Степанов) (1920 – 1988) родился на севере Карелии в небольшой деревне Хайколя. Впервые начал

публиковаться в 1940-е годы, в 1960-х приступил к созданию серии романов «Родичи», в которую вошли шесть произведений: «Naapalahden arkea» («Будни Хаапалахти») (1969), «Sakun Jaakko, rahvaanmies» («Яакко Саку / Яакко Ремшуев») (1973), «Kuuma kesä» «Жаркое лето» (1979), «Lesket» («Вдовы / Вдовья доля») (1983), «Prokon Maksima» («Максим Проккоев / Максима, сын Прокко») (1986) и «Käki kukkui jäihin» («Кукушка кукует / куковала к холодам») (1989). Автор описывает события, которые происходили на севере Карелии в 1920-е – 1950-е годы. Это время характеризуется глобальными историческими переменами. Драматизм времени, отражение событий на отдельных судьбах героев, выбор ими нового пути, острые конфликты поколений – основные темы эпопеи. Основной акцент делается на трудностях коллективизации в карельской деревне. В эпопее представлено множество персонажей, но особенно ярко показаны характеры жителей деревни Хайколя. Прототипами героев являются реальные люди, родственники, знакомые, соседи автора, многие имена, события, характеры соответствуют реальности. Эпопея является документально-художественным повествованием, критерии анализа художественного текста не всегда применимы к данным романам. Тем не менее, серия романов О. Степанова является первым опытом такого рода в литературе писателей-карелов, в связи с чем заслуживает подробного рассмотрения и анализа.

При анализе мотива блудного сына мы не следуем повествовательной канве серии романов, а выделяем из цикла произведений ряд образов, на примере которых можно продемонстрировать функционирование мотива. Художественному стилю О. Степанова свойственна фрагментарность, отсутствие глубоко разработанных образов. Стремясь включить в произведение максимальное количество персонажей, создать коллективный портрет жителей родной деревни, он дает довольно скупые характеристики каждому из героев.

В романах поднимаются нравственные проблемы времени, описываются события, которые меняют жизнь людей. Герои О. Степанова трудно адаптируются к новым обстоятельствам жизни. Крестьяне не готовы к потере земли, хозяйств, налаженного быта. Многие уезжают, покидают родные места, кто-то с сожалением, а иные с надеждой на хорошие перемены. «То, что члены большого рода Хирсолы разбрелись по свету, Онтто считал проистекавшим либо от придури самих потомков, либо от козней злого духа. И все-таки в душе старика жила твердая вера в то, что разбежавшиеся домочадцы Хирсолы когда-нибудь образумятся и вернутся домой, под родной кров»²⁷⁵ («Яакко Ремшуев», С. 361).

Основатель села Онтто является героем сильным, верным родной земле, настоящим хозяином, который все держит в своих руках. Его жесткий, порой жестокий характер сформировался под влиянием жизненных обстоятельств. За неуплаченные налоги Онтто лишают дома, хозяин хутора живет в бане. Он вспоминает те времена, когда его семья жила очень справно: «Дом был полной чашей, а закрома до краев набиты зерном» («Яакко Ремшуев», С. 361). Затем все изменилось, старик сожалеет о прошлом: «В погоне за наживой мужики начали подаваться кто в Финляндию, кто в Швецию, кто в Норвегию, а кто даже в Америку» («Яакко Ремшуев», С. 362). Некоторым коробейникам везло и удавалось открыть свой магазин. Десятки крестьян из карельских деревень пробовали заниматься коммерческой деятельностью, уходили из родных мест. Онтто также, поддавшись общему настроению, отпустил на поиски счастья своего сына Петри. «А ведь у Петри были задатки настоящего хозяина... Такие дела мог проворачивать, что иные бывалые бородатые мужики только диву давались, – виноватил себя Онтто. – Оплошал он тогда, не надо было отпускать сына». («Яакко Ремшуев», С. 362). Сын уехал в Швецию, задержался там дольше срока, а когда все-таки вернулся, его уже не интересовали крестьянские

²⁷⁵ Романы «Яакко Ремшуев», «Жаркое лето» и «Вдовья доля» цитируются по изданию: Степанов О. Родичи. Петрозаводск : «Карелия», 1980. В скобках указывается название романа и номер страницы.

заботы. Так где-то и сгинул, не может старик дождаться от него весточки. Перед смертью старик желает «разделаться» с Петри, испытывает злобу и в то же время глубокое сожаление. С Богом у деда свои отношения: он всю жизнь молился и был уверен, что грешит для благого дела, для семьи, детей, единства хозяйства. В то же время он боится Божьего гнева за то, что отравил невестку, так не хотел когда-то делить хозяйство. Умирал хозяин хутора один, терзаемый горечью и обидой, от сознания того, что все покинули его в самые трудные времена. Всех, кто ушел из Хирсолы, старик проклинал, считая, что не стоили их мечты, жизни без родной деревни, удивлялся, как они до сих пор живы без своего хозяйства. Прощался с жизнью дед в старой бане, не желая примириться с распадом традиций, новыми жизненными обстоятельствами. Перед смертью старый хозяин чувствует настоящий ужас, вспоминает все свои прегрешения. Он слышит дрожащий голос умирающей невестки: «Отец небесный, великие грехи лежат на совести хозяина Хирсолы». Онто снится, «что сидит- то он на горе, рядом с деревней Хаапалахти. А он-то и не знал раньше, что их родная деревня, стоит на том месте, где небо с землей сходится. И вот теперь-то он, Онто Хирсоланиеми, мог бы взойти на самую вершину горы и оттуда шагнуть прямо на небо». Но не был уверен старик, что можно простить такие страшные его грехи. В данном сюжете прослеживаются мотивы отцов и детей, ухода, странствия, возвращения. Старик и прощает, и ненавидит сына, внутренние конфликты не позволяют ему понять Петри и примириться с ним.

Формирование героев эпопеи как граждан новой страны является сложным процессом, с одной стороны, их не отпускает тоска по родине, покинутой ими, по прошлому, по потерянному быту, традициям, устоям, с другой – они стремятся к новому. Герои не сразу находят свое место в жизни. Интересна судьба Кости, внука Онто. Он был предан родной земле, беспрекословно принимал все выходки своего деда, его жадность, жесткость, беспричинную злобу, непонимание близких, неумение прощать безобидные проступки. «Для Кости отчий дом был святая святых, и он не позволял

бранить Хирсолу никому». («Будни Хаапалахти», С. 30). Никогда не хвалил старик внука, отбирал все деньги, заработанные им в лесу. Костя знал, что дом и хозяйство достанутся младшему брату, поэтому решил уехать из родных мест в поисках лучшей доли: так Костя попал на лесопункт в Авнепорог и прожил там до войны. Оттуда ушел на фронт, где служил проводником для разведчиков, потому что хорошо знал пограничную местность.

Важно отметить, что и здесь образ отчего дома является устойчивым, сюжетообразующим: на войне Костя решил, что если уцелеет, приедет на родину и поклонится до земли могиле своего деда Онтто. «Он серьезно подумывал о возвращении в родное село. Уж больно тосковал по родным местам» («Жаркое лето», С. 467). Приближаясь к родному Хаапалахти, он заплакал от волнения. И хотя на новом месте он уже вспахал землю и срубил дом, здесь вдруг окончательно понял, что вернулся домой. Однако в родном доме, где прошло его детство, располагалось теперь правление. Это место покинул дух семейного тепла и уюта, о прошлом напоминали только широкие лавки вдоль стен. Костя сожалел и раскаивался, о том, что не проводил деда Онтто и не был на похоронах. Придя на могилу, Костя кланяется, раскаивается, понимает деда и прощает его. Жизнь меняется, и для данного героя многое остается в прошлом, как и родная деревня, которую он после прощания с ней покидает, она остается «памятью сердца».

Мотив блудного сына в данном случае трансформирован, сделан акцент на его отдельных элементах. Герой уходит в силу сложившихся обстоятельств. Домом для героя становится не только семья, но и Отечество, поэтому, защищая страну на полях сражений, он защищает и свою большую великую Родину, и свою малую, почти никому не известную деревню. Со временем чувство по родной земле усиливается. Герой возвращается, чтобы поклониться могиле деда, прощает и принимает его.

Исследуемый мотив блудного сына представлен также в сюжетной линии учительницы финского языка Марппы. После окончания техникума

она попросилась в родное село учительствовать и очень скоро раскаялась в этом. Девушка оказалась в психологически сложной ситуации. Сельчане не уважали молодую учительницу, многие помнили ее как деревенскую девчонку. Кроме того, на Марппу оказали влияние проблемы семейного и социального порядка. Зablуждения отца, страх за брата, женившегося на девушке из семьи кулака, заставили ее уехать из деревни. «Все было бы по другому, кабы я, дура, сюда не вернулась», – с горечью досадовала молодая учительница. («Якко Ремшуев», С. 294). Двадцать лет она не была в родной деревне Хаапалахти. Мужа Марппы убили на фронте, сын умер, последние годы она жила одна. Узнав случайно, что ее мать жива, собрала вещи и поехала в родные места «Ты для меня, как Иван-царевич, что нашел в дремучем лесу сироту, и помог ей найти дорогу домой», – говорит она односельчанину Оссиппе, который проводил ее до деревни²⁷⁶ («Кукушка кукует к холодам», С. 223). Мартта, так ее зовут теперь, чувствует свою вину перед матерью, которая считала ее умершей. Спустя много лет героиня снова нашла свое место в жизни, почувствовав себя нужной, она вернулась домой. Конфликт поколений, уход из дома, скитание, раскаяние, возвращение характеризуют поведение героини и указывают на присутствие мотива блудного сына.

Сходным образом складывается судьба Елены, правнучки Онтто. В сюжете остро заявлена борьба старого и нового, семейный конфликт осложняется социальными обстоятельствами. Кратко представим историю героини. Ей хотелось новой жизни, но старик не пускал девушку к комсомольцам, закрывал в подполье. «Дома она должна быть послушной, во всем подчиняться прадеду и в деревню ходить украдкой («Будни Хаапалахти», С. 106). Когда дед нашел комсомольский билет, хотел избить Елену, девушка ушла из дома, решив никогда больше не возвращаться. Она поступила в педагогическое училище и очень ждала весточки из дома. Ей

²⁷⁶ Степанов О. Кукушка кукует к холодам. Петрозаводск : «Северное сияние», 2010. Далее цитируем данное издание с указанием названия романа и номера страниц в скобках.

писали, что дед очень тяжело пережил ее уход: «Три дня старик не слезал с лежанки, все стонал да охал, и строго-настрого запретил произносить ее имя» («Будни Хаапалахти», С. 118). Девушка, уйдя из дома, получила специальность, вышла замуж, родила ребенка, но, к несчастью, рано овдовела. Перед началом войны на ее пути встретился человек, которого она полюбила. Как бы ни складывалась жизнь Елены, она всегда тосковала по дому, скучала по матери, по младшей сестре. Молодую женщину не покидало чувство вины перед ними, родной деревней.

Младшая сестра Елены, Кейса также убегает из дома. В данном случае на социальный конфликт накладывается любовный. «Деревенские радители за чистоту нравов обругали ее самыми последними словами. Чистую и светлую любовь хаапахтинские бабы и старухи облили грязью и прокляли как несмываемый грех и позор» («Якко Ремшуев», С. 373).

Во время войны Кейса попала на Урал, там узнала о смерти мужа. Единственное, что согревало девушку – воспоминания о родной земле: «В ту страшную зиму я вспомнила всех родных, близких и знакомых» («Вдовья доля», С. 179). Кейса с нежностью вспоминает места своего детства: хутор Хирсолу, пляж, где она любила купаться в солнечные дни. «Война и всякие невзгоды разбросали народ Хаапалахти по всему миру. О многих никто и не знает, живы ли они» («Кукушка кукует к холодам», С. 51). Кейса вернулась в Хаапалахти, но с горечью думала о том, что нет уже в живых ни дяди Кости, ни отца, Елена также пропала без вести – почти никого не осталось из их большого рода. В произведении показан очень сильный характер героини, ее верность родной земле, умение бороться за справедливость, выстраивать собственную жизнь. Скитания, тоска по дому, осознание своей вины, умение прощать, возвращение на родину – компоненты мотива блудного сына.

Во времена тяжелых идеологических требований, жесткого культа личности, герои по-разному реагируют на изменение жизненных условий. В связи с этими переменами остро поднимаются морально-этические вопросы в обществе: проблемы долга, верности семье и Родине, предательства,

прощения и взаимопонимания близких людей. В 1926 году Саку-Яакко был отправлен в Ухту на строительство электростанции. От недлительной связи с бухгалтершей кассы взаимопомощи Улло у него появился сын Тармо. Яакко узнает о сыне случайно и, когда Уллу арестовывают как врага народа, он решает взять мальчика. Однако Яакко не успевает это сделать, потому что начинаются массовые аресты, он по доносу также попадает в тюрьму: «Культ и Яакко – это, как говорят философы, факт и следствие. От этого никуда не уйдешь и не убежишь». («Кукушка кукует к холодам», С. 56). Жена Яакко не могла примириться с тем, что у мужа родился внебрачный сын: «Я от горестей тогда чуть не рехнулась. Ну да со временем стала в себя приходиться» («Жаркое лето», С. 464). Яакко считали хорошим человеком: справедливым, хозяйственным, добрым: «Настоящий человек из народа. Когда он председателем колхоза был, то уж в конторе не засиживался. Первым был на поле ли, на сенокосе и никогда не бросал дело, не закончив» («Кукушка кукует к холодам», С. 57). Когда Яакко уже не стало, его вдове Окку пришлось написать письмо, в котором говорилось, что рожденный вне брака сын Яакко воспитывается в детском доме. Письмо попало к их старшему сыну Юхо: «Странно, что у отца есть где-то сын. Юхо старался представить себе как бы поступил на его месте отец». («Жаркое лето», С. 464). Мать и сын взяли мальчика из детского дома и воспитали, как родного.

Однажды в Хаапалахти приехала из Норильска Улло – мать Тармо, узнав, что Тармо жив и поддерживает связь с Окку. Во время войны Тармо оказался в Швеции и остался там. Мать очень надеялась увидеть сына. Она понимала, как нравственно, великодушно и всепрощающе поступила простая крестьянка из Хаапалахти, вырастив ее ребенка, полюбив его, как родного, даря ему тепло и заботу. О. Степанов через совершившего грех отца Яакко, показывает прощение и благородство старшего сына, великодушие и умение прощать его жены Окку, укрепление единства и взаимной любви в семье. Через конфликт отцы - дети осуществляется связь веков, определяются взаимоотношения поколений, в которых выбор пути, личной свободы

определяется сознанием героев. Яакко раскаивается в своем грехопадении, его старший сын Юхо понимает и прощает отца, жена находит в себе силы принять ребенка от чужой женщины, разрешив тем самым ситуацию выбора в христианской норме поведения, в укреплении единства семьи.

Остановимся еще на одном герое эпопеи О. Степанова. Долгие годы Максима ждет возвращения сына Тимо, который работает в Кепском лесопункте, обеспечивая семью. Он часто вспоминает, как вернулся домой после шести лет отсутствия, так как «участвовал в трех войнах – финской, немецкой, японской». Истосковался тогда Тимо по родной деревне: «Дом, Хаапахти, Карелия. Эти слова были для Тимо самыми дорогими все эти годы» («Вдовья доля», С. 185). Подходя к дому, Тимо почувствовал запах бани, зашел туда, снял шинель и начал хозяйничать – настолько соскучился по родному духу, по пьянящим банным запахам, по домашнему теплу. Там и нашел его Максима, повел сына к родному порогу, к матери.

После войны Тимо устроился жить и работать вдали от дома. Развел большое хозяйство, «у него моторка и два мотоцикла. Теперь собирается себе машину купить». («Кукушка кукует к холодам», С. 285). Отца и сына развел не семейный конфликт, а социальный. После войны в разоренной деревне трудно было обустроиться. Бывшие крестьяне уходили в леспромхозы, где платили хорошие по тем временам деньги. Уходя, они покидали не только своих родителей, но и свою землю: деревни пустели и постепенно погибали. Старшее поколение продолжало не только жить и работать на родной земле, но и надеялось на возвращение сынов и возрождение села. Так, Максима продолжает ждать сына домой, надеется, что он вернется в родное село. В последнем разговоре сын просит отца оставить дом и переехать к нему в Кепу. «Теперь, когда у вас и коровы нет, что вас тут держит-то?». «Не корова нас здесь держала», – гневается Максима. («Кукушка кукует к холодам», С. 290). Он не в силах передать любовь к родному дому, земле, теплему деревенскому быту.

Конфликт отцов и детей достаточно ярко показывает разницу отношений к родной земле, любви к дому, помогает «понять степень свободы и зависимости человека от социальной среды и, главное, определить вечные ценности человеческого бытия»²⁷⁷. Но в отношениях отца и сына происходят изменения, отец в глубине души принимает новую жизнь сына, его крепкое хозяйство, устроенное не в родной деревне. Он мечтает о возрождении Хаапалахти и не может покинуть дом, в котором вся его жизнь. Если прощение Господне всеобъемлюще²⁷⁸, то отец, глава семейства, не в силах даровать такую милость, его прощение не является столь полным. Старик принимает сына, но не смиряется, всей душой оставаясь верным родной деревне.

Подводя итог вышесказанному, констатируем, что в эпосе О. Степанова «Родичи» одним из важнейших является мотив блудного сына, отражающий характеристики библейской притчи как «универсальной мифологической модели взаимоотношений поколений с волеизъявлением, странствованием и страданиями в чужом мире сына, смирением и всепрощением отца»²⁷⁹. Причинами ухода из дома чаще всего являются конфликты поколений, желание свободы, перемены места, отсутствие взаимопонимания между близкими. Странствия же приводят героев к возвращению в родные места и покаянию. Проблема отцов и детей остается актуальна в контексте темы вечных ценностей, нравственных начал жизни.

²⁷⁷ Радь Э. А. Механизм порождения сюжетных модификаций (на примере сюжета о блудном сыне) // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 61.

²⁷⁸ См. глава 1, параграф 1.1.

²⁷⁹ Радь Э. А. Механизм порождения сюжетных модификаций... С. 63.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История о блудном сыне является одним из «вечных» сюжетов мировой культуры. Изучение притчи в литературоведении ведется в нескольких направлениях, совмещаются методы и подходы лингвистических, социокультурных, литературоведческих исследований. Рассматриваются особенности жанра притчи, а также характер ее трансформации в произведениях художественной литературы на уровне сюжета, мотива, архетипа. Ряд исследователей указывает на актуализацию сюжета о блудном сыне в переломные моменты истории, что отражается на жизни и мировоззрении писателей. В связи с этим, мотив блудного сына исследуется на материале биографического метатекста, эпистолярного, публицистического и художественного контекста. Исследователи допускают широкое понимание символического значения притчи о блудном сыне. Евангельский сюжет может быть точно воспроизведен в литературном тексте или же трансформирован на уровне отдельных элементов и образов притчи.

В художественных произведениях притча подвергается влиянию авторского сознания, творческой индивидуальности, а также социальным, культурным, историческим особенностям эпохи в целом. Следовательно, мотив подлежит постоянному изменению и модификации. Проследив особенности такой трансформации, мы имеем возможность проанализировать вариативность рецепции мотива блудного сына на материале произведений финноязычной литературы Карелии XX века.

В корпусе рассмотренных текстов было отмечено влияние индивидуального авторского начала на модификацию евангельского мотива, которая зависит от времени создания произведения и эпохи, описываемой в тексте. Помимо исторических реалий, на трансформацию изученного мотива влияет его проекция на национальную культуру и этническую историю. Установлено, что мотив блудного сына функционирует в произведениях в общем христианском контексте творчества писателя (новеллистика Х. Тихля)

или реализуется на архетипическом уровне в творчестве советских писателей.

В изучаемых произведениях отмечены следующие варианты основных образов: идентичный притче – отец – сын («Отец» Л. Хело и др.), замена того или иного образа – отец – дочь («Водораздел» Н. Яккола и др.), мать – сын («Ткачиха» Л. Хело), мать – дочь («Бродяжка» Х. Тихля). В качестве блудного чада может выступать ребенок («Бродяжка» Х. Тихля, «Госка Ондreja» Я. Виртанена). В лирике образ отца заменен обобщающим символом Отечества или равнозначного ему образа Матери-Земли, Родины-Матери. Одним из основных компонентов трансформации мотива блудного сына в произведениях писателей-ингерманландцев становится язык, потеря которого сопровождает разрыв с корнями, Отечеством. Возвращение блудного чада ассоциируется с обретением родного языка. Образ брата, который находится в противоположном лагере с главным героем, встречается в романе А. Тимонена «Мы карелы». Идеологические границы стираются, когда братья находятся дома: важнейшей ценностью становится семья, родители. Данный образ намечен также в ряде других произведений, где он не имеет принципиального сюжетобразующего значения. Пир, трапеза, праздничное застолье как символ воссоединения с семьей, радости от пребывания дома, описывается в романах А. Тимонена, О. Степанова. Особое значение в романе «Мы карелы» приобретает образ заколотого тельца, символизирующий гибель невинного ребенка и начало разрушения семьи главного героя.

Основываясь на исследованиях В. И. Габдуллиной²⁸⁰, Э. А. Радь²⁸¹, В. И. Тюпы²⁸² и др., нами составлена модель причинно-следственных связей

²⁸⁰ Габдуллина В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. 303 с.

²⁸¹ Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2014. 350 с.

²⁸² Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. С. 67-81; Тюпа В. И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. С. 166-178.

в поведенческом аспекте персонажей и трансформации мотива блудного сына в финноязычной литературе Карелии XX века²⁸³. Систематизируя причины ухода из дома и дальнейшего скитания героев, можно утверждать, что в эпоху серьезных исторических перемен большое значение имели объективные факторы, не зависящие от героев: революции, войны, классовые противоречия, коллективизация, создание леспромхозов, которые поглощали маленькие хутора и деревни, сиротство с младенчества, распад традиций, переезд в другую страну и др.²⁸⁴. Диапазон этих проблем достаточно высок, духовные блуждания героев, их заблуждения, страдания, грехопадение напрямую связаны с данными причинами. Кроме того, существенное значение имеют причины субъективные, конкретно зависящие от поведения, характера, мировоззрения героя. Среди этих причин особое место занимают конфликты с семьей, совершение греха, сиротство при живых родителях, желание свободы, лучшей жизни и др.

Э. А. Радь утверждает, что образ блудного сына многолик и может меняться в зависимости от понимания мира, социально-психологическое поведение героев меняется в зависимости от развития их индивидуальности²⁸⁵. В начале выбора, в поиске верного пути, герои проанализированных нами произведений подвержены внутренним конфликтам, замыкаются на личных переживаниях. Многие испытывают трудности адаптации в новом мире (Ондрей (Я. Виртанена «Тоска Ондрея»), Иван (Л. Хело «Грехопадение Ивана»), Мирья (А. Тимонен «Мирья»), почти все жители Хаапалахти (О. Степанов «Родичи»). Многие из них закаляются в скитаниях, но не теряют приверженности к земле, отчему дому.

Тоска по родине, по родителям, желание вернуться являются следствием скитания героев. В своих страданиях и мытарствах они «вырастают» до раскаяния, умения прощать, до возвращения к себе.

²⁸³ См. Приложение 1,2.

²⁸⁴ См. Приложение 1.

²⁸⁵ Радь Э. А. Механизм порождения сюжетных модификаций (на примере сюжета о блудном сыне) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 62.

Б. Ф. Егоров, В. А. Зарецкий²⁸⁶, рассматривая взаимодействие некоторых категорий сюжетологии, акцентируют внимание на том, что последовательность действий в произведении, художественно представленная через пространственно-временные и причинно-следственные отношения, являет собой систему образов, существует как архетип, переходя из одного в другое произведение. Во многих исследованных нами сюжетах достаточно полно отражена композиция притчи. Например, в романах О. Степанова «Родичи» внук Онтто Костя после длительных скитаний возвращается домой, испытывая сожаление и раскаяние, и на могиле деда осуществляет свою мечту поклониться ему в пояс, покаяться и самому простить все его грехи. Писателем показано подлинное духовное покаяние героя. В романе А. Тимонена «Мирья» присутствуют основные компоненты библейского сюжета – возвращение героини на родину, обретение матери, понимание и любовь в семье. В отдельных произведениях сюжет подвергается значительной трансформации. В стихотворении Л. Хело «Ткачиха» через образ матери, тоскующей по сыну, ждущей его, создающей свое полотно возвращения любимого сына домой, показывается возможность обратной дороги, так как его странствие тоже омрачено тоской по матери.

В некоторых сюжетных вариантах герой гибнет на войне, на чужбине. Например, Васселей (А. Тимонен «Мы карелы») после грехопадения, потери дома и веры, долгого скитания погибает от руки предателя на родной земле. Так заканчивается его вечный путь возвращения домой. Судьба героев рассказа Л. Хело «Отец» и стихотворения Я. Виртанена «Госка Ондreja» неизвестна, они исчезают в пограничном пространстве леса. Таким образом, герой погибает, остается на чужбине или на границе между «своим» или «чужим» пространством, но возвращение происходит в мыслях или памяти родных. Так гибнет в лагерях муж Окку Яакко Ремшуев (О. Степанов «Родичи»), но жена не знает этого и продолжает ждать его. Воспитавшие его ребенка от другой женщины, жена и старший сын Юхо проявили

²⁸⁶ Радь Э. А. Механизм порождения сюжетных модификаций ...С. 63.

благородство, всепрощение и верную, настоящую любовь к несчастному отцу и грешному мужу. Через много лет, получив реабилитацию посмертно, Яакко живет среди них, в их мыслях: даже свежее белье жена перестирывает и гладит ему всю жизнь.

Обобщая и анализируя вышеизложенное, необходимо отметить, в составленной нами модели трансформации мотива блудного сына финноязычной литературе Карелии XX века, основой является конфликт поколений, который выводит героев на распутье или желание осуществить выбор, при чем выбор делают и отцы, и дети²⁸⁷. Тем не менее, конфликтные ситуации могут быть остро выраженными в произведении, сглажены или полностью отсутствовать.

Отцы, проявляя собственную волю и силу, пытаются подавить желание свободы и волю детей (отец Евкениэ, отец Сантры (повествование Н. Яккола «Водораздел»), старик Онтто (серия романов О. Степанова «Родичи»), после чего начинается духовное блуждание детей и отсутствие взаимопонимания с родителями. Уход часто сопровождается грехопадением, мытарством и скитаниями героев (Хэту и ее мать (Х. Тихля «Бродяжка»), герои рассказа Л. Хело «Отец» и «Грехопадение Ивана», Васселей (А. Тимонен «Мы карелы»). Многие родители испытывают сожаление, одиночество, желание единства семьи и прощение своего чада, в редких случаях прощение не происходит (Куйсма (Л. Хело «Отец»), Хилиппа (Н. Яккола «Водораздел») или происходит прощение частичное, не всеобъемлющее (Онтто и его сын Петри (О. Степанов «Будни Хаапалахти»). В памяти тоскующих детей воспроизводятся образы дома, родной земли, матери, отца, родины. Представлены идиллические картины дома, пейзаж приближен к библейскому образу райского сада, образы родного края наполнены теплом и светом (лирические герои стихотворения Л. Хело «Ткачиха», поэзии К. Корвела, воспоминания Осиппы (О. Степанов «Кукушка кукует к холодам»). Образы тепла и уюта родного дома представляются героям в

²⁸⁷ См. Приложение 2.

деталей и визуализируются ими. Любовь к отчему дому, родителям и земле своих предков чаще всего является причиной возвращения на родину. В некоторых произведениях герой, как и блудный сын в евангельской притче, возвращается по причине постигшего его бедственного положения, ставшего стимулом к раскаянию и деятельному духовному покаянию. Женские образы представлены в контексте темы любви, исполнения своего предназначения и построения семьи (Татьяна, Евкениэ, Сантра (Н. Яккола «Водораздел»), Мирья (А. Тимонен «Мы карелы», Кейса (О. Степанов «Родичи»). В ряде сюжетов реализована модель взаимоотношения человека и Отца Небесного (Онтто (О. Степанов «Будни Хаапалаhti»), отец Сергей (Л. Хело «Грехопадение Ивана», мать Хэту (Х. Тихля «Бродяжка»))

Трансформация мотива «блудного сына» в рассмотренных текстах сопровождается рядом устойчивых образов и компонентов мотива: проблема смены эпох, духовная и реальная граница во времени, разделение пространства на «свое» и «чужое», образы леса как пограничного пространства, хранящего тайное знание о судьбах героев, образ дороги, отчего дома. Художественное пространство структурировано вокруг дороги, символа жизненного пути, испытаний, а также нравственного становления героев. В связи с этим, мотив скитания, поиска, нравственного выбора становится ведущим. Очевидна связь образа блудного сына с судьбой народа, трагедией потери родного языка, культуры, поиска своих корней. Мотив блудного сына является достаточно распространенным в финноязычной литературе XX века. Он во многом обусловлен социально-историческими причинами: социальные катаклизмы, исторические перемены, революции, Гражданская война, потеря корней, уход из отчего дома.

Проведенная работа не исчерпывает всего многообразия вопросов, связанных с исследованием функционирования евангельского мотива в финноязычной литературе Карелии XX века. Изучаемая проблема требует глубокого научного осмысления и дальнейшего рассмотрения с учетом расширения объекта и предмета исследования. Таким образом, перспективы

исследования включают анализ мотива блудного сына на материале литературы Карелии на русском, вепсском и карельском языках, а также в словесности финно-угорских народов Российской Федерации и за ее пределами. Кроме того, проведенное исследование выявило наличие других компонентов христианской традиции, функционирующих в произведениях финноязычных авторов Карелии XX века, что также является областью для дальнейшего изучения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литературные источники

1. Виртанен, Я. Э. Избранные стихи [Текст] / Я. Э. Виртанен. – Петрозаводск : «Карелия», 1972. – 127 с.
2. Гуттари, Т. Когда озеро цветет [Текст] : Рассказы и очерки / Т. Гуттари. – Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1964. – 112 с.
3. Гуттари, Т. Моя страна [Текст]: Стихи разных лет / Т. Гуттари. – Москва : Советский писатель, 1950. – 108 с.
4. Мутанен, П. Земля обетованная [Текст] / П. Мутанен // Север. – 1989. – № 5. – С. 92-97.
5. Пелля, П. Стихи [Текст] / П. Пелля // «К солнцу песни свои поднимаю...»: стихи // Север. – 1972. – № 12. – С. 15.
6. Пушкин, А. С. Станционный смотритель [Текст] / А. С. Пушкин // Полн. собр. соч. : в 19 т. – Москва : Воскресенье, 1994 – 1997. – Т. VIII. – С. 95-106.
7. Степанов, О. М. Вдовья доля [Текст] / О. М. Степанов. – Петрозаводск : Карелия, 1987. – 215 с.
8. Степанов, О. Кукушка кукует к холодам [Текст] / О. Степанов. – Петрозаводск : Северное сияние, 2010. – 296 с.
9. Степанов, О. М. Максима, сын Прокко [Текст] / О. М. Степанов. – Петрозаводск : Карелия, 1990. – 272 с.
10. Степанов, О. М. Родичи [Текст] / О. М. Степанов. – Петрозаводск : Карелия, 1980. – 624 с.
11. Тимонен, А. Мирья [Текст] / А. Тимонен. – Петрозаводск : «Карелия», 1975. – 542 с.
12. Тимонен, А. Н. Мы карелы [Текст] / А. Н. Тимонен. – Москва : Современник, 1987. – 464 с.

13. Тихля, Х. Избранное [Текст] / Х. Тихля. – Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1966. – 180 с.
14. Флинк, Т. Мы еще живы [Текст] : ингерманландские финны / Т. Флинк // Север. – 1990. – № 2. – С. 12-132.
15. Яккола, Н. М. Водораздел [Текст] / Н. М. Яккола. Петрозаводск : Карелия, 1985. – 614 с.
16. Helo, L. Kertomuksia. Kuvauksia / L. Helo / koonnut Jaakko Rugoev. – Petroskoi: Karjalan Kirjankustantamo, 1962. – 227 s.
17. Helo, L. Kutoja / L. Helo // Soihtu. – 1928. – № 5. – s. 2.
18. Helo, L. Valittuja runoja / L. Helo. – Petroskoi : Karjalan ASNT:n valtion kustannusliike, 1956. – 316 s.
19. Jos linnulta siivet saisin : inkeriläisten runoja kadotetusta kotimaasta / сост. А. Мишин, Э. Киуру ; предисл. А. Мишин. – Petroskoi : Petroskoin yliopiston kustantamo, 2000. – 275 s.
20. Stepanov, O. Kotikunnan tarina. Osa 1. – Petroskoi : Periodika, 2002. – 661 s.
21. Stepanov, O. Kotikunnan tarina. Osa 2. – Petroskoi : Periodika, 2002. – 716 с.
22. Tihlä, H. Metsäkylilta. Kertomuksia / H. Tihlä. – Porvoo : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1909. – 118 s.
23. Tihlä, H. Jumalan lapsia / H. Tihlä. – Porvoo : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1911. – 154 s.
24. Timonen, A. Me karjalaiset / A. Timonen. – Petroskoi : Periodika, 2007. – 433 s.
25. Timonen, A. Mirja / A. Timonen. – Petroskoi : Karjala, 1980. – 597 s.
26. Virtanen, J. Työn lomassa : Runoja / J. Virtanen / Esipuhe M. Gorki. – Leningrad : Krasnaja gazeta-kust., 1930. – 104 s.
27. Virtanen, J. Valittuja runoja / J. Virtanen. – Petroskoi : Valtion kustannusliike kirja, 1936. – 287 s.

28. Калевала [Текст] : карело-финский народный эпос / пер. Л. П. Бельского. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 383 с.
29. Кантелетар [Текст] / Сост., вступ. статья У. С. Конкка. – Москва : Современник, 1985. – 399 с.
30. Карельский фольклор [Текст] : новые записи / под ред. В. Я. Проппа. – Петрозаводск : Госиздат Карело-Финской ССР, 1949. – 220 с.
31. Библия [Текст] : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : в русском переводе с параллельными местами и приложениями. – Москва : Российское библейское общество, 2006. – 1377 с.
32. Аврелий, А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Иппонского [Текст] / А. Аврелий // Богословские труды. 1978. Вып. 19. С. 71-264.
33. Григорьевский, М. Учение Святителя Иоанна Златоуста о браке [Текст] / М. Григорьевский. – Москва : Локид-Пресс и Патмос, 2007. – 287 с.
34. Григорий Палама. Беседы [Текст] : в 3 т. / Григорий Палама. – Москва : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1994. – Т. 1. – 230 с.
35. Дмитриев П., священник. Поучение в неделю о блудном сыне [Текст] / П. Дмитриев // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1917. – № 2. – С. 29-31.
36. Иоанн Лествичник. О памяти смерти [Текст] / Иоанн Лествичник // Иоанн Лествичник. Лествица. – Москва : Правосл. братство св. ап. Иоанна Богослова, 2001. – С. 82-86.
37. Никанор, епископ. Поучение в неделю блудного сына, в день поминовения усопшего раба Божия, Феодора Достоевского, знаменитого

писателя [Текст] / Никанор, епископ // Поучения Никанора епископа Уфимского и Мензелинского. – Уфа : Губернская типография, 1883. – 474 с.

38. Творения Блаженного Иеронима Стридонского [Текст] / Иероним Стридонский. – Киев : Типография И. И. Човолова, 1880. – Ч. 3. – 410 с.

39. Фаддей, архиерей. Слово в неделю о блудном сыне [Текст] / Фаддей // Олонецкие епархиальные ведомости. – 1906. – № 3. – С. 108-111.

40. *Biblia sacra vulgata juxta vulgatam versionem* / Preparavit R. Gryson. – Ed. Ll. Stuttgart. Deutsche Bibelgesellschaft, 1994. – 1980 p.

41. *Novum testamentum Graece* / post Eberhard Nestle et Erwin Nestle. – Editione vicesima septima revisa; communiter ediderunt Barbara et Kurt Aland. – Stuttgart: Deutsche Bibelstiftung, 1993. – 810 p.

Научная литература

42. Аверинцев, С. С. «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии [Текст] / С. С. Аверинцев // Вопросы литературы. – 1970. – № 3. – С. 113-143.

43. Алто, Э. Л. Финноязычная литература Карелии [Текст] / Э. Л. Алто // История литературы Карелии : в 3 т. / ред. колл. : Н. С. Надъярных, Ю. И. Дюжев, Э. Л. Алто, А. И. Чагин. – Санкт-Петербург : «Наука», 1997. – Т. 2. – 245 с.

44. Алто, Э. Л. Ялмари Виртанен. Жизнь и творчество [Текст] / Э. Л. Алто. – Петрозаводск : Карелия, 1988. – 142 с.

45. Балашова, Е. Ю. Дискурсивная специфика жанра евангельской притчи (на материале анализа притчи о блудном сыне) [Текст] / Е. Ю. Балашова // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 17-20.

46. Балашова, Е. Ю. Духовный концепт «любовь» в евангельской притче о блудном сыне [Текст] / Е. Ю. Балашова // Славянская культура: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. – С. 50-55.
47. Бальбуров, Э. А. Мотив и канон [Текст] / Э. А. Бальбуров // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». – Вып. 2 : Сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск : Инст-т филол СО РАН, 1998. – С. 6-20.
48. Батова, О. С. Образ «блудного сына» в произведениях Л. Пантелеева о беспризорниках [Текст] / О. С. Батова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 5 (90). – С. 131-135.
49. Бахтин, М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. – Москва : Худож. лит., 1975. – С. 6-72.
50. Биркхойзер-Оэри, С. Мать. Архетипический образ в волшебной сказке [Текст] / С. Биркхойзер-Оэри. – Москва : Когито-Центр, 2006. – 254 с.
51. Бломберг, К. Интерпретация притчей [Текст] / К. Бломберг. – Москва : ББИ, 2005. – 380 с.
52. Булгаков, С. Н. Христианский социализм : сборник [Текст] / С. Н. Булгаков. – Новосибирск : Наука, 1991. – 349 с.
53. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики [Текст] / А. Вежбицкая. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
54. «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма [Текст] / Отв. ред. член-корр. РАН А. Л. Топорков. – Москва : «Индрик», 2015. – 416 с.

55. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : «Индрик», 2005. – 320 с.
56. Габдуллина, В. И. «Блудные дети, двести лет не бывшие дома» [Текст] : Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского / В. И. Габдуллина. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2008. – 303 с.
57. Габдуллина, В. И. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева [Текст] : учебное пособие / В. И. Габдуллина. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2006. – 132 с.
58. Гильди, Л. А. Судьба «социально-опасного» народа. (Засекреченный геноцид финнов в России и его последствия. 1930 – 2002 гг.) [Текст] / Л. А. Гильди. – Санкт-Петербург : Изд-во ДЕАН, 2003. – 504 с.
59. Гольденберг, А. Х. «Вечный» сюжет у Гоголя и кризисные модели русской литературы [Текст] / А. Х. Гольденберг // Гоголевский сборник. – Санкт-Петербург ; Самара : Изд-во СГПУ, 2003. – С. 147-162.
60. Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. [Текст] / ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. – Вып. 1. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. – 258 с.
61. Гусев, Н. Н. Толстой в молодости [Текст] / Н. Н. Гусев. – Москва : Толстовский музей, 1927. – 404 с.
62. Дебрецени, П. Блудная дочь [Текст] : Анализ художественной прозы Пушкина / П. Дебрецени. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. – 398 с.
63. Деменева, К. А. «Станционный смотритель» А. С. Пушкина и «Старший сын» А. В. Вампилова в контексте притчи о блудном сыне [Текст] / К. А. Деменева // Вестник Российского университета дружбы

народов. – Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2015. – №. 2. – С. 44-51.

64. Доманский, Ю. В. Архетипические мотивы в русской прозе XIX века. Опыт построения типологии [Текст] / Ю. В. Доманский // Литературный текст : проблемы и методы исследования. – Вып. 4: Сборник научных трудов. – Тверь : Изд-во Тверского государственного ун-та, 1998. – С. 14 – 21.

65. Дюжев, Ю. И. История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века [Текст] : в 2 т. / Ю. И. Дюжев. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН. – Т. 1. – 242 с.; Т. 2. – 389 с.

66. Дюжев, Ю. И. Народный писатель Карелии Антти Тимонен [Текст] : очерк жизни и творчества / Ю. И. Дюжев. – Петрозаводск : Северное сияние, 2014. – 544 с.

67. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960 [Текст] / В. Н. Земсков. – Москва : Наука, 2005. – 304 с.

68. Иванова, Л. И. Народные представления и обряды, связанные с лемби [Текст] / Л. И. Иванова // Иванова Л. И., Миронова В. П. *Kuldazet kukkizet da kaunehet kanazet*. Магия поднятия лемби и свадьба в карельской народной культуре. – *Juminkeko*, 2014. – С. 11-107.

69. Иванов, Вс. Щедрость [Текст] : Очерк жизни и творчества Антти Тимонена / Вс. Иванов. – Петрозаводск : Карелия, 1986. – 71 с.

70. История литературы Карелии [Текст] : в 3 т. / ред. колл. : Н. С. Надъярных, Ю. И. Дюжев, Э. Л. Алто, А. И. Чагин. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1994 – 2000.

71. Казакова, М. В. Биография Армаса Иосифовича Хийри сквозь призму библейского сюжета [Текст] : на материале притчи о блудном сыне / М. В. Казакова // Православие в Карелии : материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и

- Карельской епархии (25-26 октября 2015 года, г. Петрозаводск). – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. – С. 372-377.
72. Казаркин, А.П. Проза Сибири в XX веке [Текст] / А. П. Казаркин // Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания / Под ред. А. П. Казаркина. – Томск : Изд-во «Сибирика», 2003. – С. 97-118.
73. Карельская литература [Текст] : сборник критических статей / сост. В. Иванов. – Петрозаводск : Государственное издательство Карельской АССР, 1959. – 347 с.
74. Карху, Э. Г. Ингерманландия и ингерманландцы [Текст] : опыт краткого историко-культурного описания / Э. Г. Карху. – Север. – 1990. – № 8. – С. 145-156.
75. Карху, Э. Г. Прощание с Ингерманландией [Текст] // Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории : Исследования и воспоминания. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1999. – С. 123-245.
76. Карху, Э. Г. Хильда Тихля [Текст] / Э. Г. Карху // Тихля Х. Избранное. – Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1966. – С. 3-11.
77. Карху, Э. Г. Эпоха 1920-х – 1930-х годов в романе Хильды Тихля «Страница переворачивается» [Текст] / Э. Г. Карху // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2000. – С. 122-126.
78. Кирьянен А. И. Ингерманландские финны: трудная история [Текст] / А. И. Кирьянен, А. В. Лабудин, А. А. Самодуров // Управленческое консультирование. – 2017. – № 5. – С. 130-140.
79. Ковтун, Н. В. Мотив блудного сына в современной традиционалистской прозе [Текст] / Н. В. Ковтун // Ковтун Н. В. Притча в русской словесности: от Средневековья к новому времени. Монография. – Новосибирск : Омега Принт, 2014. – С. 435-447.
80. Койвисто, Р. Р. Преемственная связь романа Хильды Тихля «Lehti kääntyy» («Страница переворачивается») с традициями финского

критического реализма [Текст] / Р. Р. Койвисто // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Материалы международной научной конференции. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2005. – С. 229-232.

81. Койвисто, Р. Р. Автобиографическая достоверность и творческий вымысел в повести Хильды Тихля «Leeni» [Текст] / Р. Р. Койвисто // Северная Европа в XXI веке : природа, культура, экономика : материалы международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24 - 27 октября 2006 года). – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2006. – С. 72-74.

82. Койвисто, Р. Р. Этические критерии и художественная правда новеллистики Хильды Тихля и ее романов «Хилма» («Hilma», 1913) и «Люди» («Ihmisiä», 1916) [Текст] / Р. Р. Койвисто // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. – Петрозаводск, 2013. – С. 81-99.

83. Корман, Б. О. Избранные труды. Теория литературы [Текст] / Б. О. Корман . – Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. – 552 с.

84. Криничная, Н. А. Русская народная историческая проза : вопросы генезиса и структуры [Текст] / Н. А. Криничная. – Ленинград : Наука, 1987. – 227 с.

85. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы : Смех как мировоззрение [Текст] / Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – 508 с.

86. Лопухин, А. П. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета [Текст] / А. П. Лопухин. – Москва : Белый город, Даръ, 2009. – 992 с.

87. Лызлова, А. С. Похищение женщины в русской волшебной сказке : к семантике фольклорной коллизии [Текст] : Авторефер. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / А. С. Лызлова. – Петрозаводск, 2011. – 25 с.

88. Мальчукова, Т. Г. Евангельская притча о блудном сыне и ее интерпретация в творчестве А. С. Пушкина [Текст] / Т. Г. Мальчукова // Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А. С. Пушкина. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. – С. 345-420.
89. Мария : Литературный альманах [Текст] / Сост. Г.Г. Скворцова. – Петрозаводск : Карелия, 1990. – 288 с.
90. Маркова, Е. И. «Георгиевский комплекс» в поэме Николая Клюева «Погорельщина» и тетралогии Федора Абрамова «Пряслины» [Текст] / Е. И. Маркова // Гуманитарные исследования в Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. – С. 132-137.
91. Маркова, Е. И. Совсем молодое солнце [Текст] / Е. И. Маркова // Север. – 1987. – № 12. – С. 97-104.
92. Маркова, Е. И. родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты [Текст] / Е. И. Маркова. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2009. – 354 с.
93. Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона : материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН [Текст] / сост. О. П. Илюха. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2005. – 415 с.
94. Мискина, М. С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Текст] / М. С. Мискина. – Томск, 2003. – 11 с.
95. Мишин, А. И. Пламя идеи [Текст] / А. И. Мишин // Север. – 1979. – № 1. – С. 105-107.
96. Мишин, А. И. Поэт-лирик Леа Хело [Текст] / А. И. Мишин // Север. – № 1-2. – 2012. – С. 192-194.
97. Мусаев, В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке [Текст] / В. И. Мусаев. – Санкт-Петербург : Изд-во

Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. – 450 с.

98. Очерк истории советской литературы Карелии [Текст] / отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. – Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1969. – 374 с.

99. Очерки литературы Карело-Финской ССР [Текст] / Сост. Л. А. Виролайнен, К. В. Чистов. – Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1954. – 211 с.

100. Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краевед. семинар [Текст] / Н. К. Пиксанов. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1928. – 148 с.

101. Пирхонен, М. Родина героев Николая Яккола : К 80-летию писателя [Текст] / М. Пирхонен // Север. – 1985. – № 4. – С. 102-111.

102. Прибалтийско-финские народы : история и судьбы родственных народов [Текст] / Сост. М. Йокипии. – Ювяскюля : «Атена», 1995. – 504 с.

103. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2005. – 512 с.

104. Прушинская, Н. А. Пьесы П. Пелля на сюжеты «Калевалы» [Текст] / Н. А. Прушинская // Проблемы литературы Карелии и Финляндии : Сб. ст. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1994. – С. 52-56.

105. Пустонен, У. Воспоминания [Текст] / У. Пустонен. Санкт-Петербург : Алетея, 2008. – 175 с.

106. Радомская, Т. И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. Опыт духовного, семейного, государственного устройства [Текст] / Т. И. Радомская. – Москва : Совпадение, 2006. – 240 с.

107. Радь, Э. А. Архетип блудного сына в произведениях А. С. Пушкина [Текст] / Э. А. Радь // «Два века с Пушкиным»: материалы

всероссийской научно-практической конференции. 17 – 18 февраля 1999 г. – Оренбург: ОГПУ, 1999. – Ч. 1. – С. 72-78.

108. Радь, Э. А. Проблема выбора путей и смены поколений в творчестве И. С. Тургенева [Текст] / Э. А. Радь // Христианство и культура: материалы конференций, посвященных 2000-летию Христианства. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2000. – С. 96-113.

109. Радь, Э. А. Конфликт поколений и ситуация выбора в произведениях литературы Древней Руси и XVIII века (К истории сюжета о блудном сыне) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Э. А. Радь – Самара, 2001. – 169 с.

110. Радь, Э. А. Механизм порождения сюжетных модификаций (на примере сюжета о блудном сыне) [Текст] / Э. А. Радь // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 60-64.

111. Радь, Э. А. Трансформация сюжета о блудном сыне в творчестве Л. Андреева [Текст] / Э. А. Радь // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сборник научных трудов. Москва : «Прометей», 2005. – С. 233-238.

112. Радь, Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох [Текст] : дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Э. А. Радь. – Саратовский государственный университет им. Н. Г.Чернышевского. – Саратов, 2014. – 350 с.

113. Радь, Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох [Текст] : монография / Э. А. Радь. – Москва: ФЛИНТА, 2014. – 278 с.

114. Резников, Л. Я. Слово о Ялмари Виртанене [Текст] / Л. Я. Резников // Карелия. Годы. Люди. – Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1967. – С. 101-111.

115. Родионова, А. Некоторые проблемы сложения карельской письменности [Текст] / А. Родионова // Karelia Written and Sung :

Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts. – Kikumora Publications. – Aleksanteri Series. – 2010. – № 3. – С. 59-71.

116. Ромодановская, Е. К. О структуре и принципах построения «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» [Текст] / Е. К. Ромодановская // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. – 2-е изд., стер. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. – Вып 1. – С. 3-12.

117. Ромодановская, Е. К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе [Текст] / Е. К. Ромодановская // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков : Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : Сб. науч. тр. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. – С. 73-111.

118. Ругоев, Я. Романтик, реалист, сатирик [Текст] / Я. Ругоев // Север. – 1989. – № 1. – С. 112-120.

119. Руханен, У. Н. В вихрях века : воспоминания и очерки [Текст] / У. Н. Руханен. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 263 с.

120. Руханен, У. Н. Хильда Карловна Тихля [Текст] / У. Руханен // Карелия: литературно-художественный альманах Союза Советских писателей Карелии. – Петрозаводск: Кирья. – 1937. – Кн. 2. – С. 47 -48.

121. Середенко, И. И. Архетип блудного сына в произведениях русских классиков [Текст] / И. И. Серденко // Культура и текст. – 2005. – № 9. – С. 16 -22.

122. Силантьев, И. В. Поэтика мотива [Текст] / И. В. Силантьев. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.

123. Сойни, Е. Г. Образная параллель «Россия – Финляндия» в русской эмигрантской литературе Финляндии 1920 – 1940-х годов [Текст] / Е. Г. Сойни // Труды Карельского научного центра РАН. – Сер. : Гуманитарные исследования. – 2011. – № 6. – С. 37 -44.

124. Соколова, В. К. Русские исторические предания [Текст] / В. К. Соколова. – Москва : Наука, 1970. –286 с.

125. Спиридонова, И. А. Вепсская литература : проблемы становления [Текст] / И. А. Спиридонова // История литературы Карелии. – Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2000. – Т.3. – С. 391-419.
126. Старшова, Т. И. Тетралогия «Водораздел» Н. М. Яккола (Творческая история. Идеино-художественные особенности) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Т. И. Старшова ; Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск, 1983. – 17 с.
127. Старшова, Т. И. Н. М. Яккола (1905-1967) [Текст] / Т. И. Старшова // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 1996. – С. 8-31.
128. Старшова, Т. И. Н. М. Яккола пишет «Водораздел» [Текст] : о работе писателя над повествованием / Т. И. Старшова // Север. – 1977. – № 5. – С. 122-128.
129. Сумманен, Т. Облик поэта [Текст] / Т. Сумманен // На рубеже. – 1957. – № 1. – С. 181-182.
130. Сурков, Е. А. Притча о блудном сыне и «рассказ» о блудной дочери [Текст] / Е. А. Сурков // Русская словесность: проблемы эволюции и поэтики : Сб. науч. ст. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 171-211.
131. Тюпа, В. И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ) [Текст] / В. И. Тюпа. – Москва : Лабиринт, РГГУ, 2001. – 192 с.
132. Тюпа, В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого [Текст] / В. И. Тюпа // Болдинские чтения. – Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1983. – С. 67-81.
133. Тюпа В. И. Словарь мотивов как научная проблема [Текст] / В. И. Тюпа, Е. К. Ромодановская // Материалы к «Словарю сюжетов и

мотивов русской литературы». – Вып. 1: От сюжета к мотиву. – Новосибирск : Инст-т филол. СО РАН, 1996. – С. 3-15.

134. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России [Текст] : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г. П. Федотов. – Т. 2. – Санкт-Петербург : «София», 1992. – 352 с.

135. Фисун, С. А. Мотив блудного сына в художественном мире В. М. Шукшина [Текст] / С. А. Фисун, И. Н. Островских // Филология и человек. – 2016. – № 3. – С. 74-86.

136. Хлызова, И. Ю. Жанровая дестабилизация притчи о блудном сыне в древнерусских бытовых повестях [Текст] / И. Ю. Хлызова // Мировая культура XVII—XVIII веков как метатекст : дискурсы, жанры, стили. – Вып. 26. Материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С.162-164.

137. Чалова, А. П. Система христианских мотивов в художественном мире «Тихого Дона» М. А. Шолохова: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 [Текст] / А. П. Чалова. – Сургут, 2007. –211 с.

138. Чернов, А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века [Текст] / А. В. Чернов // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. – С. 151-158.

139. Черюкина, Г. Л. Литературные версии притчи о блудном сыне в романах «Некуда» Н. С. Лескова и «Обрыв» И. А. Гончарова [Текст] / Г. Л. Черюкина // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып. 6. – Петрозаводск; Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – С. 112-119.

140. Чикина, Н. В. Роль национальной литературы в развитии карельского и вепсского языков [Текст] / Н. В. Чикина // Social science = Общественные науки. – 2015. – № 6. – Т. 1. – С. 231-244.

141. Чистович, И. А. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии [Текст] / И. А. Чистович. – Санкт-Петербург : тип. Я. Трея, 1856. – 154 с.
142. Шатин, Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформации в новой русской литературе [Текст] / Ю. В. Шатин // «Вечные» сюжеты русской литературы: («Блудный сын» и другие). – Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 1996. – С. 29-41.
143. Юдин, В. Заветные страницы [Текст] / В. Юдин // Дон. – 1997. – №9. – С. 207-211.
144. Юнг, К. Г. Архетип и символ [Текст] / К. Г. Юнг. – Москва : Ренессанс, 1991. – 297 с.
145. Юнг, К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству [Текст] / К. Г. Юнг // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX веков : трактаты, статьи, эссе. – Москва : Изд-во МГУ, 1987. – С. 214-231.
146. Ялмари Виртанен: К 30-летию литературной деятельности [Текст] / Петрозаводск : Кирья, 1936. – 35 с.

Справочная литература

147. Алто, Э. Л. Справочно-аналитические материалы по литературе Карелии (для «Энциклопедического словаря литератур народов России. XX век) [Текст] / Э. Л. Алто, И. А. Спиридонова, Ю. И. Дюжев. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1994. – 52 с.
148. Краткая литературная энциклопедия [Текст] / глав. ред. А. А. Сурков. – Москва: Сов. Энциклопедия. 1962—1978. – Т. 1–9.
149. Коппалева Ю. Э. Новый финско-русский словарь [Текст] / Э. Ю. Коппалева. – 3-е изд., исправл. и доп. – Санкт-Петербурог : Издатель Геннадий Маркелов, 2013. – 927 с.

150. Мифы народов мира [Текст] : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – Москва : Рос. энцикл., 1994. – Т. 1. – 671 с. ; Т. 2. – 719 с.

Литература на иностранных языках

151. Inkeri : Historia, kansa, kulttuuri / Toim. P. Nevalainen, H. Sihvo. – Helsinki : SKS, 1991. – 420 s.

152. Jalli, T. Jalmari Virtanen Suomessa / T. Jalli // Carelia. – 1990. – № 12. – S. 79-87.

153. Riehkalainen, Y. Inkerin suomalaiset : historiaa ja ihmiskohtaloita / Y. Riehkalainen // Carelia. – 2008. – № 2. – S. 132-150.

154. Ricoeur P. The Rule of Metaphor : Multy-Disciplinary Studies of the Creation of Meaning in Language. – Toronto : University of Toronto Press, 1977. – 384 p.

155. Ruhanen, U. Jalmari Virtanen: Muistelmia ja poimintoja / U. Ruhanen // Punalippu. – 1976. – № 8. – S. 87-93.

156. Sevander, M. Red Exodus : Finnish-American Emigration to Russia / Mayme Sevander. – Duluth : OSCAT : Atlas Games, 1993. – 232 p.

157. Summanen, T. Tulen kutsu / T. Summanen // Summanen T. Tästä ura urkenevi: Kirjallisuushistoriaa ja arvostelua. – Petroskoi, 1984. – S. 5–21.

158. Vihavainen, T. Kritiikki ja itsekritiikki: Eräitä kokeita historian laboratorioista, koekaniinina runoilija Jalmari Virtanen / T. Vihavainen // Parnasso (Helsinki). – 1987. – № 1. – S. 33-36.

159. Väätäinen, T. Sovettinaisen tervehdys Pushkinille. Toveri Hilda Tihlälle hänen 65-vuotspäivänään / T. Väätäinen // Neuvostonainen. – 1937. – № 4. – s. 17.

Библиографические указатели

160. Летопись литературной жизни Карелии (1977-1981) [Текст] / сост. Е. И. Такала, Х. П. Кабанова. – Петрозаводск : Карелия, 1984. – 208 с.
161. Летопись литературной жизни Карелии : (1982-1986) [Текст] / сост. Е. И. Такала, Х. П. Кабанова, Н. А. Прушинская. – Петрозаводск : Карелия, 1989. – 224 с.
162. Летопись литературной жизни Карелии (1987-1991) [Текст] / сост. Н. А. Прушинская, О. П. Кошкина, Э. П. Кемпинен. – Петрозаводск, 1994. – 192 с.
163. Национальные писатели Карелии : финская эмиграция и политические репрессии 1930-х годов [Текст]: библиографический указатель. Летопись литературной жизни Карелии (1917 – 1961). Дополнения / общ. ред. Ю. И. Дюжева, сост. Н. А. Прушинская, Е. И. Такала. – Петрозаводск : Национальная библиотека Республики Карелия, 2005. – 124 с.
164. Писатели Карелии : библиографический словарь [Текст] / сост. Ю. И. Дюжев. – Петрозаводск : Острова. – 304 с.
165. Чистяков, Г. П. Над строками Нового Завета [Текст] / Г. П. Чистяков. – Москва : Истина и жизнь, 2015. – 340 с.
166. Ялмари Виртанен: Указатель литературы [Текст] / Сост. Е. И. Такала, М. И. Туренкова. – Петрозаводск : РИО Госкомиздата КА ССР, 1988. – 51 с.

Электронные ресурсы

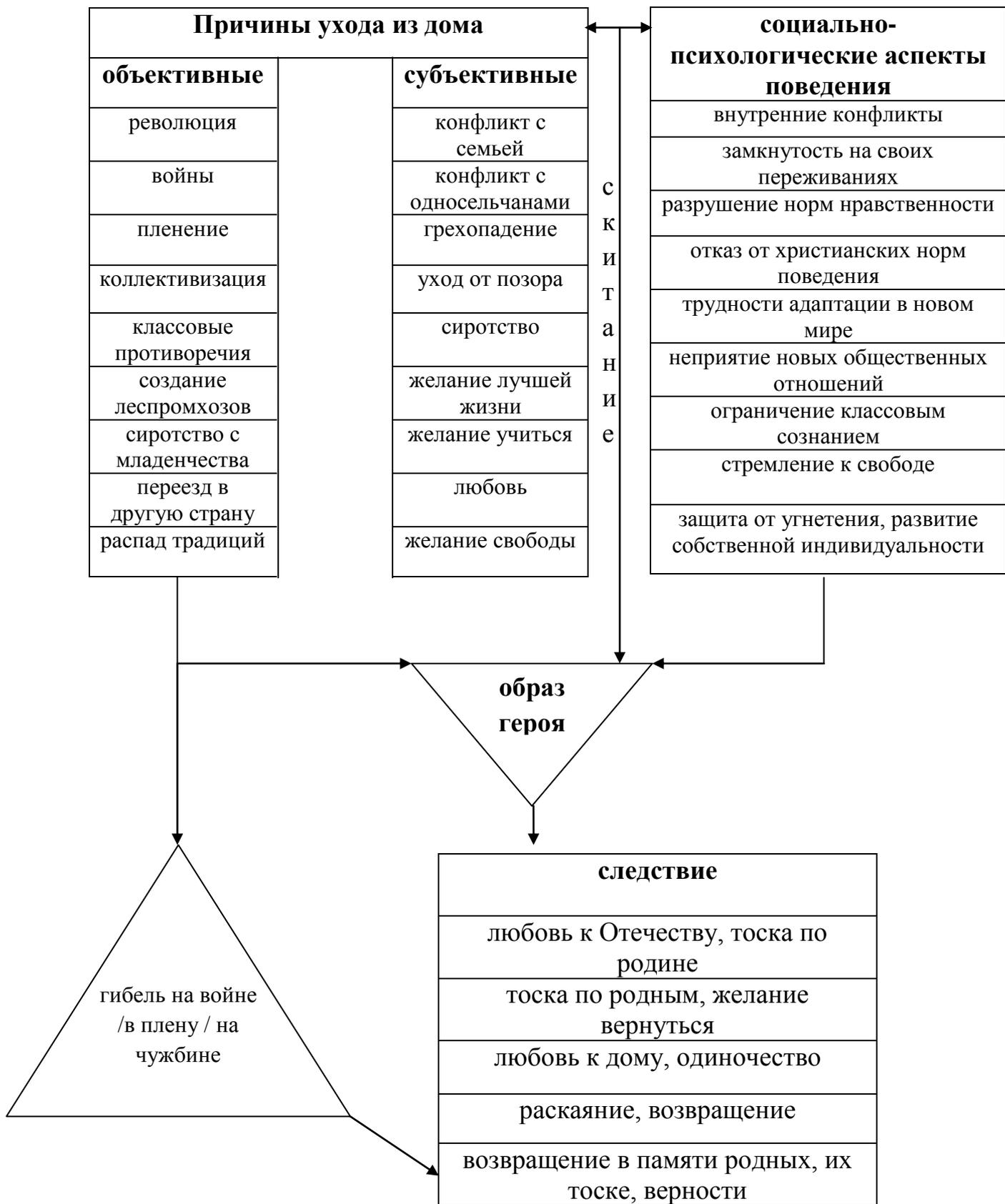
167. Антоний Сурожский, митрополит. О блудном сыне / Антоний Сурожский, митрополит // Проповеди и беседы. Париж, 1976

- [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Россия], 2008. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm>. – Яз. рус. – (09.04.2013)
168. Зайцева, Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения: автореф. дис. ...докт. филол. наук. Саранск, 2009. [Электронный ресурс] / Т. И. Зайцева. – Электрон. дан. – [Россия], 2009. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm>. – Яз. рус. – (10.08.2016).
169. Колоколова, О. А. Античные и христианские традиции в поэзии Н. С. Гумилева [Электронный ресурс] : [монография] / О. А. Колоколова, Т. Г. Мальчукова, А. Ю. Нилова. – Электрон. дан. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).
170. Толкование Священного Писания Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Россия]. – URL: <http://feofilakt.ru/>. – Яз. рус. – (09.04.2014)
171. Феофан Затворник. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия [Электронный ресурс] / Феофан Затворник. – Электрон. дан. – [Россия], 2010. – URL: <http://kostino.orthodoxy.ru/feofan1.htm>. – Яз. рус. – (19.04.2013)
172. Шмеман Александр, протопресвитер. Возвращение в отчий дом. [Электронный ресурс] / Александр Шмеман. – Электрон. дан. – [Россия]. – URL: http://www.zavet.ru/a/post_1046337711.html. – Яз. рус. – (05.03.2016)
173. Шмеман Александр, протопресвитер. Зачем поют псалом изгнания и каков смысл Недели о блудном сыне [Электронный ресурс] / Александр Шмеман // Православие и мир. – Электрон. дан. – [Россия], 2016. – URL: <http://www.pravmir.ru/velikiy-post-pochemu-segodnya-vecherom-budut-pet-psalom-izgnaniya-i-kakov-smyisl-nedeli-o-bludnom-syine/>. – Яз. рус. – (05.03.2016)

174. Пейсти, Я. Н. Место, указанное Богом : поток Хораф [Электронный ресурс] / Я. Н. Пейсти. – Электрон. дан. – [Россия], 2012. – URL: <http://www.mirvboge.ru/2012/05/mesto-ukazannoe-bogom-potok-horaf/>. – Яз. рус. – (01.09.2016).
175. Пейсти, Я. Н. Блудный сын [Электронный ресурс] / Я. Н. Пейсти // Архив проповедей Я. Н. Пейсти. – Электрон. дан. – [Россия], 2010. – URL: <http://www.rcr.ru/index.php/mainmenu-39/2010-04-01-13-09-16>. – Яз. рус. – (05.09.2016).
176. Пекки, А. «Я снова здесь, на улицах твоих, Петрозаводск...» [Электронный ресурс] : К 90-летию со дня рождения Т. Гуттари – Леа Хело // Стихи о Карелии. – Электрон. дан. – [Россия]. – URL: <http://www.laidinen.ru/books.php?part=382&code=393&letter=%D5>. – Яз. рус. – (25.04.2016).
177. Руханен, У. Н. «Лирик, новатор в поэзии». Биографическая статья о Тобиасе Гуттари (Леа Хело) [Электронный ресурс] // Стихи о Карелии. – Электрон. дан. – [Россия]. – URL: <http://www.laidinen.ru/books.php?part=382&code=393&letter=%D5>. – Яз. рус. – (25.04.2016).
178. Священномученик Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский. Слово в неделю о блудном сыне // Православный собеседник. – 2016. – Вып. 10 (103). – 28 февр. (15 февр.) – С. 10-11. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Россия], URL: <http://pravme.ru/uploads/files/00/00/01/2016/02/27/576c047fc4.pdf> свободный. (09.05.2016)
179. Kulkurin iltatähti [Электронный ресурс] // Muusiikki kirajasto. – Электрон. дан. – [Финляндия], 2010. – URL: <http://www.fono.fi/LaajennettuNakutulos.aspx?kappale=Kulkurin+iltat%c3%a4hti&culture=fi>. – Яз. финск. – (22. 09. 2016).

Приложение 1

Причинно-следственные связи в поведенческом аспекте героев, представленных в исследовании

Приложение 2

Модель трансформации мотива блудного сына в финноязычной литературе Карелии XX века

